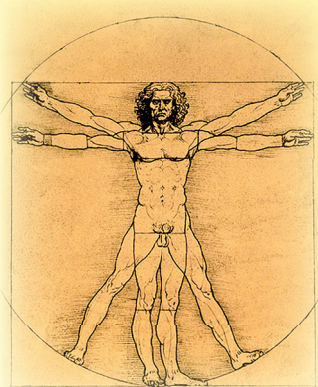


ISSN 2076-4359

Учёные записки № VI (54) 2021

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета



富足



Науки о человеке, обществе и культуре

16+



Рукописи проходят обязательное рецензирование.
Редакция не возвращает рукописи авторам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых периодических изданий ВАК РФ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КНАГУ», находящейся на сайте <http://www.knastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя:
681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд.508
Телефон для справок:
+7 (4217) 24-13-48
Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КНАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев , д-р техн. наук, проф.
Заместитель главного редактора, ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»:	Сергей Николаевич Иванов , д-р техн. наук, доц.
Заместитель главного редактора, ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина , канд. филол. наук, доц.
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко , канд. техн. наук
Менеджер информационных ресурсов:	Иван Константинович Андрианов , канд. техн. наук

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (**Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф.);
2. Энергетика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф.);
3. Управление, вычислительная техника и информатика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Николаевич Иванов**, д-р техн. наук, доц., **Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
4. Математика и механика (**Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
5. Машиностроение (**Михаил Юрьевич Сарилов**, д-р техн. наук, доц., **Борис Николаевич Марьин**, д-р техн. наук, проф., **Борис Яковлевич Мокрицкий**, д-р техн. наук, доц., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
6. Металлургия и металловедение (**Владимир Алексеевич Ким**, д-р техн. наук, проф., **Олег Викторович Башков**, д-р техн. наук, доц.);
7. Флот и кораблестроение (**Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Виктор Михалович Козин**, д-р техн. наук, проф.);
8. Науки о земле и безопасности жизнедеятельности человека (**Ирина Павловна Степанова**, д-р техн. наук, проф.);
9. Строительство и архитектура (**Николай Петрович Крадин**, д-р архитектуры, проф., член-корреспондент РААСН, **Олег Евгеньевич Сысоев**, д-р техн. наук, доц.).

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:

1. Философия, социология и культурология (**Татьяна Алексеевна Чабанюк**, д-р культурологии, проф., **Виктория Юрьевна Прокофьева**, д-р филол. наук, проф., **Вера Ивановна Юдина**, д-р культурологии, доц., **Надежда Юрьевна Костюрина**, д-р культурологии, доц., **Илья Игоревич Докучаев**, д-р филос. наук, проф., **Александр Георгиевич Никитин**, д-р филос. наук, проф.);
2. Филология и искусствознание (**Олег Александрович Бузуев**, д-р филос. наук, проф.);
3. Психология и педагогика (**Татьяна Евгеньевна Наливайко**, д-р пед. наук, проф.);
4. Политология и право (**Владимир Александрович Смоляков**, д-р полит. наук);
5. История (**Жанна Валерьяновна Петрунина**, д-р ист. наук, проф.);
6. Экономика (**Геннадий Иванович Усанов**, д-р экон. наук, проф., **Елена Витальевна Кизиль**, д-р экон. наук, доц.).

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

СЕРИЯ: «НАУКИ О ПРИРОДЕ И ТЕХНИКЕ»

АВИАЦИОННАЯ И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШПОРТ, доктор технических наук

ЦУЙ СЮЙ, профессор Шеньянского аэрокосмического университета (КНР)

ЭНЕРГЕТИКА

АЛЕКСАНДР ЛООС, доктор философии, профессор Академии Грюндига в Нюрнберге (Германия)

ИШТВАН ВАЙДА, доктор технических наук, профессор, директор Института автоматизации Будапештского университета технологий и экономики (Венгрия)

ШАНДОР ХАЛАС, доктор технических наук, профессор Будапештского университета технологий и экономики (Венгрия)

УПРАВЛЕНИЕ, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ИНФОРМАТИКА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬНИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, директор Института автоматизации и процессов управления ДВО РАН

ТАКАО ИТО, доктор технических наук, профессор факультета бизнес-управления Университета Мияки (Япония)

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА

НИКИТА ФЁДОРОВИЧ МОРОЗОВ, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕВИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом математического моделирования, механики и мониторинга природных процессов Института автоматизации и процессов управления ДВО РАН

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ АННИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом механики деформируемого твёрдого тела Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ЭДУАРД СТЕПАНОВИЧ ГОРКУНОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института машиноведения УрО РАН

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ХОЛЬКИН, академик РАН, доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технологического университета «Станкин»

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБЛОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Всероссийского института авиационных материалов

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ ГРИГОРОВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией диагностики материалов Института металлургии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН

ФЛОТ И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ НАУМОВ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем морских технологий ДВО РАН

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства РАСХН

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

ШИ ТИЕМАО, доктор философии, профессор, проректор Шеньянского архитектурно-строительного университета (КНР)

СЕРИЯ: «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ»

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДАВИД ИЗРАИЛЕВИЧ ДУБРОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

КИРИЛЛ ЭМИЛЬЕВИЧ РАЗЛОГОВ, доктор искусствоведения, профессор, президент АНО «Новый институт культурологии»

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета

ВАН ЦЗИНЬЛИН, доктор философии, профессор, директор Института международного образования Чанчуньского университета (КНР)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА АРТАМОНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МЕРЕЦКИЙ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР МАНУЭЛЬЕВИЧ РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДР ЕВСТРАТЬЕВИЧ ЗУБАРЕВ, доктор экономических наук, профессор, первый проректор по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Тихоокеанского государственного университета

Амгаланова М. В.
M. V. Amgalanova

АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИДЕЙ И ТВОРЧЕСТВА БУРЯТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

UPDATE OF AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF BURYAT INTELLIGENTSIA IDEAS AND CREATIVITY OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY IN MODERN REALITIES

Амгаланова Мария Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствovedения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); тел. 8(924)775-77- E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Maria V. Amgalanova – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Culture and Art Studies Department, East-Siberian State Institute of Culture (Russia, Ulan-Ude); tel. 8(924)775-77-88. E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Аннотация. На рубеже XIX-XX веков социально-политические процессы в Российской империи обусловили национальные движения практически во всех регионах страны, в том числе и в Бурятии. Несмотря на то что пути монгольских народов разошлись в XVII-XVIII веках в силу различных политических условий, буряты считали себя частью общемонгольского мира. Территориальная близость к Монголии, общность исторического и культурного пути привели к формированию в среде зарождавшейся бурятской национальной интеллигенции концепции панмонголизма, получившей негативную общественно-политическую оценку и в имперской России, и в советский период. Представители панмонголизма были репрессированы, в течение долгого времени научное и творческое наследие А. Доржиева, Б. Барадина, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова и других не было известно широкой аудитории. Объектом исследования являются концептуальные положения доктрины панмонголизма, предметом – процессы модернизации практически патриархального бурятского общества в контексте реализации положений доктрины и их актуализация в современных условиях. Основными методами стали аксиологический и историко-культурный, позволившие показать, что ценностные основания национальной бурятской культуры, которые легли в основу процессов модернизации, обеспечили сохранение социокультурной целостности и путей развития этноса в XX и начале XXI веков. В результате приходим к выводу, что определённые идеи и творчество бурятских реформаторов являются культурным наследием бурятского народа, имеющим научную и художественную значимость, изучение которого необходимо для обогащения современной культурной жизни региона.

Summary. Socio-political processes in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries caused national movements in almost all regions of the country, including Buryatia. The ways of the Mongolian peoples diverged in the XVII-XVIII centuries due to different political conditions. Despite this, the Buryats considered themselves as part of the common Mongolian world. The territorial proximity to Mongolia, the common historical and cultural path led to the formation of the concept of pan-mongolism among the emerging Buryat national intelligentsia, which received a negative socio-political assessment both in imperial Russia and in the Soviet period. Representatives of Pan-Mongolism were repressed, for a long time the scientific and creative heritage of A. Dorzhiev, B. Baradin, P. Dambinov, Ts. Zhamtsarano, G. Tsybikov and others was not known to a wide audience. The object of the research is the conceptual provisions of the doctrine of panmongolism. The subject of the research is the processes of modernization of the patriarchal Buryat society in the context of the implementation of the doctrine provisions and their actualization in modern conditions. The main methods were axiological and historical-cultural, which made it possible to show the following. The value foundations of the national Buryat culture formed the basis of modernization processes, ensured the preservation of the socio-cultural integrity and ways of development of the ethnos in the XX and early XXI centuries. As a result, the author comes to the conclusion that certain ideas and creativity of the Buryat reformers are the cultural heritage of the Buryat people, which has scientific and artistic significance. Its study is necessary to enrich the modern cultural life of the region.

Ключевые слова: национальная бурятская культура, ценность, национальная интеллигенция, идеология панмонголизма, культурное наследие.

Key words: national Buryat culture, value, national intelligentsia, ideology of Pan-Mongolism, cultural heritage.

УДК 930.85(571.54)"20"

В начале XX века традиционное бурятское общество характеризовалось патриархальностью жизни, наличием сословной, религиозной, гендерной дискриминации, отсутствием квалифицированной медицинской помощи и образовательных учреждений: «Невежество, ... беспомощность в степи поддерживаются неблагоприятными условиями. До сих пор у бурят нет ни одной общеобразовательной школы, доступной массе, школы, где бы знания передавались на родном языке... И быть может ещё долго буряты будут лечить своих больных посредством кровавых жертвоприношений, культа онгонов, шаманских камланий, ламских дорогостоящих гурумов» [8, 176]. Национальная интеллигенция понимала, что коренное население не может более существовать в рамках традиционного кочевого общества. Свою главную задачу они видели в освобождении бурят от религиозного фанатизма и приобщении их к достижениям мировой цивилизации.

Отметим, что в тех социокультурных условиях само появление национальной интеллигенции можно считать уникальным фактом, представителями которой стали образованные буряты, не принадлежавшие родовой аристократии. Основными сферами, которые, по их мнению, подлежали модернизации, стали религия, образование, подготовка национальных кадров. Концептуальная сущность назревших реформ виделась ими в сохранении ценностных основ национальной бурятской культуры. Важное место в этом культурно-историческом процессе уделялось изменению жизни простого арата.

Одной из особенностей бурятской культуры были исторически сложившиеся этнокультурные различия западных и восточных бурят: языковые, религиозные, бытовые, которые со временем усилились в связи с проживанием западных бурят в Иркутской губернии, а восточных – в Забайкальской области. Социально-экономические различия жизни регионов обусловили формирование «западного» и «восточного» течений по вопросам культурного развития бурятского народа. Так, «западники» стояли на позиции необходимости культурной ориентации бурят на европейскую культуру, а «восточники» – на общемонгольскую. Острую полемику по этим вопросам можно проследить на страницах популярного в то время сборника «Сибирские вопросы», издаваемого в Томске.

Видения и конкретные предложения относительно будущего бурятского народа, опубликованные в журнале в первом десятилетии XX века, свидетельствуют о намерениях модернизации именно культурной жизни. Одним из ярких представителей национальной интеллигенции и панмонголизма был Ц. Жамцарано, он ввёл в научный оборот и общественно-политический дискурс понятие «культурный панмонголизм», обозначающий сближение монгольских народов на основе единой культуры и дальнейшее развитие этой единой культуры. Концепция западников отражалась в положении, высказанном М. Богдановым: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями» [2, 47].

Основную и первостепенную задачу представители обоих течений видели в подготовке квалифицированных национальных кадров в области здравоохранения, образования, профессионального искусства. Данные переписи 1911 года свидетельствуют, что не более 8-10 % бурятских детей имели возможность получить начальное образование [3, 44], не говоря уже о профессиональном. Следовательно, необходима была кардинальная реформа образования. Программным положением стало требование о всеобщем обязательном обучении. Система начального школьного образования со второй половины XIX века была представлена различными типами школ: государственными, частными, дацанскими, церковноприходскими и др. В целом в Иркутской губернии школьное образование, в том числе и в количественном отношении как школ, так и учащихся, было представлено гораздо лучше, чем в Забайкальской области, что было связано с её более интенсивным социально-экономическим развитием. Однако в обоих регионах нормативно-правовая база, ведомственная подчинённость, сложность внутренней структуры образовательных учреждений характеризовались непоследовательностью и противоречивостью организации, что усложняло доступ к получению образования.



Сложность организации системы образования в этнической Бурятии определялась следующими проблемами. Во-первых, экономической проблемой. Многие семьи не могли терять рабочие руки, поэтому наличие стипендии решило бы вопрос увеличения количества обучающихся. В Забайкалье вопрос частично решался местными силами бурятского населения: «На их средства главным образом выстроена гимназия в Чите, они дают стипендии в средние и высшие школы, они безрезультатно долгие годы хлопочут об устройстве сельско-хозяйственного училища и желают... обязательного всеобщего обучения своих детей родной и русской грамоте» [5, 168]. Практически единственным центром просвещения, а не только местом отправления религиозного культа в Забайкалье был дацан, включающий в свою структуру разноуровневые школы. В каждом из крупных дацанов, таких как Анинский, Онинский, Цугольский проходили обучение 800-900 учеников [5, 173]. Содержание школ, монастырских библиотек, мастерских требовало больших экономических затрат, которых у дацанов не было.

Во-вторых, наиболее остро стоял вопрос национализации образования, касающийся не столько доступности образования для инородцев, сколько содержания образования. Известный этнограф и историк А. П. Щапов в середине XIX века относительно сибирских школ отмечал следующее: «Школы... большей частью, подрывали коренные, естественные основы племенных особенностей. Поэтому многие сибирские инородцы смотрели на учреждаемые для их детей русские школы как на прямое орудие совершенного искоренения народности, притом в самых зародышах или семенах её – молодых поколениях» [10, 462]. Бурятские дети, которые в целом отличались любознательностью и целеустремленностью в получении образования, большей частью не могли освоить программу обучения и, как следствие, исключались из школы или оставались на второй год. Причина была проста: дети не владели русским языком, а педагоги – бурятским. Совсем по-другому ситуация складывалась в тех школах, где преподавали учителя-буряты или русские учителя, владеющие бурятским языком. Поэтому на всех съездах бурят, начиная с 1904 года, программным положением стало открытие бурятской учительской семинарии. Понимали реформаторы и необходимость обучения русской грамоте, но основной упор в содержании образования делали на сохранение региональных основ: родного языка, родной истории, литературы. Кроме того, они добивались всеобщего обязательного образования детей обоего пола, без ограничений для инородцев и иноверцев [5, 172]. Отметим, что не только представители общественности, администрации, но и религиозные деятели выступали за равноправие женщин. Что касается религиозной дискриминации, то здесь вопрос стоял гораздо острее. Так, например, Б. Барадин, Ц. Жамцарано были вынуждены уйти из гимназии П. А. Бадмаева (Санкт-Петербург) из-за отказа перейти в православие. Это были далеко не единичные случаи.

В-третьих, отсутствовала учебно-методическая база, сложность создания которой заключалась не только в отсутствии типографий, но и определялась проблемой графической письменности. В течение многих столетий буряты пользовались так называемой старомонгольской письменностью, но к концу XIX века она перестала удовлетворять фонетические требования бурятского языка, уже была не в состоянии отразить языковые изменения в новых условиях социокультурного развития. У реформаторов имелись три принципиально разные позиции: сохранение старомонгольской письменности, ассимиляция, латинизация. Известными бурятскими общественными (Н. Амагаев, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино), буддийскими (А. Доржиев) деятелями, учёными (Г. Цыбиков) на реформированной в разных вариациях старомонгольской письменности были созданы пособия, грамматики, букварь для детей, «Новый монголо-бурятский алфавит», которые использовали в учебном процессе вплоть до 1930-х годов. Резкой критике сохранение старомонгольской письменности подверг М. Богданов – представитель прибайкальских бурят. Его позиция ассимиляции была обусловлена тем, что в школах Иркутской губернии уже со второй половины XIX века не преподавался монгольский язык и письменность, а учебная литература издавалась на бурятском языке русской графикой. Кроме того, делопроизводство велось на русском языке. Латинизацию предложил учёный-востоковед Б. Барадин, полагавший, что наиболее ценным, оригинальным и национальным является язык, а алфавит – лишь внешним и условным изображением языка. Латинизация письменности была поддержана советским руководством, но в целом вопрос

реформирования письменности оставался открытым вплоть до конца 1930-х годов – до окончательного перехода на кириллицу. Русская графическая система сегодня используется и в Монголии. Известный учёный Д. А. Клеменц ещё в начале XX века говорил о «крайней бедности латинского алфавита для передачи звуков новых языков... можно было бы взяться за приспособление европейского алфавита, но, конечно уже, скорее русского, потому что он гораздо богаче звуками» [7, 13].

В-четвёртых, насущной необходимостью стала подготовка собственных кадров, для чего были необходимы многоуровневая система образования, расширение сети средних, высших и специальных учреждений. Выше нами отмечалось, что буддийский монастырь – дацан – был центром духовной и художественной культуры, а также центром просвещения. На начало 1920-х годов в Забайкалье осуществляли образовательную деятельность более семидесяти дацанских школ, что было значительно больше, чем в любой другой национальной республике [4, 20]. По мнению реформаторов, следовало использовать потенциал дацанских школ с некоторой модернизацией. В частности, предлагалось придать им характер академий с 13-летним курсом обучения и организацией медицинского (тибетская и европейская медицина), естественно-философского (опытные науки, индо-буддийская и европейская философия), филологического (тибетский, санскритский, монгольский и русский языки) и математико-тантрического (символика) факультетов. Также реформаторы понимали необходимость обучения грамоте и взрослого населения, для которого предлагали открыть специальные курсы, проводить беседы, организовывать массовое чтение. Процессу всеобщего образования и приобщения к мировым событиям могло способствовать, в частности, издание газет и журналов. Однако издательство «Наран» выпустило всего несколько сборников бурятских сказок, пословиц, стихов, а газета «Жизнь на восточной окраине», издаваемая на средства известного врача-тибетолога П. А. Бадмаева, просуществовала не более года [6, 42].

На практике не удалось не только подготовить квалифицированные национальные кадры для социокультурной сферы, но и решить проблему всеобщего начального образования. Это было связано с объективными условиями традиционности бурятского общества, но главное, масштабом охвата и отсутствием исторического времени для их реализации. Тем не менее ими были заложены основные направления социокультурного развития, не утратившие актуальности и сегодня.

Дискуссии относительно языка и письменности не только получили научное обоснование и практическое воплощение, но и заложили прочный фундамент для дальнейшего развития бурятского языкознания. Язык народа – важнейший компонент национальной культуры, отражающий особенности сознания, является предпосылкой и условием существования народа. Национальная интеллигенция исходила из того, что потеря родного языка в целом угрожает самому существованию бурят как самостоятельного этноса. Объективные условия жизнедеятельности народов в новом советском государстве, обусловленные масштабными политическими и социально-экономическими изменениями, сделали русский язык официальным государственным языком. Современная ситуация показывает, что происходит потеря родного языка. Если в середине XX века имелось поколение, достаточно прочно и глубоко владевшее родным языком, то к концу XX века владеющих бурятским языком как родным стало значительно меньше, что обуславливает и потерю традиционных культурных связей с предшествующим поколением. Сегодня этот процесс продолжает углубляться и расширяться, поэтому идеи внедрения регионального компонента, в частности бурятского языка, родной истории, литературы в образовательный процесс, актуализированы.

Для национальной интеллигенции вопрос развития бурятского языка коррелировался с его литературной формой, являющейся сокровищницей речевой культуры и выдающихся достижений мастеров слова. Реформа литературного языка была вызвана необходимостью сделать его понятным и доступным для широких масс, а не только для привилегированного слоя, как это было ранее. Этому могло способствовать создание литературы, которая отражала актуальные социальные процессы. Бурятская литературная традиция была представлена философскими, правовыми, религиозными буддийскими текстами, но она не имела традиций светской прозы и драматургии. В целом бурятская литература находилась на стадии средневековой синкретичности. С именами Ч. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Н. И. Занданова, Д.-Р. Нам-



жилона и другими связано зарождение новой литературы – социально-просветительской, обличавшей общественные пороки (пьянство, картёжничество, религиозный фанатизм и т.п.). Её отличительной чертой от предыдущей литературной традиции стало то, что она создавалась усилиями индивидуальных авторов, которыми был заложен фундамент дальнейшего развития национальной литературы в целом. Появились новые жанры и формы, в том числе и литература для детей.

Трудности, возникшие на ранних этапах развития, были обусловлены тем обстоятельством, что бурятская литература возникла почти исключительно на почве фольклора, минуя целые исторические стадии мирового художественного развития. Кроме того, начинающие писатели не имели ни образования, ни специальных практических навыков. Не имея письменных традиций прозы и драматургии, национальная бурятская литература прошла ускоренный путь развития от одноактных пьес и небольших рассказов до крупных жанров повести и даже романа уже к началу 1940-х годов.

И сегодня эти произведения не утратили своей исторической ценности, служа источником информации о сложной, неоднозначной, насыщенной культурными и политическими событиями жизни бурятского народа в начале XX века. О социокультурной значимости первых поэтических, прозаических и драматургических опытов Б. Барадина, Р. Галанова, Д. Дашиинимаева, Ц. Дона, Солбонэ Туя и других говорит включение их произведений в сборники «Писатели Аги. XX век» в 5 томах, «Антология литературы Бурятии XX-XXI веках» в 3 томах.

Особенно стоит отметить научную деятельность реформаторов. В частности, сбор и публикация экспедиционных материалов, путевых заметок о повседневной жизни, истории и традиционной культуре народов Центральной Азии не потеряли своей актуальности и научной значимости сегодня. Так, результатом экспедиции Б. Барадина в Тибет по заданию Русского комитета при Академии наук по изучению Средней и Восточной Азии стала публикация серии работ, которые принесли автору мировое признание. С этого момента Б. Барадин занял почётное место среди ведущих учёных-востоковедов Российской империи, ему была присуждена премия им. Пржевальского, он был принят в члены Российского географического общества. Вплоть до 1929 года он был Председателем Бурятского учёного комитета (сегодня Бурятский научный центр СО РАН). В память о заслугах в 2012 году у Центра восточных рукописей БНЦ СО РАН был открыт памятник Базару Барадину. Ц. Жамцарано участвовал в нескольких экспедициях в Забайкалье, во Внутреннюю Монголию, Орхон по сбору фольклорного и этнографического материала. Был награждён серебряной медалью Русского географического общества и премией им. Пржевальского. Сегодня лишь часть собранных им уникальных материалов была опубликована. Ч.-Л. Базарон входил в состав экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию и Китай по сбору фольклорного материала. Уже в советский период П. Дамбинов, будучи руководителем Художественной секции Бурятского учёного комитета, отправлял полевые экспедиции за уникальным фольклорным и этнографическим материалом, осуществлял его систематизацию, записывал первые рукописные пьесы. Огромной его заслугой является рукопись «Об искусстве бурятских дацанов», хранящаяся в Архиве редких рукописей и ксилографов Бурятского научного центра СО РАН, которая представляет собой несомненную культурно-историческую ценность, поскольку многое из того, о чём записано в рукописи, было утрачено в ходе антирелигиозной кампании.

За короткий срок небольшим количеством представителей национальной интеллигенции была проделана огромная работа, в образовательной, научной и творческой областях были достигнуты высокие результаты. Поэтому сегодня мы можем говорить о том, что реализация панмонгольских идей бурятской интеллигенцией стала «катализатором развития гуманитарных знаний» [7, 24].

Важным аспектом в сохранении национальной культуры, национальной идентичности Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Ч. Иролтуев, Б.-Д. Очиров, Г. Цыбиков и другие видели буддизм. Они считали, что необходимо реформировать буддийскую церковь, а буддийскую этику сделать понятной и доступной простому народу, поскольку религия, по их мнению, была «единственной формой идеологии, язык которой был понятен и доступен народу» [9, 44]. В условиях имперской политики по насильственной христианизации, на их взгляд, именно буддизм был при-

зван выполнить объединительную миссию всего бурятского народа. Ц. Жамцарано отмечал: «Буддизм исповедуется большинством соплеменников и сородичей... Чем правительство и миссионеры усерднее проводили свою обрусительно-крестительную политику, чем гонения и насилие шире применялись к бурятам, тем сильнее и дружнее шло движение в сторону буддизма и в сторону тех своих сородичей, которые благодаря буддизму сохранили свою письменность, национальную целостность и солидарность. Буддизм в глазах народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилия» [4, 20-21].

Однако это было не совсем так. Данное высказывание Ц. Жамцарано отражало общую тенденцию соперничества буддизма и православия, особенно остро проявившегося как раз на рубеже столетий. Конечно, это соперничество изначально не было равным. Несмотря на то что буддизм был официально разрешённой религией, православие имело более высокий статус – государственной религии. Когда в конце XIX века буддизм начал проникать в западную Бурятию, это встретило активное сопротивление со стороны православных священников, получавших поддержку царской администрации. Усиление роли православия в контексте имперской политики отражало желание сделать окраины империи «русскими». Но при этом православие способствовало укреплению экономических и культурных связей Сибири с Россией, сближению коренного населения с русскими переселенцами. Хозяйственные контакты с русскими позволяли перенимать новые виды и способы материальной культуры, в миссионерских школах буряты приобщались к русской письменной культуре, в церковных хорах некоторые песнопения были переведены на бурятский язык.

Идея об определении буддизма в качестве общенационального консолидирующего фактора была рассчитана на долгосрочную перспективу, хотя единого мнения по этому вопросу среди бурятской интеллигенции также не было. Возрождение духовной культуры бурятского народа представителями бурятской интеллигенции виделось в первую очередь в возможности сохранения буддийской религии. Но, поскольку они были просвещёнными высокообразованными людьми, то их деятельность отличалась критическим подходом к религиозным положениям и традициям. Они понимали необходимость модернизации буддизма и обновления традиционной религиозности с целью приспособления буддизма к новым условиям, поиска точек соприкосновения буддизма и достижений современной европейской и российской науки, в полной мере учитывая, что «буддизм прочно вошёл во все области жизни большинства народа, и осознавали громадную роль буддизма в политической и духовной консолидации бурятского народа» [1, 95]. Тем самым они пытались сделать «обновлённый» буддизм идеологией бурятского народа, явлением не только национальной, но и мировой культуры.

Предполагалось реформировать содержание учения, культов и сангху (монашескую общину). Не вдаваясь в очень сложные проблемы модернизации буддизма, отметим, что предполагалось возвратиться к основам классического буддизма, освободить его от суеверий, магии, языческих элементов шаманизма, упразднить сложные и непонятные рядовым верующим обряды, повысить авторитет духовенства, в том числе за счёт приобщения лам к европейской науке и культуре.

Но при этом имели место достаточно противоречивые взгляды «обновленцев» на модернизацию буддийской церкви. Так, Ц. Жамцарано была предпринята попытка представить буддизм в качестве атеистической и альтруистической религии. Даже через десять лет после революции, в условиях разворачивающейся антирелигиозной кампании, Ц. Жамцарано не оставлял попыток реформирования буддизма, не только сравнивая буддийское учение с новым мировоззрением, основанным на научной теории коммунизма. В работе «Основы буддизма», изданной в 1927 году в Улан-Баторе, он предлагал основать социализм на принципах буддизма, отмечая, что В. И. Ленин высоко ценил буддизм. Данная идея Ц. Жамцарано не нашла поддержки и в среде бурятской интеллигенции, в частности у А. Доржиева, М. Богданова и известного учёного Д. А. Клеменца.

С конца XIX века буддизм стал набирать силу, получив распространение и в немонгольских кругах русской интеллигенции. Ключевой фигурой в истории буддизма в России был Агван Доржиев, основавший дацаны и буддийские школы в Калмыкии и Бурятии, издательство буддийской литературы в Санкт-Петербурге и типографию в Ацагатском дацане в Бурятии. По его инициативе



началось строительство первого буддийского храма на европейской территории Российской империи – в Санкт-Петербурге. Именно он «убедил Далай ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии» [7, 17]. В 1920-е годы Агван Доржиев посвятил себя общественно-политической деятельности по реформированию и сохранению буддизма в новых условиях, налаживая дипломатические связи с В. И. Лениным и А. В. Луначарским.

В целом, мы можем констатировать, что представители национальной бурятской интеллигенции заняли достойное место в истории бурятской культуры. Анализ их деятельности показывает, что процесс культурного развития отбирает, сохраняет и транслирует то, что соответствует общемировым тенденциям, ценностям и нормам всего человечества. История бурятского народа и его культуры, следование общечеловеческим и национальным традициям и ценностям придаёт деятельности Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, М. Богданова, П. Дамбинова, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова и многих других значение содержательной основы национальной культуры. При этом в общественно-политическом и научно-исследовательском дискурсе современной Бурятии можно наблюдать своего рода формирование нового культа личностей бурятских национал-демократов. Однако, на наш взгляд, сегодня вряд ли стоит идеализировать их образ, поскольку они представляли собой продукт своего противоречивого времени и выражали идейную позицию, являющуюся неоднозначной, вызывающую полемику и в настоящее время. Региональные исследования, в том числе и деятельности интеллигенции, имеют особое значение в формировании целостной картины историко-культурного развития российского государства. Изучение этой деятельности с помощью новых методологических подходов, которые учитывают совокупность культурно-исторических условий, идейно-политических и мировоззренческих позиций, показывает, что бурятская национальная культура первой трети XX века имела чёткие ориентиры, которые были направлены на сохранение национальных и общечеловеческих ценностей, а также передачу их следующим поколениям.

Глобальные процессы развития мировой цивилизации сказались на всех сторонах жизни больших и малых народов: религии, образовании, художественной культуре. В частности, это проявляется в возрастании роли культурного наследия, а проблемы его сохранения и трансляции становятся приоритетным направлением государственной культурной политики. Сегодня актуализация наследия реформаторов реализуется в различных направлениях (научно-исследовательском, образовательном, художественно-творческом), вовлекая широкий круг общественности. Идеи и деятельность национальной интеллигенции начала XX века являются неотъемлемой социокультурной частью исторического опыта бурятского народа и осознаются как источник всесторонней информации об этносе, регионе и государстве. Это обусловлено в первую очередь антропоцентричностью современной науки, пониманием роли личности, аксиологическим анализом её деятельности. При этом ценностный аспект культурного наследия личности напрямую связан с этнокультурной средой, социокультурными условиями и факторами исторической эпохи. Современный научный контекст предоставляет огромные возможности для сохранения и трансляции идей и творчества национальной интеллигенции. Несмотря на проделанную работу в этой области бурятскими исследователями, остаются неизвестными широкому кругу общественности их имена и деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Б. В. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.
2. Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов; под ред. Н. Н. Козьмина. – Верхнеудинск: Бурят-монгол. изд-во, 1926. – 234 с.
3. Дуринов, А. А. Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии / А. А. Дуринов. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. – 123 с.
4. Жамцарано, Ц. Бурятское народническое движение и его критики [Электронный ресурс] / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – 1907. – № 24. – С. 15-20. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/444676> (дата обращения: 17.02.2016).

5. Жамцарано, Ц. О правосознании бурят [Электронный ресурс] / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. – Санкт-Петербург: В. П. Сукачев, 1905-1913. – № 2. – С. 167-184. – Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1894> (дата обращения: 17.02.2016).
6. Краеведение – моя судьба: к 80-летию Раисы Борисовны Ажеевой / сост. Т. В. Бурлакова, Е. Ю. Ажеева. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2019. – 190 с.
7. Курас, Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 188 с.
8. Цибилов, Б. Д. Бурятские учёные национал-демократы / Б. Д. Цибилов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 249 с.
9. Шагдаров, Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в Советскую эпоху / Л. Д. Шагдаров // Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую эпоху. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – С. 36-52.
10. Щапов, А. П. Сочинения [Электронный ресурс] / А. П. Щапов. – Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. – Т. II. – 623 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69007> (дата обращения: 06.02.2021).



Галкина Е. Г., Меньшикова В. А.
E. G. Galkina, V. A. Menshikova

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

FEATURES OF POST-SOVIET ARCHITECTURE DEVELOPMENT AS A PART OF CITY CULTURAL SPACE

Галкина Елена Георгиевна – доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Elena G. Galkina – Associate Professor, Design of the Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Меньшикова Валентина Александровна – студентка 5-го курса кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: valentina.menshikova.1998@mail.ru.

Valentina A. Menshikova – a Student, Design of the Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Russia, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27. E-mail: valentina.menshikova.1998@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей развития архитектуры в постсоветский период как части культурного пространства города. Постперестроечная эпоха разделила сферу строительства на два полюса: социальный и «элитный». После многих лет серийного строительства авторские проекты стали вызовом архитекторов, строителей, горожан. Постсоветская архитектура в центральных городах России (Москва, Санкт-Петербург и др.) чаще всего ассоциируется с «лужковским стилем», яркими представителями которого стали объекты архитектуры, выполненные в стиле «постмодернизма», такие как «Дом-яйцо» на ул. Машкова и здание театра «Et Cetera» в Москве. В статье проведён анализ развития архитектуры в постсоветский период на Дальнем Востоке, в частности на примере г. Комсомольска-на-Амуре.

Summary. The article is devoted to the features of the architecture development in the post-Soviet period as part of the city cultural space. The post-perestroika era divided the construction industry into two poles: social and «elite». After many years of serial construction, the author's projects have become a challenge for architects, builders, and citizens. The post-Soviet architecture in the central cities of Russia (Moscow, St. Petersburg, etc.) is most often associated with the «Luzhkov style», bright representatives of which are such objects of architecture made in the style of «postmodernism» as the «Egg House» on Mashkova street and the building of the theater «Et Cetera» in Moscow. The article analyzes the development of architecture in the post-Soviet period in the Far East, in particular, on the example of Komsomolsk-on-Amur.

Ключевые слова: культурное пространство, архитектура, постсоветский город, архитектурно-строительная сфера.

Key words: cultural space, architecture, post-soviet city, architectural and construction sphere.

УДК 712

Культуру в России в постсоветский период очень сложно характеризовать. Сегодня можно только определить культурные реалии того времени, когда происходит переориентация общества на эталоны запада во многих областях культуры, следовательно, российская культура частично теряет свои национальные особенности, происходит её коммерциализация.

Наряду с этим происходит ослабление государственного контроля, влияния государства в социально-культурной сфере на общество, т. к. финансирование этих сфер сокращается, отсюда утрата социалистических идеалов, общий кризис системы нравственных ценностей, соответственно, увеличивается влияние западной культуры [1].

Переходный этап в современной российской культуре характеризуется тем, что за один век Россия переживает две культурные революции: одни культурные ценности не успевают закрепиться и перевариться, как уже отвергаются и зарождаются новые [2].

Сложности перестроечного постсоветского периода коснулись и архитектуры как части культурного пространства страны. После многих лет серийного строительства авторские проекты стали вызовом для всех: архитекторов, строителей, горожан. Архитектурный критик Елена Гонсалес писала по этому поводу в 2010 году: «Постперестроечная эпоха разделила сферу строительства на два полюса: социальный и “элитный”. Появление второго в 1990-х было спровоцировано обретением частной собственности – непонятно откуда и как появившиеся у свободных предпринимателей миллионы тут же стали конвертироваться в евроремоты и “кондоминиумы”» [3]. В этот период глобальные архитектурно-строительные проекты реализуются практически только в европейской части страны, по большей части в Москве и Санкт-Петербурге.

Постсоветская архитектура чаще всего ассоциируется с «лужковским стилем», он характеризует застройку города зданиями, украшенными множеством декоративных элементов: балясин, башенок, имитацией строительных материалов при отделке фасадов, смешением архитектурных стилей, отсутствием гармонии в композиции архитектурных объёмов.

Такой феномен возник по той причине, что ранее долгое время архитекторы были подвержены жёстким рамкам законодательных ограничений, а постперестроечный этап привнёс командно-административную систему принятия решений в области архитектуры и строительства и исчезновение авторской ответственности архитектора за конечный результат своей работы. Эти обстоятельства обусловили появление странных зданий, не вписывающихся в городскую среду [4]. Искусствоведы, культурологи и архитекторы оценивают «лужковский стиль» как китч, фальшь и дурновкусие.

Яркими примерами подобных реализованных проектов являются «Дом-яйцо» на ул. Машкова (архитекторы С. Ткаченко, О. Дубровский, галерист М. Гельман) (см. рис. 1) и здание театра «Et Cetera» (архитекторы А. Великанов, А. Кузьмин, А. Боков, М. Бэлица) под руководством А. Калягина в Москве (см. рис. 2).

«Дом-яйцо» проектировался как роддом для постройки в Израиле, в г. Вифлееме, по заказу патриархии. Однако спустя несколько лет авторы решили реализовать проект в Москве, уменьшив здание в размере [5]. Дом представляет собой особняк шарообразной формы, красного цвета, который был пристроен в 2002 году к жилому восьмиэтажному зданию, считаясь формально его частью. Конструктивно здание представляет собой монолитную кирпичную постройку на металлическом каркасе. Наружная облицовка выполнена керамической плиткой, штукатуркой, а также покрыта медью. Основанием дома служит фигурный остов, первый этаж с циркульными окнами предназначен для вестибюльной группы и хозяйственных помещений. В цокольном этаже находится гараж, рассчитанный на несколько машин. Всего в особняке три этажа с пятью жилыми комнатами (342 м²) и мансарда с купольным потолком. Внутренняя отделка претензионная – помещения отделаны мрамором, натуральным деревом и венецианской штукатуркой.

В архитектурном сообществе здание вызвало множество споров. Безвкусный китч или прорыв в архитектуре? «Дом-яйцо» оценивается неоднозначно, ассоциируется с яйцами Фаберже и архитектурой экстравагантных купеческих особняков царской России XIX века.

Тем не менее здание, имея необычный вид, декоративность, и в настоящее время считается московской достопримечательностью.

Здание театра «Et Cetera» было построено в 2005 году. Проект являлся совместной работой института «Моспроект-4» и строительной компании «Арконпроект». Сложный объём здания спроектирован в стиле постмодернизма.



Рис. 1. «Дом-яйцо» на ул. Машкова, г. Москва. Архитекторы С. Ткаченко, О. Дубровский, галерист М. Гельман

Описывая здание как объёмно-пространственную композицию, можем получить следующее представление о нём: «В остроугольный объём смело врезан объём округлый; первый с претензией на лаконизм расчерчен горизонтальными линейками, зато второй беспорядочно испещрён разномастными окнами, оконцами, наличниками и карнизами. На входе криволинейный фасад разорван остеклённой плоскостью, поверх которой наложены две одинаковые ордерные арки, одна над другой. На углу пристроился лестничный цилиндр, увенчанный на манер гвоздя безразмерной «шляпкой»» [6].

Оформление фасада представляет собой архитектурный фьюжн («сочетание несочетаемого») стилей, форм и оформления, что в последствии подтолкнуло отречься от авторства архитектора А. Великанова. По его словам, он «спроектировал само здание и не имеет отношения к оформлению фасада» [6]. Такое же смешение стилей и вкусов характерно и в разработке внутренних пространств театра. Интерьеры больше похожи на дачные в богатом коттеджном посёлке, а не на интерьеры театра.

Тем не менее в постсоветское время есть и хорошие примеры архитектуры. В начале нулевых архитекторы С. Скуратов и Ю. Григорян спроектировали группу престижных жилых домов, с качественной архитектурной средой.



Рис. 2. Московский театр «Et Cetera», архитекторы
А. Великанов, А. Кузьмин, А. Боков, М. Бэлица

Жилой дом «Corper House» (Медный дом), имея высоту в 7 этажей, гармонично вписывается в окружение, не нарушая абрис старой Москвы (см. рис. 3). Фасады здания имеют цвет патинированной меди, дорогой материал отделки – искусственно состаренная медь, изысканный, оригинальный и практичный, т.к. патина предохраняет от разрушения. При облицовке фасада одного из объемов был применён новый приём игры с плоскостями стекла, установленными под разными углами, в одних отражается небо, в других – земля. В проекте «Corper House» авторы соединили эстетический подход в дизайне, практичность и современные технологии [7].



Рис. 3. Жилой комплекс Corper House, Сергей Скуратов ARCHITECTS, г. Москва

Высоко оценило архитектурное сообщество и архитектуру здания: объёмы парящих кубов, скачущий ритм окон, галерея, выполненная из стекла, разный наклон фасадных стекол. Жилой дом «Correr House» состоит в перечне лучших зданий 2003-2004 гг., стал победителем в номинации «ПРОЕКТ» на Московском смотре лучших произведений архитектуры (2002-2003 гг.), в 2003 г. в номинации «Проект здания» получил премию «Золотое сечение», награждён Золотым дипломом и призами на фестивале «Зодчество» 2004 г. [8].

Постсоветский период развития строительства и архитектуры в периферийных районах страны, в том числе и на Дальнем Востоке, характеризовался откровенным застоём и развалом. В связи со сложной экономической обстановкой широкомасштабное строительство в регионе и в частности в г. Комсомольске-на-Амуре приостановилось, поэтому большее внимание уделялось застройке по индивидуальным проектам. Строительство велось в основном в центре города, в его исторически ценной среде, среди малоэтажной застройки [9]. И только с 2013 гг. благодаря правительственной программе развития Дальнего Востока, широкому спектру крупных строительных проектов, строительству жилых комплексов для граждан, пострадавших от паводков, начал активно расти рынок стройматериалов, строительной техники и оборудования. Крупные компании-производители и поставщики, в сложившихся обстоятельствах, стремятся расширить и закрепить своё наличие в регионе.

Некоторое оживление в архитектурно-строительной сфере произошло в городе. Активно стали строиться общественные здания: торговые центры, спортивные сооружения, объекты общественного питания частных застройщиков, многоэтажные жилые дома, коттеджные постройки.

Благодаря использованию новых строительных материалов и технологий каркасного строительства в городе довольно быстро были построены современные здания, такие как торговые центры «БУМ», «Выбор», «Оникс», кафе и рестораны, жилые дома по ул. Пионерская, ул. Красногвардейская в Центральном округе, по ул. Калинина, пр. Победы в Ленинском округе и др. Возведены и уже эксплуатируются спортивные комплексы по ул. Вокзальной и ул. Ленинградской (см. рис. 4).



Рис. 4. Спортивные комплексы по ул. Вокзальной и ул. Ленинградской,
г. Комсомольск-на-Амуре

Необходимо отметить тот факт, что если в начале 2000-х гг. в г. Комсомольске-на-Амуре возводились здания наиболее простой геометрической формы (главная цель была обеспечить функциональное назначение и экономичность постройки), то в настоящее время в городе появляются примеры объектов с очень интересными архитектурными и объёмно-пространственными решениями. Примерами для сравнения можно выбрать здания мелкооптовых магазинов «Амба», «Домоцентр», «Керацентр» (см. рис. 5) и здание кафе, недавно построенное у городского «Дома правосудия» (см. рис. 6).



Рис. 5. Здания торговых центров по ул. Комсомольское шоссе, г. Комсомольск-на-Амуре

Кафе привлекает внимание сложностью конфигурации объёма, применением современных конструктивных решений, традиционных строительных и отделочных материалов, которые прошли проверку веками: кирпича, дерева, стеклянных фасадов (см. рис. 6).



Рис. 6. Здание кафе по пр. Ленина, г. Комсомольск-на-Амуре

Архитектура в настоящее время обладает почти бесконечным ассортиментом материалов (натуральных и синтетических, светопрозрачных и непроницаемых для света, в самых разных цветах и текстурах), которые позволяют облицовывать фасады зданий любой высоты и формы. Для создания архитектурного образа здания, его внутреннего наполнения и характера большое значение имеют внешние и внутренние оболочки. Ведущие архитекторы и теоретики архитектурного искусства ещё в середине XIX в. отмечали, что облицовка здания – это его одежда. Это остаётся актуальным и сегодня для архитектуры [10]. Поэтому так важно использование качественных и эстетичных материалов в строительстве не только общественных, но и жилых домов (см. рис. 7).

Во второй половине XX в. архитектура, как и одежда, подверглась влиянию моды и стала неотъемлемой частью постановочного «стиля жизни». Но, в отличие от платья, физически устаревшие здания не исчезают из привычного, установившегося уклада жизни города, а продолжают стоять, определяя внешний вид окружающей архитектурной среды и, как следствие, культурного пространства [10].



Рис. 7. Новые постройки жилых домов в г. Комсомольске-на-Амуре

Актуальной темой в развитии современной архитектуры является проектирование объектов, воспринимающихся современными и не поддающихся модным течениям, способных «красиво, с достоинством стареть». Решение этой задачи напрямую связано с выбором материала. Возвращение в архитектуру жизнестойких материалов, таких как натуральный камень и кирпич, доказало их эстетическую привлекательность и надёжность. Благодаря этому архитектура может приобрести материальность – качество изначально присущее ей.

Применение перетекающих форм с прозрачными оболочками, визуально объединяющими внешнюю и внутреннюю среду, размывает границы здания, в результате чего оно становится почти нематериальным, что даёт значимые результаты. Этот процесс захватывает всё большее окружение в организации архитектурного пространства городов. Возникает естественная потребность почувствовать «визуальную стабильность» – материальные стены, привычное воплощение внутренней конструкции, её осязаемую поверхность, стабильность, надёжность и долговечность.

Поэтому применение не только инновационных стройматериалов, но и кирпича, натурального камня или бетона позволяет рассматривать материальность не как свойство отдельных зданий, а как актуальную, явственно проявляющуюся тенденцию современной архитектуры [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Постсоветская культура [Электронный ресурс] / Справочник24, 2012-2021. – Режим доступа: https://spravochnik.ru/kulturologiya/kultura_sovetskogo_perioda/postsovetskaya_kultura/ (дата обращения: 06.06.2021).
2. Культура постсоветской России [Электронный ресурс] / Histerl, 2014-2021. – Режим доступа: https://histerl.ru/vse_materiali/kultura/kultura_podsovetskoj_rossii.htm (дата обращения: 06.06.2021).
3. Кузнецова, А. Точка отсчёта [Электронный ресурс] / А. Кузнецова // Архи.ру, 1999-2021. – Режим доступа: <https://archi.ru/russia/87628/tochka-otscheta> (дата обращения: 06.06.2021).
4. Масанов, Ю. Город постсоветский: мировоззрения, социальные системы и язык [Электронный ресурс] / Ю. Масанов // Informburo.kz. – 2018. – Режим доступа: <https://informburo.kz/opros/gorod-postsovetskiy-mirovozzreniya-socialnye-sistemy-i-yazyk.html> (дата обращения: 06.06.2021).

5. Дом-яйцо в Москве: Самый оригинальный и запредельно дорогой символ «лужковской эпохи» [Электронный ресурс] / Kulturologia.Ru. – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/230818/40209/> (дата обращения: 06.06.2021).
6. Ходнев, С. Снаружи, внутри Et Cetera. Новое здание театра Александра Калягина [Электронный ресурс] / С. Ходнев // Коммерсант. – 2005. – 17 ноября. – № 216. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/627056> (дата обращения: 06.06.2021).
7. Необычные московские здания: Copper House и Сороконожка – дома, которые парят в воздухе [Электронный ресурс] / Московские истории. – 2018. – 15 октября. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/moscowstories/neobychnye-moskovskie-zdaniia-copper-house-i-sorokonozhka-doma-kotorye-pariat-v-vozdue-5bc34a9c3887bf00ac5254bf> (дата обращения: 06.06.2021).
8. Жилой комплекс Copper House [Электронный ресурс] / Архи.ру, 1999-2021. – Режим доступа: <https://archi.ru/projects/russia/503/zhiloi-kompleks-copper-house> (дата обращения: 06.06.2021).
9. Галкина, Е. Г. Градостроительное формирование функционально-планировочной структуры города Комсомольска-на-Амуре / Е. Г. Галкина, Н. В. Гринкруг // Современные наукоёмкие технологии. – 2018. – № 11. – С. 22-26.
10. Шипова, И. Честная материальность / И. Шипова // SPEECH. – 2009. – № 4. – С. 18-29.
11. Литвинова, Н. В. Пространственный модуль как элемент социальной среды культурного пространства города / Н. В. Литвинова, Д. Г. Сохацкая // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 23-30.
12. Заяц, И. С. Движение как категория архитектуры / И. С. Заяц // Онтология проектирования. – 2016. – Т. 6. – № 1 (19). – С. 95-105.
13. Кашкабаш, Т. В. Интерпретация городского пространства в современных условиях / Т. В. Кашкабаш // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10 (18). – С. 51.



Логина Т. В., Федирко О. П.
T. V. Loginova, O. P. Fedirko

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ О ВВЕДЕНИИ
В ПРОГРАММУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ШКОЛ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ
КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»**

**THE ANALYSIS OF THE SURVEY ON THE INTRODUCTION OF THE COURSE
«FOUNDATIONS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS» INTO FAR
EASTERN SCHOOL CURRICULUM**

Логина Татьяна Валерьевна – соискатель Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток); 690001, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская д. 89; тел. 8(908)992-75-09. E-mail: tat.loginova72vl@mail.ru.

Tatiana V. Loginova – Applicant of the Social and Political Studies Department, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography (Russia, Vladivostok); 690001, Primorsky Krai, Vladivostok, Pushkinskaya str., 89; tel. 8(908)992-75-09. E-mail: tat.loginova72vl@mail.ru.

Федирко Оксана Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток); 690001, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская д. 89; тел. 8(914)552-11-24. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

Oksana P. Fedirko – D.Phil. in History, Leading Researcher of the Social and Political Studies Department, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography (Russia, Vladivostok); 690001, Primorsky Krai, Vladivostok, Pushkinskaya str., 89; tel. 89145521124. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ результатов социологических опросов, проводившихся в Дальневосточном федеральном округе среди педагогов, учащихся и их родителей на раннем этапе внедрения в школах курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Первоначальные оценки курса участниками образовательного процесса были сдержанно-положительными, однако проведенное О. П. Федирко исследование показало, что ОРКСЭ не стал, как многие ожидали, значимым элементом социокультурного пространства региона.

Summary. The article provides a comparative analysis of the results of sociological surveys conducted in the Far Eastern Federal District among teachers, students and their parents at an early stage of the introduction of the course «Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics» (ORCSE) in schools. The initial assessments of the course by the participants of the educational process were restrainedly positive, however, conducted by O. P. Fedirko's research has shown that the course did not become, as many expected, a significant element of the socio-cultural space of the region.

Ключевые слова: ОРКСЭ, Дальний Восток, социологический опрос, анализ, общество.

Key words: foundations of religious cultures and secular ethics, Far East, survey, analysis, society.

УДК 008+947(373.3)

Внедрение в школьную программу учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) сопровождалось широкой публичной дискуссией и всплеском исследовательской активности. Этой теме были посвящены работы И. А. Свечниковой [13], Э. М. Никитина [10], И. С. Демакова, И. М. Корнеева [6], З. М. Абдулагатова [1], Л. В. Блинова, В. Л. Недорезовой [4] и др. В последние несколько лет интерес к теме за пределами педагогического сообщества утих, сократилось количество публикаций в СМИ. Вероятно, это обусловлено тем, что по итогам

десятилетнего опыта преподавания ОРКСЭ в российских школах ни катастрофические, ни оптимистичные прогнозы, предвещавшие скорое и радикальное влияние курса на школу и общество, не подтвердились на практике. Этот факт отмечают в своих работах многие исследователи, например М. Ю. Смирнов [14; 15], В. Л. Бенин [3], Л. З. Байсарина [2] и др.

На этапе эксперимента высказывались ожидания, что курс ОРКСЭ займёт заметное место в пространстве российского образования как фактор формирования мировоззрения школьников, возрождения этнокультурных традиций и духовно-нравственных ценностей российского общества, станет основой успешной коммуникации между школой и семьёй, школой и религиозными организациями. Несмотря на характеристику Дальнего Востока как территории межнационального и межконфессионального согласия [7, 62], эти вопросы актуальны и здесь. Внедрение ОРКСЭ действительно оказало влияние на социокультурное пространство российских регионов самым фактом публичной дискуссии, необходимости сотрудничества различных общественных институтов в процессе разработки, внедрения и реализации курса. Однако вопрос об его воздействии на школьников остался открытым.

Социокультурное пространство, по определению О. В. Заславской, представляет собой «динамическое единство предметов материальной, духовной культуры, культуруобразующей деятельности и возникающих в этой деятельности культуруориентированных (культуразависимых) отношений» [8, 66]. Система образования как его элемент обеспечивает связь между социальной средой и формирующимся индивидуальным социокультурным пространством ребёнка. Обучение школьника знаниям об основах религии, религиозной культуры, морали и нравственности на занятиях ОРКСЭ и ОДНКР напрямую направлено на его обогащение. Чтобы оценить, был ли этот эффект достигнут, нам представляется необходимым обратиться к результатам нескольких исследований, проведённых в разные годы в Дальневосточном регионе.

Цель исследования – сравнительный анализ результатов социологических опросов о введении в школьную программу учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), проведённых в Благовещенске и Владивостоке в 2013-2014 гг., сопоставление их с результатами исследования остаточных знаний выпускников школ Дальневосточного федерального округа по курсу ОРКСЭ.

Прежде всего рассмотрим результаты двух социологических исследований: проведённого в феврале 2013 г. исследовательской группой кафедры религиоведения Амурского государственного университета (А. С. Воронина, А. П. Забияко, Е. А. Завадская, О. В. Пелевина) в школах г. Благовещенска [5] и проведённого нами в мае 2014 г. в г. Владивостоке [4]. Оба исследования проводились в форме опроса учащихся, их родителей и педагогов о внедрении в школьную программу учебного курса ОРКСЭ. В анкетах использовались близкие по формулировкам вопросы, направленные на выявление отношения к курсу, мотивов выбора модуля, отношения к религии, уровня религиозности и т. д. В исследовании специалистов кафедры религиоведения АмГУ было опрошено 545 учеников, 457 родителей и 17 педагогов [5, 130]. В анкетировании, проведённом нами на базе трёх школ г. Владивостока, участвовали 174 школьника, завершивших обучение по курсу ОРКСЭ (модули «Основы светской этики», «Основы православной культуры», «Основы мировых религиозных культур»), 143 родителя и 17 педагогов ОРКСЭ [9, 136].

С помощью вопросов анкеты, адресованных школьникам, оценивались отношение детей к предмету, возникающие при его изучении трудности, отношение детей к религии. Большинство и благовещенских, и владивостокских школьников отвечали, что выбор модуля курса осуществляли родители, что текст учебника им понятен, а на уроках было интересно. Отвечая на вопрос о причинах отсутствия интереса, около трети школьников в обоих случаях ответили, что некоторые темы были им непонятны, следующие по популярности варианты «Я многое уже знал» и «Скучно». Более половины дальневосточных школьников положительно ответили, что хотели бы продолжать изучать курс. На вопрос, хотели бы они поменять изучаемый модуль, 43 % владивостокских и 51 % благовещенских школьников ответили отрицательно [1, 132; 4, 137]. Отвечая на вопрос, что было на уроках самым интересным, респонденты в обеих выборках разделились на две примерно



равные группы, которые предпочитали или морально-нравственные темы, или изучение традиций и праздников.

В ответах на вопросы, касающиеся частоты общения в семье на религиозные темы, большинство школьников выбрали ответ «редко» (57 % благовещенских и 61 % владивостокских школьников), «никогда» (18 % и 30 % соответственно), «часто» обсуждают религию и Бога в семьях 22 % благовещенских и 9 % владивостокских опрошенных [5, 133; 9, 137]. Лишь пятая часть (21 %) благовещенских и 62 % владивостокских школьников признались, что до начала изучения курса что-то знали о религии. На вопрос о частоте посещения культовых мест в Благовещенске 14 % школьников ответили «часто», 56 % – «редко», 29 % – «никогда», в то время как для владивостокских опрошенных это соотношение составляло 2, 64 и 36 % [5, 133-134; 9, 137]. Обсуждение тем курса с семьёй, рекомендованное при изучении ОРКСЭ, всегда или часто практиковало большинство опрошенных школьников в обеих выборках, никогда не делали этого 20 % благовещенских и 13 % владивостокских учеников [5, 134; 9, 137].

Резюмируя итоги опросов учителей, можем предполагать следующее. Большинство педагогов положительно или скорее положительно оценило внедрение курса ОРКСЭ. При этом учителя отмечали его потенциальные опасности: повышение учебной нагрузки, обособление представителей различных культур, формальное отношение детей к религии. Большинство педагогов поддерживало безотметочную систему оценки и светский характер курса и настороженно отнеслось к участию представителей религиозных организаций в преподавании. Большинство педагогов также полагали, что курс ОРКСЭ соответствует возрастным особенностям четвероклассников, но часть учителей предпочли бы, чтобы его преподавали старшеклассникам. Все 17 опрошенных нами учителей на вопрос, в каком классе следует преподавать курс ОРКСЭ, отметили пятый класс. По вопросу, факультативный или обязательный характер должен носить курс, мнения разделились. Для своих детей педагоги чаще выбрали «нейтральные» модули, учебники которых имеют морально-нравственное содержание. Отмечался также воспитательный потенциал модуля «Основы православной культуры». Соглашаясь с важностью моральных и религиозных норм для современного общества, опрошенные нами учителя отмечали, что воспитание духовно-нравственных ценностей возможно и вне рамок религиозного курса.

Большинство благовещенских и около половины владивостокских (48 %) родителей отметили своё положительное отношение к курсу. Также большинство родителей отметило его воспитательный потенциал, положительные стороны курса, интерес детей к нему, но хотело бы, чтобы курс вёлся как безотметочный и факультативный, замечает риски [1, 127, 137-138]. Часть родителей настороженно отнеслась к идее изучения ребёнком нескольких религий. В выборе модуля ОРКСЭ родители руководствовались семейным укладом, желанием ребенка, но также учитывались и другие факторы. Значительная доля родителей отнесла себя к православным, верующим, причём заявленных православных оказалось больше, чем верующих. Приблизительная оценка среди опрошенных родителей доли воцерковлённых верующих (регулярно посещающих храм) оказалась в разы ниже. Среди владивостокских родителей 83 % согласились с тем, что «понятия добра и зла и нормы морали можно воспитать и на других примерах, используемых в рамках образовательных программ» (не связанных с религией), а регулярно посещающих храм оказалось 5 % [9, 137].

Ещё на этапе экспериментального внедрения ОРКСЭ выявились источники проблем его реализации: опасения родителей, независимо от их религиозной самоидентификации; влияние на результаты преподавания позиции учителей – от энтузиазма неофитов до формального преподавания; невозможность полноценной реализации свободного выбора модулей, обусловленное наличием учебников и подготовленных педагогов лишь по отдельным модулям; отсутствие анализа и учёта этноконфессиональных особенностей регионов; ранний возраст учащихся. В силу своей неспособности повлиять на ситуацию в целом, участники образовательного процесса обращались к компромиссному решению, нейтрализующему риски курса, а именно выбору модулей ОСЭ или ОМРК. Эти нейтральные модули, особенно ОСЭ, наиболее доступны для педагогов и школьников,

как правило, устраивали и администрацию школ, и родителей (как атеистов и внеконфессиональных верующих, так и воцерковлённых), и значительную часть педагогов.

Несмотря на большое количество публикаций, посвящённых ОРКСЭ, среди них мало исследований, затрагивающих конкретные результаты реализации курса, включая проблему остаточных знаний, применения приобретённых школьниками в рамках курса знаний и умений в повседневной жизни. На изучение этих аспектов направлено системное исследование влияния курса ОРКСЭ на мировоззрение молодёжи, изучавшей курс в период его апробации в 2011-2012 учебном году. Эта работа, начатая доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником отдела социально-политических исследований ИИАЭНДВ ДВО РАН О. П. Федирко в сентябре 2019 г., является частью многолетнего труда группы авторов по изучению религиозности молодёжи и влияния на неё курсов духовно-нравственного и религиозного содержания. Исследование, рассчитанное на 5 лет, проводилось методом социологического опроса первокурсников вузов Дальневосточного федерального округа [11]. В настоящей статье использовались ответы 262 выпускников школ Приморского края и Амурской области, опрошенных за 2019-2020 г. (34,8 % от общего числа опрошенных составили респонденты из Приморского края, 36,6 % – из Амурской области).

Отвечая на вопрос о том, какой модуль ОРКСЭ они изучали, будучи четвероклассниками, 40,7 % респондентов затруднились с ответом, 24,1 % назвали ОМРК, 17,6 % – ОСЭ. Это соотношение соответствует данным о соотношении модулей ОРКСЭ в выборе родителей четвероклассников. В 2012/2013 учебном году изучение ОРКСЭ стало обязательным для четвероклассников во всех российских школах. Вопреки прогнозам о том, что лидирующее место займёт православная культура, выбор модулей курса сложился в пользу внеконфессиональных, нейтральных модулей ОСЭ и ОМРК (в сумме более 2/3 заявлений) [5, 125]. В Дальневосточном федеральном округе процент выбора нейтральных модулей был выше среднего по РФ («Основы светской этики» – 51,16 % учащихся), «Основ православной культуры» – несколько ниже (27,11 %) [1, 128]. При этом в Приморском крае выбор модуля «ОПК» был выше, чем по округу – 62 % школьников [5, 128] (за счёт школ края).

По мнению опрошенных, в 42,1 % модуль был назначен школой. При этом 29 % респондентов затруднились ответить, кем был преподаватель ОРКСЭ. Среди часто встречающихся ответов были: учитель истории (24,8 %), учитель начальных классов (15,9 %) привлечённый педагог (13,4 %), учитель начальных классов, преподававший в другом классе (5,2 %), учитель музыки (3,4 %), учитель рисования (2,1 %). 46,2 % выпускников школ сообщили о том, что не помнят, заявлял ли учитель о своей конфессиональной принадлежности, 14,8 % утверждают, что преподаватель обозначил свою религиозную позицию. Оценивая свои знания о религии, 84,1 % ответили, что имели отдельные сведения о различных вероучениях. Большинству респондентов, по их словам, текст учебника по модулю ОРКСЭ был в целом понятен (46,9 %), 15,5 % совсем непонятен. Похожие результаты продемонстрировали ответы на вопрос «Было ли Вам интересно на уроках?»: 48,6 % ответили «когда как», а 19,3 % – «совсем не интересно». При ответе на вопрос «Хотели бы Вы изучать этот курс до 11 класса включительно?» как заявленная группа респондентов, так и в целом опрошенные на всём Дальнем Востоке в большинстве ответили отрицательно (67,6 % и 72,1 % соответственно). 61 % выпускников признались, что знания из курса ОРКСЭ не пригодились им в учёбе, 55,2 % – в жизни.

В блоке вопросов, посвящённом религиозной самоидентификации молодёжи, 36,6 % опрошенных охарактеризовали себя как неверующие, ещё 35,2 % ответили, что «верят по-своему, определённой религии не придерживаются» (внеконфессиональные верующие). На вопрос «Кто такой верующий человек?» самыми популярными вариантами ответа были «тот, кто искренне верит в Бога» (83,4 %), «тот, кто соблюдает традиции» (41,4 %), «тот, кто посещает церковь» (26,9 %). Из верующих к православному христианству себя отнесли 77,2 % амурчан и приморцев и 62 % респондентов ДФО. Были обращены в веру в раннем возрасте родителями и родственниками 42,1 %. Полностью следуют религиозным предписаниям и правилам 14,7 %, посещают церковные богослужения раз в месяц и чаще 4,3 %. Среди заявленных православных никогда не бывали в



храме 30,4 % респондентов, 39,7 % «были когда-то давно», никогда не молятся 50,8 %, часто – 6,6 %. 71 % опрошенных никогда не читают религиозную литературу.

Обучение опрошенных респондентов по курсу ОРКСЭ, которое проходило в ситуации не вполне подготовленного эксперимента, в раннем возрасте (9-10 лет), часто недостаточно подготовленными и заинтересованными педагогами, очевидно, не оставило глубокого следа в их мировоззрении. Интерес к религии, религиозной культуре в результате у них оказался не сформирован, если только не был заложен семьёй или обстоятельствами жизни. Культурологические знания о религии были бы более востребованы в 9-10 классе. Курс, судя по ответам, в итоге был оценен большинством респондентов как малоинтересный и большей частью бесполезный. Хотя на качестве усвоения курса, несомненно, сказывается региональная специфика, описанная ситуация характерна не только для Дальневосточного региона. По словам Т. С. Прониной, А. С. Казеннова, которые проводили опросы среди школьников Тамбовской области, изучавших модуль ОПК, типичный итог курса – отсутствие у школьников остаточных знаний, особенно в религиозной части курса [12, 168]. Результатом такого обучения, отметили авторы, становятся «не знания о религиозной культуре, а ущербное знание о традиции и нивелирование религиозного чувства» [12, 169].

Хотя необходимость знаний о религии в российской системе образования сегодня не вызывает сомнений, формат, в котором произошло внедрение в школьную программу курса ОРКСЭ, оказался сомнительным решением. Его промежуточный итог можно охарактеризовать как девальвацию религии и религиозной культуры. Хотя первоначальные оценки курса участниками образовательного процесса можно охарактеризовать как сдержанно-положительные, проведённое О. П. Федирко исследование показывает, что практические результаты внедрения курса не соответствовали заявленным задачам. В результате ОРКСЭ не стал, как ожидалось, значимым элементом социокультурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов, З. М. Экспертные оценки содержания исламского модуля курса ОРКСЭ / З. М. Абдулагатов // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. – № 2 (28). – С. 84-96.
2. Байсарина, Л. З. Работа с религиозными текстами в курсе «Основы религиозной культуры и светской этики» / Л. З. Байсарина, В. Л. Бенин // Человек. Общество. Культура. Социализация: материалы XV Международной молодёжной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 43-46.
3. Бенин, В. Л. «Основы духовно-нравственной культуры народов России»: третье пришествие культурологии в современное российское образование / В. Л. Бенин // Культурный код. – 2020. – № 1. – С. 7-16.
4. Блинов, Л. В. Этнические особенности межкультурных взаимодействий / Л. В. Блинов, В. Л. Недорезова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № III-2 (15). – С. 31-34.
5. Воронина, А. С. «Основы религиозных культур и светской этики» в Амурской области в контексте общей религиозной ситуации в России и в регионе / А. С. Воронина, Е. А. Завадская, О. В. Пелевина // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 122-149.
6. Демаков, И. С. Преемственность ступеней общего образования (начальное – основное) при реализации ФГОС (на примере урока ОРКСЭ) / И. С. Демаков, И. М. Корнеев // Актуальные вопросы науки. – 2015. – № 19. – С. 123-129.
7. Завалишин, А. Ю. Мониторинг этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № VI-2 (36). – С. 62-67.
8. Заславская, О. В. Социокультурное пространство образования: что формирует мировоззренческую основу личности? / О. В. Заславская // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2016. – № 3. – С. 65-72.
9. Логинова, Т. В. Курс ОРКСЭ как основа религиозного компонента школьного образования на современном историческом этапе / Т. В. Логинова // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 135-138.
10. Никитин, Э. М. Успех введения ОРКСЭ зависит от совместных действий / Э. М. Никитин // Методист. – 2012. – № 5. – С. 3-4.

11. Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI века: опрос по ОРКСЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riedv.ru/?page_id=158 (дата обращения: 11.04.2021).
12. Пронина, Т. С. Знание о религии в современной российской школе / Т. С. Пронина, А. С. Казеннов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 4. – С. 160-171.
13. Свечникова, И. А. ОРКСЭ: опыт построения уроков модуля «Основы мировых религиозных культур» / И. А. Свечникова // Методист. – 2013. – № 3. – С. 19-22.
14. Смирнов, М. Ю. ОРКСЭ как испытание: учитель между религиозным контентом и светским контекстом / М. Ю. Смирнов // ОРКСЭ в системе школьного образования: панорама взглядов: сборник статей всероссийского форума. – М., 2019. – С. 81-94.
15. Смирнов, М. Ю. Теология в контексте светского образования: идеологическая игра / М. Ю. Смирнов // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений VII Всероссийской научно-практической конференции / отв. за выпуск А. А. Морозов. – М., 2020. – С. 31-35.



Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.
Ya. S. Kryzhanovskaia, S. A. Kryzhanovskaia

ЗАПАД-ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ «ЯПОНСКОГО ФРАНЦУЗА» ЛЕОНАРДА ФУДЗИТЫ
THE WEST-THE EAST IN THE WORK OF THE «JAPANESE PARISIAN» LEONARD FUJITA

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Крыжановская Станислава Андреевна – студент Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Stanislava A. Kryzhanovskaya – Student, Pacific State University (Russia, Khabarovsk); 68 K. Marx st., Khabarovsk, 680000, Russia; tel. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Аннотация. Статья посвящена творчеству «японского француза» Леонарда (Цугухару) Фудзиты, одного из наиболее эпатажных представителей «парижской школы». Авторы анализируют две работы художника: «В кафе» (1919 г.) и «Крещение цветов» (1959 г.) с позиции взаимодействия элементов традиционного японского искусства (жанр бидзига в японской гравюре укиё-э, искусство каллиграфии, монохромная живопись) и европейской живописи. В ходе исследования в творчестве японского автора выявлены реплики на картины других художников, как прошлого, так и настоящего времени (С. Боттичелли, П. Пикассо, А. Матисса и др.). И хотя апроприация как художественный приём более характеризует искусство постмодернизма, авторы отмечают его значение в творчестве Фудзиты: заимствуя сюжеты и темы, он не копирует, но с помощью заимствованных элементов выражает собственные творческие идеи.

Summary. The article is devoted to the work of the «Japanese Frenchman» by Leonard (Tsuguharu) Fujita, one of the most shocking representatives of the «Paris school». The authors analyze 2 works of the artist: «In a cafe» (1919) and «The Baptism of Flowers» (1959) from the perspective of the interaction of elements of traditional Japanese art (the genre of bidziga in Japanese ukiyo-e engraving, the art of calligraphy and monochrome painting) and European painting. In the course of the study, replicas of paintings by other artists – both past and contemporaries (S. Botticelli, P. Picasso, A. Matisse, etc.) were revealed in the work of the Japanese artist. Although appropriation as an artistic technique characterizes the art of postmodernism, the authors note its importance in Fujita's work: while borrowing, he does not copy plots and themes but expresses his own creative ideas with the help of borrowed elements.

Ключевые слова: бидзинга, Восток и Запад, искусство XX в., парижская школа, японская живопись.

Key words: bidziga, East and West, art of the 20th century, Paris school, Japanese painting.

УДК 7.036

Среди ярких фигур, которыми так богато искусство Японии XX в., выделяется Леонард (Цугухару) Фудзита (1886–1968), чья бурная и насыщенная биография отразила все ключевые события своего времени.

Художник родился в Токио в семье, принадлежащей к древнему самурайскому роду. Ещё в детстве, перерисовывая картинки с коробок с печеньем, привезённых из Европы, Фудзита мечтал стать художником. Позже он поступил в Императорскую школу искусств в Токио и к окончанию учёбы добился значительных успехов: получил заказ на портрет корейского императора, несколько его работ купил император Японии. На родине Фудзиту ожидала карьера успешного парадного портретиста. Но эти планы были нарушены поездкой в Лондон в 1912 г., где произошло первое близкое знакомство с европейским искусством. А спустя ещё год, в 1913 г., юноша переезжает в Париж [12].

Случайно или нет, но первая поездка художника в Европу совпала с началом новой эпохи в истории Японии – эпохи Тайсё (1912–1926). По мнению исследователей, в этот период «необходимость стремительной модернизации, утверждения образа новой, вестернизированной Японии, способной конкурировать со странами Запада во всех сферах жизни, способствовала активному перенятию по крайней мере внешних форм и техник западной живописи; в этот процесс внесли вклад европейские преподаватели, а также японские художники, впервые получившие возможность обучаться живописи на Западе и позднее распространявшие полученные знания и навыки на родине» [1, 26].

Одним из таких художников и стал Л. Фудзита. Воспитанный в традициях японского искусства, вдохновлённый богемной средой Парижа, где в начале XX в. работали лучшие художники из разных стран, Фудзита удивительным образом вбирает всё само интересное, соединяет в своей творческой манере, казалось бы, несопоставимое: стиль раннего итальянского Возрождения, японской монохромной живописи, манеру европейского авангарда, особенности японского искусства периода Эдо – и формирует в результате свой неповторимый авторский стиль. Как писал один из исследователей, он выбрал «путь гибридизации, путь, на который раньше не решался ни один другой японский художник» [11].

Заметим, что в данном случае речь идёт не просто о взаимодействии разных национальных культур, но о взаимодействии разных цивилизационных типов – Востока и Запада, Японии и европейской традиции, – при котором «ценности двух взаимодействующих сторон с разным культурным происхождением значительно различаются. Это затрудняет коммуникацию между двумя сторонами и усложняет кажущиеся простыми вопросы» [8, 49]. А если учесть тот исторический факт, что Япония только после переворота Мейдзи 1868 г. начинает активно взаимодействовать с Западом, творчество Л. Фудзиты – это один из первых полноценных опытов такого синтеза в японской живописи, что подтверждается его избранием в 1924 г. членом Токийской академии искусств как первого японского художника, признанного в Европе.

Будучи оригинально-модным и стильным как в манере одеваться, так и в жизни (сегодня его называли бы фриком – чего стоят только прогулки по Парижу в греческой тоге с причёской, которую он сам же себе и придумал, стилизовав под античность), в творчестве Леонард словно «поддавливает» мейнстримные идеи разных культур и эпох и использует их в своих работах [15]. Французский искусствовед Ж.-П. Кrespель называет его «монсеньор Глициниевых Полей, на добрые полвека опередивший хиппи своими бусами и серьгами» [3]. Но именно эксцентричный – даже на фоне Парижа тех лет – Фудзита становится (после второй персональной выставки в 1918 г.) одним из самых высокооплачиваемых художников французской столицы [11].

Творчество Леонарда (Цугухару) Фудзиты, представленное в работах парижского периода, объединяет элементы традиционного японского искусства, приёмы каллиграфии, европейские средневековые мотивы и образы с находками авангардной живописи. Художнику удалось не эклектично и поверхностно воспроизвести столь разные манеры письма, но создать на их основе собственный уникальный и абсолютно узнаваемый стиль. В то время как большинство авторов «парижской школы» предпочитали яркость красок и декоративность рисунка, палитра Фудзиты была практически монохромной, различающейся тончайшими пастельными оттенками. Для публики, уже привыкшей к окружающим цветовым безумствам, это использование «ста оттенков белого» было сродни откровению.

Нередко Фудзита, чуткий к работам других художников, переосмыслял работы коллег по «Парижской школе», ставшей своеобразным художественным Интернационалом и объединившей ярчайшие таланты со всего мира. Представители именно этого объединения сформировали важнейшие художественные процессы Европы начала XX в. [4].

В картинах Фудзиты можно найти отголоски и явные указания на работы как современников, так и художников прошлого. Причём его собственные творения совсем не пародия. Они, скорее, свободная творческая игра с разными традициями. Такой подход обнаруживаем в одной из самых известных работ художника – «В кафе» (1919) (см. рис. 1).

Перед нами – типичная парижская сценка, которые так любили писать художники этого времени: юная девушка, сидящая за столиком и мечтательно о чём-то задумавшаяся. Возможно, этот образ художник писал со своей любимой модели Кики с Монпарнаса, – самой известной натурщицы XX в., вдохновлявшей не только Фудзиту, но и Х. Сутина, А. Модильяни, К. ван Донгена и многих других парижских художников [6].

На фоне заглядывающего в окна серого парижского дня лицо модели, слегка кукольное, буквально светится, излучая особую белизну. Этот необыкновенно светлый колорит при изображении поверхности человеческого тела с переливами молочных и перламутровых оттенков и был своеобразным фирменным знаком Фудзита, его стилистической особенностью. Он изобрёл свою технику живописи «*нюхасёку*» (молочно-белая), соединяющую европейские и японские традиции. Фуджита специально разрабатывал особые грунты, которые на холсте давали почти глянцевую поверхность, а кажущиеся графическими линии проводил маслом, тончайшей кистью. Эффекта свечения художник добивался благодаря авторскому рецепту белой краски (для которой он использовал толченые устричные раковины) и применению японской техники живописи тушью поверх масла. Именно эта бесконечная и гибкая чёрная линия, очерчивающая силуэты фигур и растворяющаяся в лёгкой дымке внутри контура, придавала фигурам жемчужное свечение и непередаваемое изящество, чистоту и лёгкость, покорявшую публику с первого взгляда.

Заметим, что пристальное эстетское внимание к изображению человеческого тела вообще очень характерно для творчества Фудзита, любимой темой которого были ню. И это вполне соответствует одному из трендов культуры XX в., которая характеризуется «кардинальным изменением отношения к телесности как феномену культуры. Тело человека из периферийных, маргинальных областей социокультурного пространства перемещается в центр внимания и становится точкой отсчёта в определении онтологических основ как бытия отдельной личности, так и культуры в целом» [9, 27].

При взгляде на картину возникает аналогия с портретами красавиц («*бидзинга*») в японской гравюре «*укиё-э*», с которой Фуджита был хорошо знаком (см. рис. 2). Традиционные японские портреты XVII – XVIII вв., воплотившие японские представления о женской красоте, предполагали погрудное женское изображение, где доминировали большая голова и лицо с молочно-белой кожей, черты же лица лишь намечались и напоминали лепестки цветка [7].



Рис. 1. Фуджита Л. В кафе. 1919 г.



Рис. 2. Эйсосай Т. Куртизанка
Сумэноску из заведения
Мацубая. Конец XVIII в.

Сам Фудзита неоднократно писал об использовании в творчестве опыта японских художников XVII в.: «В картинах Харунобу или Утамаро едва видны лишь части руки или небольшой участок кожи возле колена. Я понял, что они выражают ощущение кожи только в этих местах. Я первым решил попробовать изобразить наиболее прекрасный из материалов – человеческую кожу» [5]. И хотя Фудзита пишет вовсе не японку, а парижанку, мы видим погрудное изображение и композицию, напоминающую традиционные японские «бидзинга». И так же, как это было в японских литографиях, есть цвет, есть рисунок, но нет объёма. Есть сияющая белизна кожи, которой упивается художник, но нет плоти. Скупость цветовой палитры тоже свидетельствует об усвоенных японских традициях: по существу, в картине всего три цвета – чёрный, белый и оттенки коричневого.

Но Фудзита не только японец, но и модный парижский художник. И другая ассоциация, вызванная его работой, – «Любительница абсента» Пабло Пикассо (см. рис. 3). Обе картины удивительно схожи сюжетно и композиционно. При этом также очевидно, что перед нами работы художников разных национальных школ, с разными критериями красоты и приоритетными качествами в произведениях.

Различия уже в названии. У Цугухару Фудзиты картина называется просто «В кафе», в названии нет и намёка на алкоголь. Героини тоже разные. У «японского парижанина» девушка – красавица. На ней изящное чёрное платье, к которому подобрана такая же сумочка. Множество аксессуаров на столике словно рассказывают нам истории, являются продолжением модели. Девушка не просто пришла в кафе, она что-то пишет (мы видим это по наличию картинок, подложки и листов бумаги на столе, а также чернильницы). В модном парижском кафе девушка не страдает от одиночества, а, скорее, наслаждается им – думает о жизни, о фотографиях, смотрящих на неё со стола, возможно, пишет стихи. И в сравнении с очень светлой, даже романтической работой Фудзиты – картина Пикассо, тема которой – одиночество и опустошение. Изображена женщина возраста за 40, сидящая за столом и пьющая абсент, причём кроме алкоголя на столе нет ничего. Героиня Пикассо уже находится под действием напитка: глаза сужены, как будто она о чём-то пытается думать, но мысль ускользает. Пикассо совершенно не важно реалистично и узнаваемо представить свою героиню. Для него важно показать душевные искажения и пороки персонажей, в том числе через деформацию. Художник может им сострадать, но не может не сказать о них правду с жестокой самоотверженной точностью реализма, он одновременно беспощаден и сентиментален.

Таким образом, две композиционно и сюжетно очень близкие работы представляют зрителям две разные позиции разных художников. В одном случае – эстетика авангарда «всерьёз» как способ отражения драматических коллизий и эмоций, способ передать сложные переживания своего времени. В другом случае, у Фудзиты, эстетика авангарда как предмет стилизации. В результате появляется светлая салонная работа, воплотившая хрупкий, очень приятный мир, покоряющий своей лиричностью. У японского художника девушка-модель предстаёт как воплощение эстетического идеала, возвышенного представления о людях, как воплощение несколько наивной, «детской» безмятежной красоты восприятия. Героиня смотрит на мир зорко, доверчиво и печально. Так же лирично, чисто, мечтательно и чуть напряжённо смотрят на мир дети с полотен Фудзиты, возможно, поэтому французский поэт, драматург Жан Кокто назвал японского художника «Льюисом Кэрроллом в красках» [3, 70].

Но работы Фудзиты вызывают в памяти картины не только современников, но и более ранних художников. В частности, в 1950-е гг. он погружается в живопись итальянского раннего Воз-

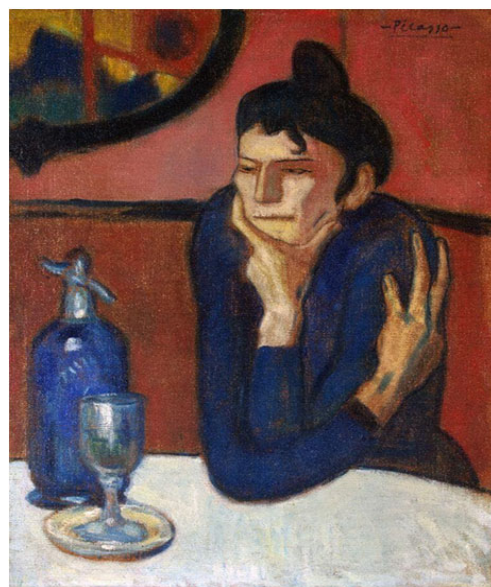


Рис. 3. Пикассо П.
Любительница абсента

рождения, что сразу отражается на собственном творчестве. Приняв крещение с именем Леонард в 1959 г., воодушевившись новой религией, он меняет главную тему своих произведений. Если раньше это преимущественно женщины и кошки, то теперь – религиозные сюжеты. Свидетельством тому – картина «Крещение цветов» (см. рис. 4), представляющая своего рода парафраз на работу С. Боттичелли «Весна» (см. рис. 5), точнее – на фрагмент этой работы.



Рис. 4. Фудзита Л. Крещение цветов. 1959 г.



Рис. 5. Боттичелли С. Весна. 1482 г.

На картине Фудзиты – вычлененная из картины итальянского художника группа из трёх харит, при этом левая фигура в платье с ниспадающим покрывалом более напоминает центральную фигуру Венеры, но, с учётом христианской тематики картины японского художника она может быть переосмыслена как фигура Богоматери в короне из цветов. Шаловливые упитанные амуры с колчанами любовных стрел превращаются у Фудзиты в ангелов, застывших в благоговейном восхищении от происходящего – «крещения цветов».

И если композиция картины отсылает нас в качестве первоисточника к работам С. Боттичелли, то её сюжет и тема – к проповедям другого выдающегося героя позднего Средневековья, католического святого и богослова Франциска Ассизского, о котором говорили, что он, восхваляя весь мир, проповедовал животным, кормил зимой пчёл мёдом и вином, обращался с наставлениями к птицам и цветам в поле, призывая их воздать хвалу Господу, будто и растения наделены разумом.

А если учесть происхождение художника, то в теме картины можно обнаружить и скрытую отсылку к опыту синтоизма, национальной японской религии. Согласно синтоизму, любой объект природы, в том числе цветок, живой, одухотворённый, следовательно, достойный поклонения и почитания. В Японии до сих пор существует и активно поддерживается настоящий культ цветов – не только сакуры, но и глициний, тюльпанов, хризантем и т.п. Ведь синтоизм – это именно та религия, где каждая травинка, каждый цветок – живой, и его стоит уважать и буквально преклоняться.

«Японское» в работе Фудзиты обнаруживается не только в трактовке темы, но и в построении картины. Как известно, для традиционной японской живописи, не знающей прямой перспективы, характерна плоскостность изображения. И хотя в работе С. Боттичелли, послужившей для японского художника первоисточником, сходящиеся вдали апельсиновые деревья намечают глубину пространства, Л. Фудзита от этого отказывается – его женские образы существуют в ирреальном светящемся пространстве, где нет перспективы и нет теней, но где сами фигуры являются источником света.

Таким образом, «японский француз» Леонард Фудзита, поймав и усвоив стиль эпохи Возрождения с её грациями и мифологическими мотивами, воспроизводит их в своём родном XX в. как изящную стилизацию.

Также в работе Цугухару мы замечаем явно удлинённые пропорции тела и лица, не соответствующие реальным человеческим пропорциям. Это напоминает манеру одного из коллег и друзей японско-французского художника – Амедео Модильяни, в портретах которого присутствуют его знаменитая вытянутость и длинные шеи, и некоторая схематичность. Сравнивая портретные работы этих двух художников, можно увидеть много общего как в стилистике, так и в самом изображении. Модели на портретах мало похожи на то, как они на самом деле выглядели. Скорее, художник передаёт характер, душу. Поэтому и в картине Фудзиты «Крещение цветов» героини не столько женщины, сколько персонажи, воплощающие женственность, играющие роль женщин. В его работе, не только в этой, но и в других, присутствуют большая мера условности, отстранённости и салонная красота, и изящество.

И таких реплик на творчество современников в работах Фудзиты немало. Художник словно предлагает своему продвинутому зрителю интересную игру «найди десять отличий». Он будто «примеряет» на себя чужие работы, упиваясь фейерверком возможностей от игры с ними. Можно сопоставить «Шесть граций» Фудзиты и «Авиньонских девиц» П. Пикассо, близких по композиции, но различающихся по выразительности. Тем более что своих граций японских художник пишет на фоне с использованием золотого листа, очень напоминающем золотые фоны японских традиционных ширм периода Эдо. А можно сопоставить всемирно известный «Танец» А. Матисса и акварель Фудзиты «Ангелы и сирены», созданные примерно в одно и то же время. Творчество удивительного японского художника даёт много материала для размышления и ещё больше поводов погрузиться в его неповторимый и очень красивый мир.

В искусстве XX в. подобное явление получило название апроприация (лат. *appropriatio* – присвоение) – термин, относящийся к более или менее прямому использованию в произведении искусства реальных предметов или других существующих произведений искусства. И хотя сам термин появился только в 1980-е гг., в творчестве Л. Фудзиты подобная практика прослеживается: заимствуя сюжеты и темы, он не копирует, но раскрывает их с помощью своих форм и образов, с помощью заимствованных элементов выражает собственные творческие идеи. И если копирование является тупиковым родом деятельности, то «переработка образов способствует не только углублению и популяризации той темы в искусстве, которой она касается, но и развивает художественное мышление автора, обогащая изобразительное искусство новыми образными и ассоциативными структурами» [2].

Этот никогда не прерывающийся диалог Востока и Запада, японского и европейского, диалог-игра с наследием других мастеров живописи, который присущ творчеству Леонарда Фудзиты, и сделал его уникальным художником, популярным не только в Японии, но и во всём мире: вплоть до 2008 г. именно он оставался самым дорогим японским художником международных аукционов, лишь впоследствии уступив это место Такаси Мураками [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова, Л. В. Европейское влияние на изобразительное искусство Японии в эпоху Тайсё (1912-1926) [Электронный ресурс] / Л. В. Астахова, А. А. Астахова // Вестник ЧГАКИ. – 2020. – № 2 (62). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskoe-vliyanie-na-izobrazitelnoe-iskusstvo-yaponii-v-epohu-taysyo-1912-1926> (дата обращения: 12.04.2021).
2. Булгакова, А. Апроприация и копирование в творчестве старых мастеров – рабство или соперничество? [Электронный ресурс] / А. Булгакова // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2016. – №4 (16). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apropriatsiya-i-kopirovanie-v-tvorchestve-staryh-masterov-rabstvo-ili-sopernichestvo> (дата обращения: 26.04.2021).
3. Кrespель, Ж.-П. Повседневная жизнь Монпарнаса в Великую эпоху. 1903-1930 гг. / Ж.-П. Кrespель. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 208 с.
4. Кузина, С. К. «Парижская школа» начала XX в: художественный Интернационал / С. К. Кузина // Бизнес и дизайн ревю. – 2020. – № 3 (19). – С. 5.



5. Кузнецова, М. Художник недели: Леонард Фуджита [Электронный ресурс] / М. Кузнецова / artinvestment.ru, 2021. – Режим доступа: https://artinvestment.ru/invest/painters/20130225_fugita.html (дата обращения: 12.04.2021).
6. Мемуары Кики / предисл. Э. Хемингуэя и Фуджиты; пер. с англ. и франц. Н. Семонифф. – Salamandra P. V. V., 2011. – 243 с.
7. Мировое искусство (Мастера японской гравюры) / сост. И. Г. Мосин. – СПб.: Кристалл, 2007. – 208 с.
8. Мусалитина, Е. А. Влияние глобализации на трансформацию китайской национальной культуры / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VIII-2 (48). – С. 47-51.
9. Савелова, Е. В. Проблема телесности в кризисном пространстве современной культуры / Е. В. Савелова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2014. – № 8 (93). – С. 26-31.
10. Самые дорогостоящие произведения японских художников [Электронный ресурс] / artinvestment.ru, 2021. – Режим доступа: https://artinvestment.ru/news/auctnews/20110809_samye_dorogie_japontsy.html (дата обращения: 12.04.2021).
11. Back in favour: Japanese master who outshone Picasso in 1920s Paris [Электронный ресурс] / 2021 Guardian News & Media Limited or its affiliated companies. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/apr/15/japanese-artist-leonard-foujita-more-feted-than-picasso-paris-1920s-exhibition> (дата обращения: 12.04.2021).
12. Birnbaum Ph. Glory in a Line: A Life of Foujita: the Artist Caught Between East & West / Ph. Birnbaum. – New York: Faber and Faber, 2006. – 331 p.
13. Foujita: A Retrospective-Commemorating the 50th Anniversary of his Death [Электронный ресурс] / TOKYO METROPOLITAN ART MUSEUM. – Режим доступа: https://www.tobikan.jp/exhibition/2018_foujita.html (дата обращения: 12.04.2021).
14. Is Fujita Koji «Tsuguji» or «Tsuguharu»? [Электронный ресурс] / Excite Blog. – Режим доступа: <https://hugosart.exblog.jp/18616250> (дата обращения: 12.04.2021).
15. LÉONARD FOUJITA [Электронный ресурс] / FONDATION FOUJITA. – Режим доступа: <https://www.fondation-foujita.org/leonard-foujita> (дата обращения: 10.04.2021).

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.
Ya. S. Kryzhanovskaia, S. A. Kryzhanovskaia

**ТРАДИЦИОННОЕ ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
КАНАДЗАВА СЁКО**

**THE TRADITIONAL JAPANESE ART OF CALLIGRAPHY IN THE WORKS OF KANAZAWA
SHOKO**

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Крыжановская Станислава Андреевна – студент Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Stanislava A. Kryzhanovskaya – Student, Pacific State University (Khabarovsk, Russia); 68 K. Marx st., Khabarovsk, 680000, Russia; tel. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Аннотация. Статья посвящена традиционному японскому искусству каллиграфии сё-до («Путь письма»), рассмотренному на примере творчества Канадзава Сёко (1985 г.р.) – современной художницы с синдромом Дауна. Авторы систематизируют некоторые этапы творческой биографии художника, а также анализируют 4 каллиграфические работы, выполненные уставным письмом кайсё и сосё (курсив). В ходе исследования показано, как основные принципы эстетики каллиграфии: восприятие цвета (чёрное и белое как отражение бинарности мироздания), линии (направление, особенности начертания, объём, определяемый количеством туши и качеством кисти), а также ритмо-энергетическая составляющая каллиграфических работ – преломляются в работах молодой японской художницы. Авторы приходят к выводу, что, независимо от жанра и предназначения, живописную манеру Канадзава Сёко отличает размашистая форма письма, особый ритм линий, передающих высокую динамику и энергетическую насыщенность написанных ею иероглифов, своего рода монументализм.

Summary. The article is devoted to the traditional Japanese art of calligraphy se-do («The Way of writing»), considered on the example of the work of Kanazawa Shoko (born in 1985), a modern artist with Down syndrome. The authors systematize some stages of the artist's creative biography, as well as analyze 4 calligraphic works performed in the authorized letter of kaisho and sose (italics). The study shows how the basic principles of the aesthetics of calligraphy-the perception of color (black and white as a reflection of the binary universe), lines (direction, features of the outline, volume determined by the amount of ink and the quality of the brush), as well as the rhythmic and energetic component of calligraphic works-are refracted in the works of a young Japanese artist. The authors come to the conclusion that, regardless of the genre and purpose, Kanazawa Shoko's picturesque manner is distinguished by the sweeping form of writing, a special rhythm of lines that convey the high dynamics and energy saturation of the hieroglyphs written by her, a kind of monumentalism.

Ключевые слова: буддизм, иероглиф, искусство каллиграфии, кайсё (kaisho), сосё (sōsho), синдром Дауна, японское искусство.

Key words: buddhism, hieroglyph, calligraphy art, regular script (kaisho), cursive (sōsho), Down syndrome, Japanese art.

УДК 7.036

Каллиграфия является одним из ведущих видов искусства традиционной и современной Японии. На протяжении веков эстетика каллиграфии во многом выполняла стилеобразующую функцию, влияя на традиционный театр, танец, живопись и другие художественные практики.

Каллиграфия для японца – значительно больше, чем процесс написания иероглифов, это сё-до («Путь письма»), жизненная философия, путь к раскрытию своей души через почерк и даже путь к себе. Исходя из этой идеи, были разработаны традиционные приёмы графической стилистики, направленные на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на читателя-зрителя. И если изначально каллиграфия возникла как искусство написания текстов, как своеобразная система письменности, то со временем она превратилась в вид изобразительного искусства, обладающий глубоким философским смыслом. Хотя и сейчас «при знакомстве с каллиграфическим произведением принято использовать термин не “рассматривать” картину, а “читать” её, постепенно раскрывая ... заложенное в ней ценностное послание» [5, 105].

Выразительность каллиграфического произведения складывается из ряда компонентов.

Во-первых, это цвет, подразумевающий взаимодействие чёрного и белого как воплощение Инь и Ян, двух начал, образующих гармонию (аналогично строилась японская монохромная живопись тушью суми-э). Чёрное – это линии, написанные тушью, изготовленной из сажи и животного клея, иногда с добавлением благовоний. Тушь суми и тушеницу для её изготовления считали двумя (из четырёх) «драгоценностями кабинета учёного» в средневековой Японии. Белое – поверхность бумаги васи (washi), раскрывающая красоту пустого пространства – ёхаку (букв. «избыточный белый»). Белая бумага – третья «драгоценность кабинета учёного».

А. С. Трипольский, исследовавший семантику чёрного цвета в традиционной культуре, отмечал, что, наряду с множеством негативных ассоциаций, «использование чёрного цвета в качестве символа тьмы позволяет воспринимать его как одно из обозначений материального начала» [9, 55]. Представляется, что именно такое значение наиболее созвучно искусству каллиграфии, где белое пространство бумаги символизирует Пустоту как абсолютное порождающее начало, а чёрное – конечную точку движения и творческого процесса, материализацию замысла и переход в новое качество.

Во-вторых, линия, выражающаяся в последовательности и направлении начертания отдельных элементов. По выражению С. Н. Соколова-Ремизова, «стихия линий и их сочетание – это выражение мировой стихии, бесконечно меняющихся соотношений и связей двух начал» [8, 267]. Ими выступают возвышенное и мужественное (Ян), и податливое, земное, женское (Инь). Идея столкновения и гармонии получает развитие на всех участках каллиграфического текста. Извечное движение осуществляется сменой направлений, нажимов и отмашек. В структуре каллиграфического знака можно выделить восемь основных элементов (штрихов): точка (пишется вкось-влево-вниз); горизонталь (слева направо); вертикаль (сверху вниз); крючок (снизу-вверх налево и снизу-вверх направо) и четыре типа горизонтальных косых линий (слева-направо-вниз-вверх). Без знания этой системы конструирования знака не может быть составлена «партитура» каллиграфического текста.

В-третьих, ритм, в сочетании с линиями передающий душевное состояние художника, воплощающего свой замысел. Как пишет исследователь, «время в каллиграфическом произведении имеет две ипостаси: это время, затраченное на создание памятника, и время, необходимое для его полноценного просмотра. Так как каллиграфическая техника позволяет составить очень точное представление о скорости работы мастера, то временные параметры творческого акта – важнейший компонент художественного содержания каллиграфического произведения. В процессе просмотра каллиграфического произведения происходит синхронизация обоих временных параметров, что является неременным условием понимания зрителем авторского замысла. В этом отношении каллиграфия соприкасается с музыкой» [3].

Два вида искусства сближает и телесная ориентированность. Как известно, чтобы получить на рояле звук, недостаточно просто нажать клавишу, звук надо проинтонировать должным образом – и в этом процессе подготовки и рождения музыкального звука участвует всё тело пианиста, и даже его дыхание. Примерно также происходит в процессе написания иероглифа, когда активно участвует всё тело художника, и эта энергия передаётся в руку, свободно и естественно держащую кисть. Как суммирует С. Н. Соколов-Ремизов: «Кисть откликается на движение руки, рука – на движение сердца. Тушь откликается на кисть, бумага – на тушь» [8, 198].

Канадзава Сёко – одна из самых известных художников-каллиграфов современной Японии. При этом научные публикации, непосредственно посвящённые её творчеству, на русском языке отсутствуют, что вполне объяснимо – прошло всего шесть лет с тех пор, как имя художника зазвучало не только в Японии, но и стало известно во всём мире после выставки в Нью-Йорке в 2015 г. При этом творчество С. Канадзава неоднократно обсуждалось в СМИ, поводом к чему становились выставки и публичные выступления художника с синдромом Дауна [4; 6; 12; 14; 15]. Анализ и обобщение этих публикаций, а также материалы персонального сайта С. Канадзава [10] помогли последовательно выстроить творческую биографию художницы, пока ещё мало известной в России.

Канадзава Секо родилась в Токио в июне 1985 г. Девочка рано, с пяти лет, начала заниматься каллиграфией в домашней школе для детей, которую открыла её мать, «чтобы у Сёко появились друзья» [4]. Позже она начала ходить в обычную школу и училась там до четвёртого класса, пока классный руководитель не предложила перевести её в специальный вспомогательный класс. Разлука со школьными друзьями стала для ребенка тяжёлым испытанием, и, чтобы переключить внимание, мать предложила дочери переписать 272 кандзи (китайских иероглифа, написанных на японском языке) – «Сутру сердца», одну из самых известных сутр в буддизме Махаяны. Ясука Канадзава впоследствии писала: «Я была довольно сурова и часто злилась, когда Сёко не понимала правильно... Но каждый раз, когда она заканчивала стих, она говорила мне: “Спасибо, мама”» [6].

Поставить подобную задачу перед десятилетним ребёнком с синдромом Дауна, на первый взгляд, странное решение. Но в японской каллиграфии создание иероглифа, одного или нескольких, это в меньшей степени работа на результат, а в большей – процесс самопознания, «исцеляющая и приводящая в равновесие медитация» [10]. Вероятно, этим руководствовалась Ясуко, предложив дочери это задание, и Сёко написала сутру десять раз: «Она ни разу не сказала, что уйдёт, хотя она плакала, и когда её слезы падали, они падали на листы рисовой бумаги. Вот почему я теперь называю эту сутру “Сутрой слёз сердца”» [6].

С этой работы, и сегодня волнующей сердца ценителей каллиграфии, начинался путь к вершинам мастерства. В 2005 г., когда Сёко исполнилось двадцать лет, в токийской галерее на Гиндзе (Ginza Shoro) открылась выставка «Сёко – мир каллиграфии», готовившаяся два года, на которую пришло огромное количество посетителей. Выставка имела значительный резонанс в СМИ, впервые были проданы несколько работ. В жизни девушки в одночасье всё поменялось.

После этой выставки у девушки началась насыщенная творческими событиями жизнь. Её выставки и каллиграфические демонстрации с большим успехом проходили во многих городах Японии. В 2011 г., сразу после аварии на АЭС в Фукусиме, Сёко написала плакат «Мы вместе» и этот призыв стал слоганом восстановления северо-восточного региона Японии, где сейчас работает персональный музей художника.

В основе творческой манеры Канадзава Сёко лежит так называемое уставное письмо кайсё – «устав», буквально означает «правильная форма письма». Это почти квадратное письмо, характеризующееся использованием прямых линий и отдельным написанием каждого иероглифа. Именно с этого стиля обычно начинают изучение каллиграфии. И вполне закономерно, что самая первая работа Сёко, «Сутра слёз сердца», была написана этим стилем. Хотя это создание 10-летнего ребёнка, работа, включающая 272 иероглифа, выписанных на четырёх вертикальных свитках размерами 137 на 15 см, и сегодня завораживает своей архаической простотой, строгостью и монументальной выразительностью каллиграфии.

Впоследствии Сёко продолжила работать в этом стиле, но приобрела больше свободы, что свойственно настоящему мастеру. Например, в 2006 г. она выполнила горизонтальный свиток с двумя иероглифами «Полёт» (см. рис. 1).



Рис. 1. Канадзава Сёко. Полёт. 2006 г.

Здесь угадывается квадратное начертание иероглифов и отдельно прописывание линий с отрывом кисти от бумажной поверхности, характерные для уставного письма кайсё, считающегося нейтральным с точки зрения выразительности и достаточно легко читаемым. Но при этом заметны пластическая выпуклость черт и округлость их окончаний, для этого стиля совсем не характерные. Сильный нажим кисти (художник словно всем телом опирается на неё) придаёт почерку выраженную экспрессию, масштабность и внутреннюю силу.

Эффект «полёта» в работе достигается и благодаря диагональной композиции из двух иероглифов, вписанной в горизонтально расположенный белый лист. Можно сказать, что здесь есть своего рода живописная драматургия, развитие линий и штрихов (от тесной сгруппированности в первом иероглифе до динамической размашистости во втором) и их раскрытие – для свободного полёта...

Ещё одна интересная работа, выполненная уставом и свидетельствующая о высоком уровне мастерства и творческой свободы достаточно молодого художника, – «Врата», работа 2014 г. (см. рис. 2).



Рис. 2. Канадзава Сёко. Врата. 2014 г.

Хотя графика, подвидом которой является каллиграфия, искусство пространственное, а не временное, эстетика каллиграфии не признаёт статичности и покоя: «в искусстве каллиграфии веками шёл поиск не идеальных форм, а совершенного движения» [2]. А мерой безупречности схваченного художником движения являлась его синхронизированность с мировыми энергетическими потоками, которые надо было попытаться запечатлеть кистью: согласно китайской поговорке «Кисть чувствует, тушь увлекает».

Именно это мы видим в работе Сёко Канадзава «Врата», где кисть художника, нащупав энергопоток, проходит путь от левой нижней точки иероглифа вверх, а затем опять вниз, с явным ускорением, по нарастающей... до тех пор, пока не поставлена внизу заключительная жирная точка. Следы почти сухой кисти перед заключительной точкой – как энергетические вихри, закручивавшиеся в пространстве. В иероглифе на наших глазах как будто разворачивается само время, прошлое и будущее притягиваются и собираются в одной точке. Врата как портал между мирами?

Осенью 2016 г. Канадзава Сёко посетила офис Nirpon.com и написала иероглиф хикари (свет). Благодаря видео, выложенному в YouTube, мы можем непосредственно наблюдать за тем, как художник работает [14]. Она пишет, медленно и тщательно ведя кисть по бумаге, каждый элемент, линии или точки, прописывая самостоятельно, с отрывом кисти от бумажной поверхности, как и полагается для стиля кайсё. При этом пишет огромной кистью из целого конского хвоста, возможно, даже слишком большой для маленьких детских рук этой миниатюрной женщины, пишет очень энергично, с силой, так, что от кисти разлетаются брызги туши. По словам Като Тиаки, директора музея изобразительных искусств Дэвадзакура, эти брызги похожи на свет, распространяющийся в пространстве [14].

Японская эстетика и философия исходят из того, что личность автора запечатлется в каждом движении кисти. Именно поэтому «строение иероглифа, его внешний облик может создать самые разнообразные впечатления – иероглиф может как будто неподвижно стоять, или идти, или лететь; двигаться, то словно удаляясь от нас, то, наоборот, приближаясь; ... иероглиф бывает печальным или ... весёлым, он может ... походить на дерево, источенное жуками, или на острое лезвие ножа ... может напоминать движение струй воды или языков пламени, движение облаков..., наконец – игру солнечных лучей или лунных бликов...» [8].

У современной японской художницы С. Канадзава движения кисти, дающей жизнь иероглифам, необычайно сильны и энергичны, настолько, что иногда на бумаге появляются дыры от нажима кисти. Это особенность её интуитивного самовыражения. Она работает всем телом, с силой ведя кисть по бумаге, практически выбирая кисть как точку опоры... Благодаря силе нажима энергия каллиграфической пластики концентрируется внутри каждого иероглифа, образованного размашистыми и широкими линиями, а его динамика, ограниченная белой поверхностью бумаги, удерживается в потенциальном состоянии. Отсюда каждый иероглиф, написанный Сёко, больше или меньше напоминает сжатую пружину.

Сам процесс создания Сёко иероглифа предельно ритуализирован. Она работает в традиционном японском кимоно, перед началом работы совершает молитву, обращаясь к своему рано ушедшему отцу (он умер, когда ей было 14) за помощью и поддержкой. И хотя художник подчиняется формальным законам каллиграфии, усвоенным благодаря матери ещё в раннем детстве, она растворена в процессе настолько, что кажется, будто бы её кисть движется сама, по собственной воле. Характеризуя процесс создания художественного произведения с позиции диалектического соотношения рационального (нормативного) и иррационального, исследователь отмечает: «С одной стороны, творчество характеризует степень и глубину переживания и выражения в индивидуальном сознании интуитивно-бессознательных прозрений об онтологических основах бытия, с другой – в творчестве выражается вечная устремлённость человека за пределы мыслимого ... бытия, поиск и объективация новых качеств и сущностей...» [7, 68]. Безусловно, роль интуитивного самовыражения во много раз возрастает, если речь идёт о творчестве художника с ментальными нарушениями. Я. Канадзава так комментирует творческий процесс у дочери: «Сёко не задумывается о том, получится у неё или нет, она не думает о том, что выйдет в конечном итоге на бумаге. Она просто хочет, чтобы люди почувствовали радость и счастье» [4]. И это очень соответствует тому, о чём учили средневековые мастера дзен, – очистить ум, чтобы иероглифы свободно и естественно изливались на бумагу без усилий. Современный японский философ Н. Китаро назвал это состояние *мушин* («без ума»).

Творческой манере Сёко свойственен своего рода монументализм, работа в больших масштабах. Не случайно она участвовала в оформлении ряда японских храмов, в 2007 г. писала пятиметровые плакаты для токийского столичного театра (Tokyo Metropolitan Theatre).

В 2017 г. её попросили сделать каллиграфическую надпись на листе размером 5×5 метров во время японских национальных соревнований по спортивной гимнастике на стадионе Аджиномото перед Императором Акихито и зрительской аудиторией в более 50 000 человек. По словам Я. Канадзава, мамы художницы, многие не верили в успех: «Люди говорили, что это невозможно, но я верила в неё, потому что каждый раз, когда она сталкивалась с трудной ситуацией, она по-

бежала. Нужно отметить, что для подобных выступлений Сёко использует двадцатикилограммовую кисть» [6]. Это выступление проецировалось на гигантский экран на стадионе.

На вопрос журналистов о том, как она справлялась с волнением перед такой огромной аудиторией, Сёко ответила: «Я всегда стараюсь включить ощущение своего счастья в своё письмо. Я не чувствую нервозности. Отец всегда наблюдает за мной с небес» [6].

Чуть позже мать и дочь получили стихотворение, написанное Императором Акихито в честь этого события. Каллиграфическая версия этого стихотворения, выполненная Сёко Канадзава, теперь представлена на памятнике в парке г. Чофу (chōfu-shi), пригорода японской столицы.

В январе 2020 г. в Токио, в Музее современного искусства, широкой публике впервые представили официальные плакаты XXXII летней Олимпиады. Всего было создано 20 постеров: 12 для Олимпийских игр и 8 для Паралимпийских. Один из них под названием «Лети высоко» представила Канадзава Сёко (см. рис. 3).

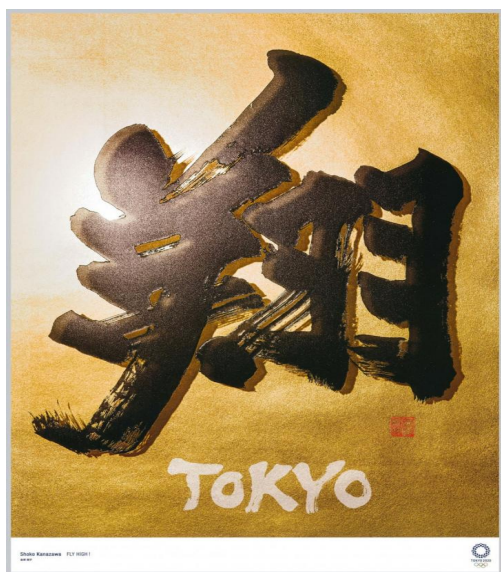


Рис. 3. Канадзава Сёко.
Лети высоко. 2020 г.

Плакат выполнен в виде каллиграфического иероглифа на золотом фоне, и та энергетика и сила линий, которые являются «фирменным знаком» художника, в данном случае символизируют и энергию спортсменов, участвующих в спортивных состязаниях. По словам самой Сёко, «эта работа была создана в надежде, что приверженность и энтузиазм спортсменов и всех, кто поддерживает Олимпийские игры, высоко взлетят над Токио, чтобы достучаться до людей во всём мире. Каллиграфия со своим ослепительным светом символизирует энергию спортсменов» [12]. Токийские игры изображены в виде иероглифа, раскрывающего высвобождающуюся энергию спорта.

В настоящее время японский каллиграф Канадзава Сёко работает не только в стиле кайсё, но свободно владеет и широко пользуется другими стилями письма – более подвижными, гибкими стилями гёсё (полукурсив) и сосё (курсив), а также различными техниками написания японской слоговой азбуки. В данном случае разные каллиграфические манеры написания иероглифов представляют

собой различные варианты визуализации энергетических и ритмо-временных процессов.

Примером может служить работа «Лунный свет», выполненная в стиле сёсё, или скорописи (см. рис. 4).



Рис. 4. Канадзава Сёко. Лунный свет. 2017.

Кисть здесь движется значительно быстрее, чем в предыдущих работах, рождая динамичную пластику, энергия которой неудержимо течёт по переходящим одна в другую линиям. Свободное движение кисти, присутствующее в предыдущих работах, переходит здесь практически в «танец кисти», образующий более плавные, закруглённые, «музыкально-экспрессивные» линии. В данном случае сошлёмся на слова современного каллиграфа Моримото Рюсэки, подчёркивающего трёхмерность каллиграфии: «...Движение кисти по бумаге – только часть движения, потому что кисть ещё движется в воздухе, мажется в тушь или чернила. Моя работа – череда прикосновений и жестов. Вы видите только следы. На бумаге остаются следы и память о движении кисти. Чтобы понять каллиграфию, необходимо видеть процесс. Движение палочки дирижера есть идеальная формула каллиграфии» [10].

Форма иероглифа сильно изменяется, есть ощущение, что трансформации происходят прямо на наших глазах – изображение как будто движется. И если в стиле кайсё форма иероглифа складывалась из линий и штрихов и при этом она вполне читабельна, то здесь возрастает выразительность пятен туши и их взаимодействия с белой поверхностью бумаги, а иероглиф – своеобразно-раздробленный, спонтанно-диссонантный – приближается по выразительности к абстрактной живописи.

Это особенно заметно в работе «Лунный свет», где почерк художника, кажется, вовсе лишён сдерживающей регулярности, а контур иероглифов складывается из отдельных пунктирных капель туши, как будто разбрызгиваемых мастером. Первозданность форм (а первый иероглиф даже вызывает ассоциации с изображениями танцующих людей в неолитических росписях) сочетается с их энергетической наполненностью.

Таким образом, сила и своеобразие творческой манеры Канадзава Сёко проявляются во всех её работах независимо от жанра: это и отдельные иероглифы, и устойчивые сочетания иероглифов, буддистские сутры, японские средневековые стихи вака и др. Сёко не ограничивается какой-либо одной областью или одним стилем, пробуя себя в разных направлениях. При этом, независимо от предназначения, живописную манеру Канадзава Сёко отличает размашистая манера письма, особый ритм линий, передающих высокую динамику и энергетическую насыщенность написанных ею иероглифов, своего рода монументализм.

Анализ творческой биографии современного японского художника-каллиграфа Канадзава Сёко показывает высокий уровень её персональной международной активности. На её счету уже более 1000 выставок разного формата и публичных выступлений. Существуют 4 монографических музея, посвящённых только её каллиграфии (в том числе – в Киото и Фукусима). За рубежом уже прошло несколько масштабных выставок Канадзава Сёко, в том числе в Нью-Йорке, Билзене (Бельгия) и Праге. Девушка имеет собственные страницы во всех основных социальных сетях – Instagram, Facebook, Twitter, видеохостинге YouTube.

Сегодня она является одним из символов современной японской культуры, одним из восьми официальных художников токийской Олимпиады. Император и императрица Японии имеют её работы в своих частных коллекциях.

Традиционно в Японии каллиграфические практики являлись важной частью повседневного опыта, способом самосовершенствования человека, интуитивно продвигающегося в поисках Истины. Современный японский каллиграф И. Тагасира подчёркивает: «Занятие каллиграфией ... подразумевает стремление пишущего к улучшению своего характера, в результате чего письмо приобретает определённый “вкус” и “душу”» [1]. В истории с С. Канадзава каллиграфия стала ещё и решающим инструментом социализации и самоидентификации человека с синдромом Дауна, в результате чего мир получил ещё одного очень хорошего художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганина, Н. С. Поэтика японской каллиграфии каной [Электронный ресурс] / Н. С. Аганина, М. С. Третьякова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2020. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-yaponskoy-kalligrafii-kanoy> (дата обращения: 10.06.2021).



2. Белозерова, В. Г. Искусство китайской каллиграфии: анализ культурной традиции: автореф. дис. ... доктора искусствоведения: 24.00.01 / Белозерова Вера Георгиевна; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – Москва, 2004. – 49 с.
3. Белозёрова, В. Г. Эстетика каллиграфии [Электронный ресурс] / В. Г. Белозерова // Вестник культурологии. – 2016. – № 2 (77). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-g-belozyorova-estetika-kalligrafii> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Като Тиак. Канадзава Сёко: лететь в мир на крыльях каллиграфии [Электронный ресурс] / Nippon.com – современный взгляд на Японию. – Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru/views/b06501> (дата обращения: 11.06.2021).
5. Куланина, Е. М. Ценностные аспекты искусства каллиграфии в коммуникативной традиции Востока / Е. М. Куланина // Миссия конфессий. – 2017. – № 22. – С. 100-107.
6. Мастер каллиграфии Секо Канадзава [Электронный ресурс] / БЕСКОНЕЧНАЯ ЦИ – Восток поэзия легенды искусство. – Режим доступа: <https://turisheva.ru/2017/12/03/master-kalligrafii-seko-kanadzava/?amp> (дата обращения: 11.06.2021).
7. Савелова, Е. В. Миф, ритуал и игра в коммуникативном пространстве культуры / Е. В. Савелова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № I-2 (13). – С. 67-75.
8. Соколов-Ремизов, С. Н. Литература – каллиграфия – живопись: к проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока / С. Н. Соколов-Ремизов. – М.: Наука, 1985. – 311 с.
9. Трипольский, А. С. Чёрный цвет в традиционной нанайской культуре / А. С. Трипольский // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 54-59.
10. Персональный сайт Секо Канадзава [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.k-shoko.org> (дата обращения: 12.06.2021).
11. Японская каллиграфия: живопись, философия, поэзия и путь [Электронный ресурс] / Архив. – Режим доступа: https://artchive.ru/publications/2454~Japonskaja_kalligrafija_zhivopis'_filosofija_poezija_i_put' (дата обращения: 11.06.2021).
12. Seldon News. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221522738>.
13. Tokyo 2020 Official Art Posters: KANAZAWA Shoko – Taking a leap from Tokyo to the world. – URL: <https://tokyo2020.org/en/news/tokyo-2020-art-posters-kanazawa-shoko-taking-a-leap-from-tokyo-to-the-world>.
14. Канадзава Сёко в гостях у Nippon.com: каллиграф с синдромом Дауна пишет иероглиф «свет» [Электронный ресурс] / Видеохостинг YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WLYMuEMC1D0&t=327s> (дата обращения: 13.06.2021).
15. Сёко Канадзава в «Японских каникулах». Новости. 10.02.2021. GuberniaTV / Видеохостинг YouTube. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_NnIjBRq-I (дата обращения: 11.06.2021).

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

GENDER PROBLEMS OF WOMAN IMAGE IN CHINESE MEDIA CULTURE

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Senior Lecturer, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию гендерных проблем образа женщины, транслируемого китайским телевидением, представляющим важную часть медиакультуры. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что телевидение участвует в построении социального гендера и, с одной стороны, отражает существование гендерных стереотипов в обществе, а с другой стороны, укрепляет и конструирует гендерные концепции. Проводится анализ соотношения женщин и мужчин, занятых в сфере медиакультуры. Рассматриваются типы женских образов в китайских телевизионных новостных программах и телевизионной рекламе. Выявляются особенности влияния женских образов, транслируемых телевизионными новостными программами и рекламой, на формирование стереотипного представления о женщине в современном Китае. В исследовании выдвигается идея о превалировании традиционного восприятия феминности в китайской культуре, а также о популяризации патриархального подхода в формировании женского образа.

Summary. This article is devoted to the study of gender problems of the image of women, broadcast by the Chinese television media, that is an important part of media culture. The relevance of the research topic is due to the fact that television is involved in the construction of social gender, and, on the one hand, reflects the existence of gender stereotypes in society, and on the other hand, it strengthens and constructs gender concepts. The analysis of the ratio of women and men employed in the field of media culture is carried out. The types of female images in TV news programs and in TV advertisement are considered. The features of the influence of female images broadcast by television news programs and advertisements on the formation of a stereotypical idea of a woman in modern China are revealed. The study puts forward the idea of the prevalence of the traditional perception of femininity in Chinese culture, as well as popularization of the patriarchal approach in the formation of a female image.

Ключевые слова: культура Китая, медиакультура, телевидение, образ женщины, гендерный стереотип, коммуникация.

Key words: culture of China, media culture, Chinese TV, image of a woman, gender stereotype, communication.

УДК 008(510)

Исследование феминистских проявлений в средствах массовой информации КНР начало активно развиваться в начале XXI века. Толчком для развития данного рода исследований послужил повышенный интерес Запада к вопросам феминизма, внедряющегося в сферу журналистики и коммуникации, который был активно поддержан Китаем.

Целью данной работы является исследование гендерных проблем образа женщины в современной китайской медиакультуре.

Объект исследования – образ женщины как социокультурное явление.

Предмет исследования – гендерные особенности образа женщины, транслируемые китайским телевидением.

Материалом исследования послужили такие источники медиакультуры, как телевизионные новостные программы китайского канала CCTV и рекламные ролики. Выбор в качестве источника

новостных передач обусловлен высокой степенью их влияния на аудиторию, формирования социально-культурных ценностей, идеалов, образа мышления в силу актуальности и важности транслируемой информации. В свою очередь, реклама, представляя яркие визуальные женские образы, способствует формированию в сознании зрителя стереотипных представлений о фемининности.

Термин «медиакультура» впервые был предложен канадским социологом М. Маклюэном и использовался для обозначения разных явлений массовой культуры. В современной культурологии медиакультура определяется как совокупность ценностей, представлений, идей, передаваемых информационными средствами массовой информации, рекламой, предназначенная для определённой социальной группы. Медиакультура неразрывно связана с информационно-коммуникативными средствами формирования общественного сознания и культурных ценностей, образов, стереотипов [5, 23].

Наряду с активным развитием информационных технологий и повышением роли медиаресурсов в Китае тема гендерных образов, формируемых китайским телевидением, в последнее время привлекает всё больше внимания исследователей разных областей гуманитарного знания (психологии, культурологии, социологии, философии и др.). Базовым понятием в анализе гендерных образов является понятие гендерного стереотипа, который определяется как устойчивые обобщённые общественные представления о поведении, образе мышления, внешних характеристиках мужчин или женщин [7]. Термин «гендерный стереотип» обычно используется при анализе образов в СМИ, литературе и т.д. Он включает стереотипы личности, имиджа, интеллекта, социального разделения труда, семейных ролей обоих полов. Например, с точки зрения личности рациональность, смелость, предприимчивость, храбрость, сила классифицируются в китайских СМИ как мужские характеристики. Слабость, нежность, чувственность и пассивность определяются как женские характеристики.

Стереотип представляет собой сумму характеристик определённой группы, при этом он не всегда основан на фактах и не учитывает индивидуальные различия. Это некоторые фиксированные мнения, которые существуют в социуме и оказывают значительное влияние на формирование определённых образов. Например, частота представления образов мужчин и женщин значительно различается. Китайский исследователь Б. Вэй определяет стереотип как чрезмерно общие взгляды определённой социальной группы [11].

В ряде исследований понятие гендерного образа отождествляется с понятием гендерного стереотипа [2, 88]. Особый интерес представляет репрезентация женских образов. Это обусловлено общемировыми тенденциями феминизации общества, которые пропагандируются Западом и активно перенимаются Китаем.

В начале XXI века феминистские идеи и методы исследования начали внедряться в сферу журналистики и коммуникации. Теоретической базой для исследований этого направления послужила работа американского специалиста в области коммуникации Г. Ташмана «Очаг и семья: образ женщины в средствах массовой информации», которая является фундаментальным трудом в истории исследований гендера и коммуникации [6, 92]. В исследовании рассматриваются два аспекта: первый – репрезентация образа женщины в средствах массовой информации; второй – образ женщины, работающей в средствах массовой информации. Начиная с этого исследования имидж женщины в медиакультуре стал рассматриваться как важный вопрос.

В современных работах по изучению гендерных образов в контенте телевидения можно выделить три блока: 1) социально-гендерные исследования; 2) лингвистические исследования; 3) исследования визуализации женских образов в медиа.

Первый блок включает исследования специфики гендера как социального явления. Влияние культуры, социальной среды на формирование специфики восприятия гендера рассматривается в работах В. Абраменковой, И. Луниной, В. С. Агеева [18]. Исследователи выделяют групповые характеристики и модели поведения женщин и мужчин, сформированные в культуре того или иного общества. Согласно ключевой концепции исследований этого направления, гендерные стереотипы, гендерное сознание и социальное понимание гендерных различий является не результатом физиологических аспектов, а формируется в семейной, социальной среде и является психологическим и социальным продуктом.

Второй блок исследований включает работы, направленные на выявление взаимодействия языка и гендера. Эта проблема рассматривается в рамках анализа социальной вариативности языка. Лингвистика и в частности один из её разделов (социолингвистика) относительно недавно начали разрабатывать эту концепцию, поскольку, согласно традиционному подходу, выделять женщин как особую социальную группу было не принято. В работах Р. Лакоффа, А. В. Кириловой, В. Н. Телии, А. Тертычного впервые были представлены теоретические положения гендерной проблематики в лингвистике. При этом особое внимание уделяется исследованию речевого гендерного поведения в конкретной культуре, социальной группе, что позволяет уйти от стереотипизации и глобального обобщения явлений, связанных с различиями между мужским и женским [17]. Изучение непосредственно женского языка связано с развитием феминистского направления в лингвистике 1970-1980 гг. Работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» положила начало активным лингвистическим гендерным исследованиям [21, 56].

Третий блок работ, связанных с изучением гендерных образов, включает исследования их визуализации в контексте медиакультуры. Теоретической базой становится понятие репрезентации (К. Палья, Н. Мартин, Н. В. Межерецкая). Основными направлениями этого аспекта исследований являются особенности репрезентации женских и мужских образов в кино, телевизионных программах, рекламе, музыкальных клипах. Особое внимание в рамках этого подхода уделяется исследованию феминистской антропологии; трансформации гендерных стереотипов с развитием кинематографа; взаимосвязи визуального женского образа с актуальными гендерно-социальными проблемами. Наше исследование гендерных проблем образа женщины в китайской медиакультуре базируется на теоретических положениях данной концепции [1].

Несмотря на высокий интерес исследователей к проблемам гендера, большинство работ носит обобщённый характер и не учитывает национально-культурного фактора, влияющего на формирование гендерных образов. Наряду с этим работы, которые рассматривают проблему локально, в качестве источника исследования привлекают материалы западной медиакультуры. Таким образом, на сегодняшний день наблюдается лакуна в гендерных исследованиях китайской современной культуры и в частности проблемы феминности. Такая ситуация может быть объяснена фактом, что в области гендерных исследований Китая относительно недавно появились научные работы, посвящённые феминистским СМИ, женским стереотипам, ценностным установкам, транслируемым телевидением [3]. В китайском медиапространстве с гендерной точки зрения можно выделить по меньшей мере четыре типа системы дискурсивных представлений феминности в Китае. Каждый из них принадлежит к разной области и сообщает о себе посредством различных символов, выражающих культурные ценности [14].

Поскольку телевидение само участвует в построении социального гендера, то можно говорить о том, что оно, с одной стороны, отражает существование гендерных концепций в обществе, а с другой стороны, укрепляет и конструирует гендерные концепции. Образ женщины на телевидении, выбор женских тем и ракурс освещения – это аспекты, влияющие на формирование социальных концепций и поведения. Так, по причине двойного восприятия (отражение и построение) гендерного образа всё больше исследователей феминизма в Китае обращаются к исследованию медиакультуры как источнику отражения и укрепления гендерного сознания современного китайского общества [4].

В настоящее время феминистские исследования китайской медиакультуры развивают следующие исследовательские направления:

1. традиционная критическая линия феминизма, которая считает, что, хотя современный медиаконтент Китая изобилует различными женскими образами, он искажает образ реальных женщин;
2. концепция феминизации китайского телевизионного контента, базирующаяся на положении о том, что под влиянием западных феминистских тенденций телевидение Китая активно транслирует идею о повышении «престижности» статуса женщины [9].

Вышерассмотренные точки зрения отражают идею о том, что борьба и перераспределение силы гендерного дискурса являются отправной точкой и важной территорией феминистских исследований в медиакультуре и коммуникации Китая.

По мнению исследователя Н. Лю, гендерный образ состоит из четырёх уровней: личностного, профессионального, организационного и институционального. На основе анализа этих уровней выявляются особенности женских образов в медиакультуре [8]. Гендерные стереотипы, связанные с образом женщины на китайском телевидении, в основном проявляются в двух аспектах: первый – это несбалансированность соотношения мужских и женских образов в телевизионных новостях; второй – особенности образа женщины в телевизионной рекламе [7].

Обратимся к рассмотрению визуализации феминности в телевизионных новостных выпусках. Одна из основных функций телевизионных новостей заключается в информировании, а также формировании и трансляции государственных идеологических идей. Появление женских образов в подобного рода передачах повышает привлекательность и интерес для аудитории. Однако в телевидении проявляется искажённое представление о женщинах, и на формирование женских образов влияет стандартное мышление социальных традиций в отношении женского пола.

Чтобы привлечь большую аудиторию, медиаисточники должны отражать актуальные современные социальные ценности. Руководствуясь этим положением, телевидение предпочитает отражать только доминирующие стандарты общества. Китайское телевидение не лишено влияния социальных стереотипов, связанных с репрезентацией женских образов. Наряду с этим наблюдается дискриминация женщин в журналистике и медиа, которая проявляется в неравномерном распределении доли женщин и мужчин, занятых в этих сферах деятельности [13].

Согласно данным мониторингового отчёта «Гендерная ориентация в китайских СМИ и рекламе», представленного в 2020 г. Пекинской ассоциацией женщин-журналистов, в новостных телепередачах в Китае по-прежнему преобладают мужчины. Данные показывают, что среди ведущих новостных выпусков женщины составляли только 19 %, а мужчины – 81 %; среди официальных лиц, экспертов и комментаторов женщины составляли лишь около 10 % [16].

В 2020 г. на китайском радио и телевидении журналисты-мужчины составляли 68 %, а женщины-журналисты – 32 %. В газетной отрасли журналисты-мужчины составляли 63 %. В информационных агентствах мужчины-журналисты составляли 71 %, а женщины-журналисты – 29 %. Среди тех, кто имеет высокие профессиональные звания в области журналистики, женщины-журналисты составляли 17 %; женщины-журналисты, занимающие руководящие посты в сфере журналистики и телевизионных СМИ, составляли 4 %. При этом 89 % рутинной работы выполняют женщины, в то время как 88 % китайских режиссёров – мужчины [12]. Они доминируют в этой сфере, и такая ситуация неизбежно влияет на выражение гендерных взглядов в медиакультуре, вызывая тем самым ухудшение имиджа женщины. Таким образом, на китайском телевидении, несмотря на рост числа женщин-практиков, женщины по-прежнему находятся в невыгодном положении, что создаёт определённые трудности для отражения гендерного равенства в медиа, особенно в деликатной теме гендерной дискриминации.

Обратимся к визуализации женских образов в телевизионной рекламе. Репрезентация женского образа в этом медиаисточнике является острой социально-культурной проблемой. Согласно анкетному опросу по проблеме «Влияние средств массовой информации на женщин», проведённому Китайской федерацией женщин в 7 провинциях Китая в 2019 г., 36,9 % респондентов считают, что в рекламе проявляется дискриминация по отношению к женщинам [20].

Исследователь Л. Лицзюнь отмечает, что стереотипы женских образов в телевизионных рекламных роликах можно отнести к четырём категориям. Первая заключается в культивировании внешней привлекательности женского образа. Вторая обозначает жизненное пространство женщины семьёй, при этом женщины выглядят как домохозяйки и не имеют права голоса. Их смысл существования заключается в том, чтобы быть жёнами и матерями, а образование и раскрытие профессиональных талантов не получает должного воплощения, что, очевидно, является дискриминационным по признаку пола.

Третья категория определяет роль женщины в служении мужчине [19]. Так, женщина не представляет полноценную личность с индивидуальностью и мышлением. В свою очередь, рекламные слоганы, например «Хорошо быть женщиной», определяют внешний облик как важный ценностный показатель, но не раскрывают независимую личность и творчество женщины. Четвёр-

тая категория обозначает ограниченность интеллектуальной сферы женщины. Так, делается акцент на том, что женщина в основном интересуется фэшн-индустрией, развлечениями. Она редко вникает в социальные проблемы, не занимается карьерой и не вникает в новые технологии. Например, в рекламе высокотехнологичных и электронных продуктов, несмотря на то что современные китайские женщины повсеместно используют эти продукты в реальной жизни, количество появлений женских персонажей составляет только 14 % [3].

Анализ данных исследования ассоциации женщин-журналистов показал, что в телевизионных рекламных роликах предпочитают использовать женские персонажи (в 70,5 % рекламных роликов главные герои – женщины, и только в 47,5 % рекламных роликов главные герои – мужчины). При этом женщины чаще снимаются крупным планом или демонстрируются их половые признаки [10, 45]. В рекламе обычно используются два типа женских образов: домохозяйки или девушки модельной внешности. Первый типаж – старомодные женщины, мягкие и бережливые, с отсталым гендерным сознанием, покорные власти мужчины; второй образ – современные, активные, модные женщины, которые большое внимание уделяют внешнему виду, увлекаются шопингом, самостоятельные и финансово независимые. При этом, как отмечает китайский исследователь С. Ли, женские образы в рекламе изображаются с мужской точки зрения режиссёра. Таким образом, можно говорить о преобладании мужского дискурса в китайском телевидении. При этом женский образ, созданный медиакультурой, удовлетворяет требованиям патриархальной культуры и концепции патриархата [15].

Женщины-профессионалы в рекламных роликах часто изображаются на более низкой должности либо занимающие менее престижные должности. Так, можно встретить образ мужчины-доктора и женщины-медсестры; мужчины-юриста и женщины-секретаря; мужчины – сотрудника крупной компании и женщины – продавца в магазине модной одежды. Таким образом, телевизионные рекламные ролики по-прежнему обладают характеристиками дискурсивной среды, в которой доминируют мужчины [9].

В отличие от женских образов, репрезентируемых в рекламе, образ мужчины в первую очередь ассоциируется с высоким социальным и служебным положением, незаурядными интеллектуальными способностями. Таким образом, анализ контента рекламных блоков китайского телевидения позволяет сделать вывод о том, что женщины по-прежнему подвергаются гендерной дискриминации в физическом, психологическом и подсознательном аспектах. Эта дискриминация в реальной жизни усиливается распространением и усилением роли телевизионных медиаисточников. По этой причине сторонники защиты прав женщин выступают за справедливое и позитивное воспроизведение имиджа женщин и искоренение гендерного стереотипа о превосходстве мужчины [4].

Подводя итог, мы должны отметить, что китайские медиаисточники транслируют определённые гендерные стереотипы, воспроизводя и акцентируя неравенство в отношениях между мужчинами и женщинами, которое исторически закреплёно в традиционной китайской культуре. Таким образом, посредством медиа подтверждается идея о роли женщины как домохозяйки в патриархальном обществе. Это означает, что в телевизионном контенте современного Китая авторитетные, могущественные и рациональные мужчины доминируют над пассивными, слабыми и иррациональными женщинами.

Современная китайская медиакультура играет большую роль в формировании имиджа женщины. В большинстве случаев телевидение формирует искажённое представление о её социальной роли. Отмечается тенденция акцентирования внешних характеристик, таких как красота, пластическая хирургия, мода и т.д. Образы женщин, транслируемые телевидением, в условиях патриархального дискурса полны пренебрежения, предрассудков и искажений. При этом наблюдается игнорирование внутреннего самосовершенствования женщины. Данная ситуация неизбежно отрицательно сказывается на гармоничном развитии общества. Анализ тенденций изменения стереотипов и статуса женщины в обществе имеет важное методологическое и практическое значение, т.к. позволяет предложить перспективные стратегии, приоритеты, новые социальные технологии, пути решения проблем, оптимальные средства и методы действий по снятию или ослаблению противоречий между интересами личности и общества.



Данное исследование ограничивается анализом женских образов в новостных программах, телевизионной рекламе как важных источниках воздействия на аудиторию в медиакультуре Китая. Учитывая небольшое количество анализируемых источников, наше исследование не претендует на фундаментальность, и для более глубокого и комплексного понимания гендерных проблем и специфики образа женщины в медиакультуре Китая необходимо также провести дальнейшее исследование визуализации женского образа в разных видах рекламы, музыкальных телевизионных программах, информационных интернет-источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бу, В. СМИ и гендер [Электронный ресурс] / В. Бу; Народное издательство Цзянсу. – 2019. – Режим доступа: <http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/.pdf/> (дата обращения: 17.04.2021).
2. Ван, Х. Культура китайских женщин / Х. Ван. – Пекин: Издательский дом китайской литературы и искусства, 2020. – 287 с.
3. Гу, Ч. Исследование современных западных женщин-фотографов / Ч. Гу // Фотография в Китае. – Цзянсу. – 2017. – № 2. – С. 87-96.
4. Зеленко, С. Особенности новых медиа Китая / С. Зеленко, К. Сунь // Международная журналистика. Евразийско-атлантическое партнёрство и медиа. – 2018. – № 4. – С. 80-88.
5. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2018. – 213 с.
6. Лю, Л. Гендер и коммуникация в СМИ Китая / Л. Лю. – Пекин: Пекинский университет коммуникации, 2020. – 245 с.
7. Лю, Б. Анализ стереотипов о мужских и женских ролях в телевизионной рекламе / Б. Лю // Женские исследования. – 2019. – № 4 (18). – С. 156-168.
8. Лю, Н. Исследования западных женщин [Электронный ресурс] / Н. Лю. – Пекин: Social Science Literature Press, 2020. – Режим доступа: <http://www.xzbu.com/4/view-10390177.htm> (дата обращения: 26.04.2021).
9. Ма, Л. К вопросу об особенностях социальных рекламных коммуникаций в современном китайском обществе / Л. Ма // Социодинамика. – 2015. – № 2. – С. 15-36.
10. Межерецкая, Н. В. Человек в поле визуальной культуры: гендерный аспект: дис. ... канд. философских наук: 09.00.13 / Межерецкая Наталья Васильевна. – Ростов н/Д, 2002. – 156 с.
11. Наливайко, Т. Е. К вопросу изучения феномена информационной культуры личности / Т. Е. Наливайко, Н. М. Гранина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе, культуре. – 2020. – № I-2 (41). – С. 38-42.
12. Тертычный, А. А. Характер применения жанров в современных печатных СМИ / А. А. Тертычный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 106-112.
13. Тун, Ш. Исследования рекламной коммуникации и женских проблем в материковом Китае / Ш. Тун, Х. Су // Женские исследования. – 2020. – № 3 (22). – С. 112-117.
14. Цао, Ц. Обзор СМИ Китая и гендерных исследований / Ц. Цао // СМИ Китая. – Тяньцзиньский педагогический университет. – 2018. – № 3 (12). – С. 23-30.
15. Чжан, Д. Культура красоты и создание женских образов на телевидении [Электронный ресурс] / Д. Чжан. – Режим доступа: <http://chinesefeminism.org/> (дата обращения: 20.04.2021).
16. Чебанюк, Т. А. Антропологический подход к пониманию сущности культуры / Т. А. Чебанюк // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе, культуре. – 2018. – № III-2 (35). – С. 45-48.
17. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2017. – С. 88-99.
18. Ян, Ч. История и развитие феминистских исследований в китайской журналистике и коммуникации [Электронный ресурс] / Ч. Ян. – Пекин, 2020. – Режим доступа: <http://www.cullstudies.com/> (дата обращения: 14.04.2021).
19. Новостные выпуски на канале CCTV [Электронный ресурс]. – Пекин: 2018, 2019, 2020. – Режим доступа: <http://www.tv.cctv.com/cctv13/index.shtml> (дата обращения: 20.04.2021).
20. Рекламные выпуски на канале CCTV [Электронный ресурс]. – Пекин: 2019, 2020. – Режим доступа: <http://www.search.cctv.com/search.phe=video> (дата обращения: 20.04.2021).
21. Lakoff, R. Language and Woman's Place. – R. Lakoff. – New York. Harper. – 1975. – P. 312.

Сохацкая Д. Г., Меньшикова В. А.
D. G. Sokhatskaya, V. A. Menshikova

ДИЗАЙН-КОД КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА

DESIGN CODE AS A WAY TO DISPLAY THE IMAGE OF THE CITY

Сохацкая Дарья Геннадьевна – доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: amurliman-design@yandex.ru.

Daria G. Sokhatskaya – Associate Professor, Design of Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin ave., 27. E-mail: amurliman-design@yandex.ru.

Меньшикова Валентина Александровна – студентка 5-го курса кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: valentina.menshikova.1998@mail.ru.

Valentina A. Menshikova – Student, Design of Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Russia, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin ave., 27. E-mail: valentina.menshikova.1998@mail.ru.

Аннотация. В статье затрагивается вопрос идеи формирования элементов дизайн-кода, его взаимосвязь с имиджем города. Рассматривается опыт российских и зарубежных городов, их дизайн-код, его влияние на развитие городского пространства, экономику, политику миграции, социальное поведение горожан, туризм, создание уникальной и узнаваемой среды. Дизайн-код исследуется как способ формирования современного, эргономичного и целостного пространства. Проводится анализ того, как дизайн-код способен решить наиболее важные вопросы в городском пространстве, такие как способность сохранить единство архитектурного стиля городского пространства с помощью формирования неповторимой архитектурной среды, упростить визуальное восприятие горожанином информации, размещаемой на рекламных конструкциях, а также решить проблему хаотичного размещения рекламных вывесок, избавить город от «рекламного мусора». Подвергается исследованию понятие «имидж города», его взаимосвязь с историей и культурой города.

Summary. The article touches upon the question of the idea of forming the elements of the design code, its relationship with the image of the city. The study examines the experience of Russian and foreign cities, their design code, its impact on the development of urban space, economy, migration policy, social behavior of citizens, tourism, and creation of a unique and recognizable environment. The design code is studied as a way to form a modern, ergonomic and holistic space. An analysis is carried out of how the design code is able to solve the most important issues in the urban space, such as: the ability to preserve the unity of the architectural style of the urban space, forming a unique architectural environment and simplify the visual perception of the citizen of information placed on advertising structures, as well as solving the problem of chaotic placement of advertising signs, getting rid of «advertising waste». The concept of the image of the city, its relationship with the history and culture of the city is subjected to research.

Ключевые слова: дизайн-код, имидж города, городская среда.

Key words: design code, city image, urban environment.

УДК 721

В современном мире усовершенствование городской среды представляет собой систему модернизации городского пространства, включающего в себя сферы жизнедеятельности различных групп населения. Российские граждане всё чаще обращают своё внимание на качество изменений окружающей их среды.

Трансформация городской среды в российской действительности чаще всего остаётся не востребованной горожанами, т. к. при проектировании пространства или здания не учитываются современные тенденции в сфере архитектуры и дизайна. Уровень жизни и благосостояния граждан напрямую зависит от инвестиционных вливаний, экономической стабильности города, благоприятной окружающей среды, положительных условий для проживания.

Одна из важных проблем городской среды – это избавление от визуального шума [15]. В 2020 году на Всероссийском селекторном совещании в Министерстве Российской Федерации по вопросам воплощения в жизнь необходимого проекта «Формирование комфортной городской среды» было обращено внимание на проблему «визуального шума». Результатом этого совещания стало принятие решения по урегулированию используемых вывесок, созданию навигационной системы городов, а также проведению проверок на выполнение нормативов в этой сфере (см. рис. 1).



Рис. 1. Московская улица. Разработка дизайн-кода и его применение

Дизайн-код – действенное и высокоперспективное средство для организации комфортной городской среды. Это система положений, которая регулирует сам процесс создания городского пространства. Он включает в себя особенности стиля формирования города и расположения вывесок, городской мебели, применения фактур и материалов фасадов зданий, различных дорожных покрытий.

Дизайн-код способен решить наиболее важные вопросы в городском пространстве:

- сохранить единство архитектурного стиля городского пространства с помощью формирования неповторимой архитектурной среды;
 - упростить визуальное восприятие информации, размещаемой на рекламных конструкциях, а также решить проблемы хаотичного размещения рекламных вывесок;
 - вывести горожан на просторные улицы города, создать сценарий эргономичного торгового пространства улицы с открытыми витринами и подходами к входным группам магазинов;
 - удержать отток горожан из города за счёт сохранения и поддержания комфортной жизни в пределах городского пространства;
 - сформировать удобство жизни горожан и её безопасность во время занятия спортом или прогулки – это различные требования к городскому освещению, требования к определённой уличной мебели или формированию функционального зонирования городского пространства;
 - повлиять на формирование здоровой конкуренции на рынке между предпринимателями.
- Крупные частные компании устанавливают на фасадах домов рекламные конструкции, которые создают диссонанс в восприятии общего визуального облика зданий, что вредит развитию малого бизнеса;
- направлять развитие исторической и культурной неповторимости, формировать имидж города [1].

Дизайн-код формирует систему методов и условий, по которым возможна целостная организация визуально-гармоничной городской среды.

Единый документ с дизайн-кодом существует в некоторых городах России: Москве, Челябинске, Белгороде, Нижнем Новгороде, Саратове, Воронеже, Калининграде, Ижевске, Тобольске и Иваново (см. рис. 2) [2]. В городах Сибири и Дальнего Востока дизайн-код не был разработан. Городское пространство этих городов отражает избыток прошлого и негативно влияет на имидж городов, тем самым теряя квалифицированных специалистов в различных областях деятельности и ограничивая возможности формирования и развития туризма на этих территориях.

Рассмотрим положительное влияние на имидж городского пространства производства и продвижения такого нормативного акта на примере российских и зарубежных городов.

В г. Саратове с внедрением дизайн-кода, который стал официальным разделом устава города, возросла арендная ставка на жильё, так как фасады зданий стали более привлекательными. Благодаря такой политике городской бюджет получил большее количество налоговых поступлений, что благотворно влияет на общее развитие экономики города, в том числе на туристические и социальные сферы.



Рис. 2. Домовые таблички для Москвы от Студии Артемия Лебедева

В Челябинске за несоблюдение условий разработанного дизайн-кода предприниматели облагаются штрафом, что положительно повлияло на визуальную экологию в городе [4, 16].

В Краснодаре разработали дизайн-код транспортной системы навигации. В такой разработке необходимо было учитывать большое количество факторов, таких как современное освещение, шрифты, городской пейзаж и его целостность, архитектурный стиль зданий и т. д. Таким образом, были основаны объекты с информацией, которые обеспечили безопасное движение горожан, а также смогли организовать подачу информации в определённых областях маршрута без информационного «загрязнения» [5].

В Берлине дизайн-код организует сферу коммуникации различных субъектов: пешеходов, велосипедистов, автомобилистов. В городском пространстве Берлина зачастую используют сразу несколько видов покрытия для того, чтобы облегчить и сформировать удобное движение различных объектов, в данном случае используется пять покрытий (см. рис. 3). Так, для объектов движения применяются отличные друг от друга типы покрытий: для велосипедистов – бесшовная плитка, для пешеходов – мелкое и гладкое мощение. Для разделения пешеходных зон и зон для движения на транспорте применяется грубая плитка. Такая структура применения разноплановых материалов покрытий позволяет ориентироваться в пространстве слабовидящим людям [6]. Таким образом, использование различных материалов в мощении и покрытии становится одной из уникальных особенностей Берлина и входит в один из факторов, влияющих на его имидж.



Рис. 3. Пешеходные покрытия, г. Берлин, Германия

В голландском городе Мидделбурге активно применяется разнообразие плиточного покрытия. Проезжая и пешеходная зоны не разграничены, и при этом нет различных тротуарных перепадов и бордюров. Главная особенность Мидделбурга – это доступность и эргономичность городской среды.

Внедрение цвета в мощение регулирует и ориентирует пешехода. Серая и оранжевая полосы по краям оповещают о том, что эта улица и пешеходная, и автомобильная, но приоритет остаётся за пешеходом. Благодаря такой коммуникации в исторической застройке Мидделбурга практически невозможно заблудиться. Визуальная коммуникация используется и в обозначениях типа дорог. К примеру, узкая плитка используется для мощения только пешеходных тротуаров. Такой способ значительно сокращает скопление автотранспорта среди междомовых проездов и стоянку автомобилей вдоль домов [6].

В Германии есть опыт предотвращения аварий с участием велосипедистов при помощи дизайн-кода. Велосипедная дорожка отделена от проезжей части изображением линии на её поверхности. А в Вене приподняли проезжую часть на остановке трамвая для большей безопасности человека. Результат такого решения – снижение уровня ДТП [6].

Прорабатывая глобальные вопросы безопасности в городах России, основываясь на особенностях климата, экономики и других факторов, можно использовать примеры решений данных проблем в европейских странах.

Одним из важных факторов формирования гармоничной городской среды является использование городской мебели. Так, урны и мусорные контейнеры играют роль элемента эффективной борьбы с распространением мусора в городской среде. В странах Европы обращают большое внимание на вопрос мусорной политики. Во дворах жилых домов в Германии осуществляется раздельный сбор мусора. Особое внимание уделяется плотно закрытым мусорным контейнерам. В Роттердаме создали эргономичные мусорные контейнеры для велосипедистов в виде сачка. В Лондоне в процессе проектирования урны создали функциональный элемент среды, который включает в себя систему хранения отходов и беспроводную локальную сеть Wi-Fi. Таким образом, администрация города и общественность привлекает внимание к экологическим проблемам и мотивирует граждан выбрасывать мусор в урны [6]. В России вопрос мусорной реформы стоит остро, но постепенно она внедряется в городское пространство, что благотворно влияет на экологию города.

В городах России не организован дизайн-код, что негативно сказывается на имидже этих городов. Минстрой вместе с госкомпанией «Дом.РФ» и консалтинговым бюро «Стрелка» сформировали городской индекс качества. Такой индекс создан на основании исследования 1114 россий-

ских городов. Только 262 населённых пункта получили статус благоприятного городского пространства, а остальные 852 города обладают неблагоприятной городской средой [7].

Дизайн-код неразрывно связан с имиджем города, играющим важное значение в социально-экономическом развитии города.

«Имидж – это образ, целенаправленно создаваемый для того, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление в той или иной сфере при тех или иных обстоятельствах» [17]. В создании имиджа города необходимо учесть материальные и духовные ценности общества.

Имидж города является инструментом маркетинга, от которого зависит инвестиционная привлекательность города, а также его конкурентоспособность по отношению к другим городам [8, 15].

Нужно отметить, что город – это поселение с уже сложившимися культурными ценностями и многолетней историей. Таким образом, внедрение современных тенденций архитектуры для создания имиджа города в некоторых случаях является сложной задачей [13], которая включает в себя исследование культурной сферы города.

Благоприятный имидж города притягивает туристические потоки, инвестиционные вложения, поднимает уровень благосостояния и социальное самочувствие горожан. Различные стороны городского развития во многом зависят от имиджа города и его проработанности в следующих сферах: политике миграции населения, экономике, культуре, поведении жителей этого города.

Причина возникновения города Комсомольска-на-Амуре – производство оборонной промышленности. Это выражается в его первоначальной планировке и застройке. Советские идеи отражались в архитектурном стиле зданий, в организации широких проспектов для проведения массовых парадов, появлении монументов и памятников, олицетворявших людей, которые участвовали в становлении государственной политики. Таким образом, имидж Комсомольска – это ряд характерных особенностей того времени, культурных ценностей, которые базировались на основе нормативов и правил партийных и государственных структур идеологической власти. В настоящее время символические образы городских построек и сооружений не отвечают социальным установкам и культурным ценностям современного человека.

Поэтому среди горожан возникает тенденция формирования «нового города», который должен содержать в себе современные объекты архитектуры, эргономичную визуальную коммуникацию и т.д. В связи с этим городская среда требует особого внимания, исследования и модернизации, обновления городских форм, разработки нового вида подходов к проектированию и реконструкции.

На сегодняшний день Комсомольск-на-Амуре – это пространство социально-культурного развития, место формирования уникальной культуры, которой необходимы современные решения для проектирования здоровой городской среды. Современное пространство города должно откликаться на нынешние мировые тенденции в развитии градостроительства, формировать имидж города по культурно-социальным потребностям граждан.

Таким образом, дизайн-код выступает как механизм выявления негативных сторон архитектурного пространства города, который способен организовать и преобразить городскую среду [9].

В 2017 году дизайнеры, архитекторы, культурологи и социологи из Центра прикладной урбанистики (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Санкт-Петербург) разработали регламент, бренд-дизайн для Комсомольска-на-Амуре (см. рис. 4).

Участники проекта поставили себе задачу разработать универсальный язык для исторического советского, развивающегося, уникального, современного города. Таким образом, они выделили несколько основных факторов, с помощью которых сложится имидж города. В одном из них прослеживается идея о городе-конструкторе, или городе конструкторов. Эта концепция основывалась на характерных особенностях Комсомольска: 1) промышленный город; 2) в городе присутствует судостроительный завод; 3) одна из социальных групп общества города – это заводчане, инженеры, конструкторы.

Результатом анализа исследователей стала визуальная система, основанная на кубе. Логотип города предстал в форме кубической буквы «К» и работает по принципу конструктора, как составной элемент. Используя методику архитектурного формообразования, из такого элемента

можно выявить различные объекты городской среды: городскую мебель, рекламные конструкции, архитектурные формы (см. рис. 4) [10, 13].



Рис. 4. Брендинг города Комсомольска-на-Амуре. Центр прикладной урбанистики

Таким образом, организация городской среды, формирование имиджа города имеют актуальную тенденцию для масштабного исследования не только с архитектурной и дизайнерской точек зрения. Важными и основополагающими становятся исследования города в поле таких наук, как история, культурология, социология. Современные интерпретации образа города, его культуры способны урегулировать вопросы по разработке и составлению регламентов историко-культурных особенностей развития городов, населения, социальных групп общества для формирования информационной, исследовательской базы по изучению постсоветских городов России. Данный метод позволит выявить функциональные, эстетические, экономические, культурные факторы, влияющие на формирование имиджа города, а также раскрыть важные закономерности эволюции дизайн-кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барина, Е. Я. Применение дизайн-кода в пешеходных пространствах города / Е. Я. Барина // Наука, образование и экспериментальное проектирование: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 06-10 апреля 2015 г. – М.: Московский архитектурный институт, 2015. – С. 677-683.
2. Чертов, Д. Дизайн-коды российских городов [Электронный ресурс] / Д. Чертов // Челябинский урбанист: сайт, 2017-2021. – Режим доступа: <https://chelurban.ru/knowledge/design-codes-russia/> (дата обращения: 26.06.2021).
3. Дизайн-код в Саратове [Электронный ресурс] / ИА «СаратовБизнесКонсалтинг», 1999-2021. – Режим доступа: <https://news.sarbc.ru/tags/дизайн-код> (дата обращения: 26.06.2021).
4. Дизайн-код Челябинска придаст городу визуальный порядок [Электронный ресурс] / Челябинская городская Дума, официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.chelduma.ru/novosti/dizayn-kod-chelyabinska-pridast-gorodu-vizualnyu-porvadok> (дата обращения: 26.06.2021).
5. Янчевская, М. А. Дизайн-код транспортной системы навигации / М. А. Янчевская // Научная палитра. – 2018. – № 2 (20). – С. 23-36.
6. Зарубежный дизайн-код: как работают правила на европейских улицах [Электронный ресурс] / 2013–2017, «Архсовет Москвы». Сайт главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова. – Режим доступа: <https://archsovet.msk.ru/article/city-design/zarubezhnyy-dizayn-kod> (дата обращения: 26.06.2021).
7. Фёдорова, Н. Среда для жизни почти 77 % городов России признана неблагоприятной [Электронный ресурс] / Н. Фёдорова // АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ», 1995-2021. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/business/01/11/2019/5dbc369b9a7947df3790d55a#:~:text=Минстрой%20совместно%20с%20госкомпанией%20«Дом.РФ»,в%20индексе%20обозначена%20как%20неблагоприятная> (дата обращения: 26.06.2021).

8. Кулешова, А. Н. Формирование положительного имиджа города / А. Н. Кулешова // Молодой учёный. – 2019. – № 23 (261). – С. 209-211.

9. Сохацкая, Д. Г. Использование дизайн-кода в формировании новой культуры городского пространства (на примере фрагментов среды г. Комсомольска-на-Амуре) / Д. Г. Сохацкая // Молодые учёные – Хабаровскому краю: материалы XXII краевого конкурса молодых учёных и аспирантов / редкол.: И. Н. Пугачёв [и др.]. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. – С. 47-53.

10. Королевская, П. Новый логотип Комсомольска-на-Амуре [Электронный ресурс] / П. Королевская // 2021 Pollskill. – Режим доступа: <https://pollskill.com/n/246> (дата обращения: 26.06.2021).

11. Димитриади, Е. М. Анализ архитектурно-колористической образности городов Дальнего Востока / Е. М. Димитриади // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 4-10.

12. Поповский, И. В. Основы городской культуры: учеб. пособие / И. В. Поповский. – Новосибирск: Новосибирская гос. архитектурно-художественная акад., 2014. – 215 с.

13. Пучков, М. В. Семиотические принципы формирования архитектурного пространства: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Пучков Максим Викторович. – Екатеринбург, 2003. – 192 с.

14. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

15. Филин, В. А. Видимая среда в городских условиях как экологический фактор. Урбэкология / В. А. Филин. – М.: Наука, 1990. – 219 с.

16. Морозова, Т. А. Имидж города как основа его продвижения / Т. А. Морозова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2020. – № 4 (267). – С. 73-77.



Чугунова О. Л.
O. L. Chugunova

КАРИКАТУРА КАК ВИД ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

CARICATURE AS AN ART FORM: THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Чугунова Ольга Леонидовна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27. E-mail: lmk@knastu.ru.

Olga L. Chugunova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-na-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Ave. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена описанию проблем восприятия и интерпретации карикатуры. Результаты исследования свидетельствуют о том, что понимание карикатуры – это сложный процесс, базирующийся на аналитическом мышлении и владении информацией о социокультурном контексте. Автор анализирует причины неадекватной интерпретации семантики карикатурного текста, выявляются перечень сюжетов, наименее всего вызывающих затруднение при их восприятии. Анализ карикатур показывает, что главная проблема в их понимании заключается в различии менталитета, культур, национальных особенностей, уровня политических и социальных знаний. Вследствие этого информация, получаемая через карикатуру, может быть понята неверно или быть изменена. Понимание смысла карикатурного изображения напрямую зависит от межкультурного взаимодействия. На основе представленной статьи можно сделать вывод, что дальнейшие исследования понимания людьми карикатурных рисунков должны учитывать имеющиеся трудности в понимании смысла изображения.

Summary. The article is devoted to the description of the problems of perception and interpretation of caricature. The results of the study indicate that understanding caricature is a complex process based on analytical thinking and possession of information about the socio-cultural context. The author analyzes the reasons for the inadequate interpretation of the semantics of the cartoon text, identifies a list of subjects that least cause difficulties in their perception. The analysis of cartoons shows that the main problem in their understanding is the difference in mentality, cultures, national characteristics and the level of political and social knowledge. As a result, the information obtained through the caricature may be misunderstood or changed. Understanding the meaning of a cartoon image directly depends on cross-cultural interaction. Based on the article provided, it can be concluded that further studies of people's understanding of caricature drawings should take into account the existing difficulties in understanding the meaning of the image.

Ключевые слова: карикатура, визуальная грамотность, национальность, исследование, культура, менталитет.

Key words: caricature, visual literacy, nationality, research, culture, mentality.

УДК 168.522

В современном мире доминируют визуальные формы коммуникации, вследствие чего многие учёные считают, что способность осмысливать визуальные тексты становится всё более важной, а воспитание «визуальной грамотности» должно стать частью образовательного процесса.

В самом базовом смысле визуальная грамотность может быть названа адекватной способностью идентифицировать образы и анализировать их в соответствии с тем, как они соотносятся с миром. Распознавание художественных образов основано на обычном, повседневном зрительном восприятии людей и не требует каких-либо специальных компетенций [2]. Именно потому, что визуальные образы близки к нашему реальному восприятию, их можно использовать как особенно эффективное средство манипуляций аудиторией.

Одним из таких образов является карикатура. Она представляет собой очень специфический жанр со своей историей, отличительными стилями, условностями и коммуникативными це-

лями, и в настоящее время она рассматривается как легкоусвояемая живописная версия написанного слова, предназначенная для тех, кто не хочет читать, кто не может читать. Это иллюстрация, опубликованная на страницах редакционной статьи или комментариев газеты. Чаще всего карикатуры обращены к текущей повестке дня или событию, социальной тенденции или известной личности.

В конце XIX и начале XX века благодаря карикатурам человек мог прочувствовать эмоции, проиллюстрированные изображением. Чем точнее карикатура характеризовала ситуацию, тем влиятельнее был её автор в политических и социальных кругах [2].

Развитие прогресса цифровой индустрии (фотографии, телевидения) повлекло за собой снижение интереса к карикатурам. В Великобритании многие местные газеты и таблоиды теперь склонны публиковать юмористические иллюстрации и визуальные шутки, а не карикатуры по большей части политического характера. Карикатурист Стив Макмерти, например, сказал, что около 90 % его рисунков для таблоида Daily Mail – это «яркие, забавные карикатуры», в то время как только около 10 % «злобные политические карикатуры». Но особенно во времена социальной или политической напряжённости и потрясений, как, например, в США после террористических атак 11 сентября 2001 года, отдельные политические карикатуры всё ещё могут вызывать удивительно сильную реакцию [4].

С 1980-х годов наблюдается неуклонный рост числа научных исследований карикатурных репрезентаций различных социальных и политических проблем. Это объясняется тем, что при анализе карикатур учёные, которые очень подробно изучили семиотику этого вида искусства, всегда рассматривали художников и читателей как творческих партнёров в процессе создания смысла [5]. В исследовании карикатурных изображений Саддама Хусейна, например, утверждается, что карикатуры часто могут быть поняты в разных культурах, возрастах и уровнях интеллекта. Костас Мессарис уверен в способности людей воспринимать образы, отчасти это объясняется его вниманием к кино и фотографии, которые, по крайней мере в западных культурах, обычно считаются наиболее «реалистичными» из всех визуальных жанров.

Карикатура всегда предполагает определённую степень абстракции, или усиление через упрощение. Абстракция иногда может стремиться к чистой форме без смысла, но большинство карикатуристов склоняются к иконической абстракции, которая включает в себя уменьшение сходства, чтобы усилить смысл. Чем выше степень иконической абстракции, тем больше интерпретационной работы и знания культурных условностей требуется от зрителя. С этой точки зрения концепция визуальной грамотности также должна включать способность понимать на сознательном уровне визуальный язык, используемый в рамках определённой культуры или культур [3].

Карикатуристы теперь обычно полагаются на широко распространённые культурные символы и метафоры из популярной культуры и спорта, которые часто кажутся настолько естественными, что мы принимаем их через едва осознанные мыслительные процессы. На самом деле карикатуры должны эксплуатировать условности в гармонии с культурной грамотностью публики или рисковать почти неизбежным провалом. Однако каждый карикатурист, вероятно, будет иметь несколько иное представление о том, что представляет собой культурная грамотность, и это может не соответствовать фактической эрудиции его или его публики. Например, карикатура на рис. 1 взята из правового таблоида Daily Mail [3].

Данная карикатура создана 15 июля 2004 года, на следующий день после публикации «Доклада Батлера» о расследовании британским правительством (под председательством лорда Батлера) причин неправомерного использования разведывательных данных для оправдания вторжения в Ирак [3].

Люди, участвовавшие в эксперименте анализа карикатуры на тему «Доклада Батлера», получали газетную страницу, которой было несколько недель и которая была вырвана из её естественного контекста. Респондентам было предложено следовать заранее определённым шагам в процессе интерпретации и тратить на это больше времени и энергии, чем они, вероятно, сделали бы в обычных обстоятельствах. Ввиду небольшого числа участников любые выводы, которые могут быть сделаны из этого экспериментального исследования А. Навского [14], будут по необхо-

димости весьма предварительными и потребуют дальнейшего изучения. В частности, было бы важно изучить процесс интерпретации в отношении большого числа карикатур и в более широком смысле. Степень обработки карикатуры, вероятно, зависит не только от фоновых знаний и культурной грамотности, но и от прагматических факторов, таких как свободное время, отсутствие отвлечения внимания и уровень мотивации. Обсуждаемое экспериментальное исследование не было основано на естественной ситуации чтения в смысле этнографического исследования. В этом исследовании все респонденты были хорошо осведомлены об основных проблемах, связанных с докладом Батлера, и большинство расходящихся ответов, таким образом, не могут быть объяснены простым дефицитом знаний.



Рис. 1. Dave Brown, The Independent

На основании научных исследований в области анализа карикатур только 30 % информации усваивается при восприятии карикатурного изображения [1]. В результате чего при рассмотрении карикатурного изображения в контексте политического подтекста какой-либо страны информация, воспринимаемая посредством изображения, может быть искажена.

Восприимчивость посыла изображения карикатуры в большей степени зависит от межкультурной коммуникации. Основными проблемами смыслового восприятия карикатур населением является своя система стереотипов, целостность убеждений, разность национальных менталитетов [6].

Для выявления специфики понимания одной из наиболее популярных форм карикатур – политической карикатуры – в межкультурном аспекте следует придерживаться определённой схемы интерпретации карикатур, которая предложена ниже. В схему адекватной интерпретации карикатур входит несколько направлений [1]:

- адекватная взаимосвязь события на карикатуре с реальными политическими или социальными событиями;
- объективное объяснение своих эмоций относительно изображённого факта или события, носящего политический или социальный характер;
- корректное понимание смысла сарказма и сатиры события посредством увиденного изображения (карикатуры).

Наиболее полное понимание смысла и содержания карикатуры происходит при условии наличия в её тексте прецедентных феноменов, сформированных в человеческой системе познания,

так называемых когнитивных структурах, при условии что структуры конкретного человека являются частью «универсального» когнитивного пространства [12].

В данном контексте понятие «универсальная» когнитивная база – составляющее когнитивной базы, присущей носителям различных культур мирового сообщества. Имеется в виду когнитивная база, содержащая определённым образом упорядоченную систему обязательных знаний, национально предопределённых представлений, которыми владеют представители каждого культурного сообщества, объединённого одним языком.

Карикатура будет воспринята и понята адекватно, в соответствии со смысловой нагрузкой, вложенной в неё автором; в ней безошибочно будет опознано произошедшее фактически событие, ситуация [7]. Например, представителю любой национальности, имеющему доступ к СМИ, будут понятны следующие карикатуры:

- карикатурные изображения Моники Левински и Билла Клинтона. В таких карикатурах высмеивается чаще всего стиль работы членов Сената США, которые заняты либо сном, либо игрушками, либо подсчётом наличности;

- управление страной Дж. Бушем-младшим, а конкретнее стиль его работы. Отмечено, что период президентства Дж. Буша-младшего сопровождался сильным спадом экономики, поэтому экономика на карикатурах изображается как мёртвая лошадь.

Карикатуры такого формата не содержат скрытого смысла или символов, увидев их изображение, человек моментально понимает, о какой ситуации идёт речь, а также какие герои в ней участвуют. Во многом идентификация главных лиц зависит не только от понимания человеком известных личностей, но также от художественного стиля выполнения карикатуры.

Следовательно, наиболее адекватно воспринимается и осознаётся текст той карикатуры, в которой смысловозначительные элементы узнаваемы [8]. К их числу можно отнести следующие:

- карикатурные изображения всемирно известных публичных персон, политических деятелей;

- события, ситуации, произошедшие в действительности и обсуждаемые во всём мире достаточно долгое время (скандалы, войны, отставки политических деятелей);

- проблемы, так или иначе существующие в каждом государстве (расхищение бюджетных средств, загрязнение окружающей среды, коррупция, свойственная большинству правительств);

- национальные и государственные символы крупных мировых держав (статуя Свободы в США, китайская панда, японский сумоист, русский медведь с балалайкой и др.);

- аллюзии на наиболее известные произведения человеческой культуры, такие как библейские тексты или античная мифология.

Частичное понимание карикатуры характеризуется пониманием общего смысла ситуации, показанной на изображении, но без учёта мелких деталей [13]. Например, читатель не до конца понимает смысл политической ситуации или политические аббревиатуры, но при этом узнаёт лица политиков или социальных деятелей. Другими словами, человек, воспринимая смысл изображения, не может создать цельный образ, созданный посредством карикатуры. Таким образом, частичная интерпретация карикатуры характеризуется следующими условиями:

- идентификация личности известных политических или социальных деятелей;

- идентификация государственной символики, указанной на карикатуре;

- понимание явления метафоризма, например, связанного с библейскими или греческими мотивами, если таковые были задействованы смыслом карикатуры.

Рассматривая первое условие, можно предположить, что структура создания карикатуры имеет в себе смысл выделения основных и второстепенных лиц. Например, на рисунке может присутствовать главный герой, который несёт в себе основной посыл, связанный с событием, и второстепенный герой, который создаёт контраст ситуации либо её фон. В данном случае частичное понимание карикатуры будет выражаться именно в узнавании известной персоны, относящейся к политическому или социальному сегменту, тем не менее идентификация всех лиц, изображённых на карикатуре, окажется неполной.

Ещё одним примером частичного понимания карикатур является считывание с изображения только общего смысла, но без учёта мелких деталей [11]. Данная интерпретация карикатуры складывается в точности наоборот первому условию считывания. При восприятии карикатуры человеку ясен общий смысл изображения, но он не может полноценно оперировать аббревиатурами, скрытыми в смысле рисунка, или, например, ему не будет ясна символика, связанная с изображаемым событием.

Третьим условием частичного понимания карикатуры было указано непонимание сарказма или отчётливо выраженной сатиры в карикатурных изображениях. Художники, специализирующиеся в области создания карикатур, как правило, очень тонко чувствуют острые ситуации, связанные с политическими или социальными аспектами. Понимание сатиры и сарказма может напрямую зависеть от менталитета конкретных национальностей, особенностей воспитания, уровня интеллекта и др. Одним из ярких примеров сатиры могут быть карикатуры российских авторов, где вместе с изображением Дж. Буша-младшего указывается буква английского алфавита W. В данном контексте она означает «дубль Буша».

Также существует неадекватное понимание карикатуры, главными условиями которого являются:

- искажение смысла карикатуры или полное непонимание;
- отсутствие идентификации всех изображённых лиц на карикатуре;
- полное непонимание деталей изображения: символов, подписей, аббревиатур и др.

Неадекватно воспринимаемая информация, полученная посредством карикатуры, чаще всего является результатом разности национальностей и культур. Ярким примером являются карикатуры с изображением Хилари Клинтон (в должности сенатора) и экс-спикера Ньюта Гингрича. Не разбирающемуся в политике человеку не составит труда узнать в Ньюте Гингриче Билла Клинтона, т. к. помимо сильного внешнего сходства на карикатуре у входа в кабинет указана надпись Office of senator-elect Clinton. Смысл данной карикатуры заключался в уходе Билла Клинтона с поста Президента США.

Разность менталитета и национальных культур может перерасти в фазу искажения информации, т.е., помимо восприятия с точки зрения родной культуры, смысл карикатуры может обретать черты вмешательства чужой культуры. Примером этому может служить карикатура на Н. Гингрича и Х. Клинтон, показывающая, как незаинтересованность в политике становится источником волны новых сплетен и слухов.

Эта карикатура не понимается в полном смысле из-за того, что зритель не улавливает отсылки к прецедентному тексту, следовательно, не улавливает подтекст рисунка. Тут присутствует аллюзия на произведение Диккенса «Рождественская песня», повествующее о скупом грешнике Скрудже и трёх рождественских призраках: прошлого, настоящего и будущего. Ньют Гингрич говорит о себе: «I'm the ghost of book deals past». Фраза «the ghost of book deals past» является квазиприведением прецедентного имени «the ghost of Christmas».

Следовательно, автор карикатуры высмеивает общее политическое прошлое, очевидно, не вполне безгрешное, объединяющее Хилари Клинтон и Ньюта Гингрича. Если же эта аллюзия не была понята, уловлена реципиентом, он прочтёт лишь содержательно-фактуальную информацию.

Примером полного непонимания карикатуры может служить смысловое значение изображения, кардинально отличающееся от смысла, воспринятого человеком [10]. Ярким примером полного непонимания карикатуры может служить деятельность сенатора Боба Пэквуда. Во время его политической деятельности в США наблюдались внутренние проблемы в штате Орегон. Карикатура с изображением его лица с поцелуями человеку, не разбирающемуся в политике, позволит понять, что это всего лишь весёлая картинка или изображение любвеобильного человека. Хотя на самом деле смысл карикатуры заключается в том, что вместо того чтобы обратить внимание на развитие штата Орегон и его проблемы, сенатор Пэквуд обращал внимание на свою личную жизнь, за что впоследствии поплатился политической карьерой.

Словесный ряд карикатуры кодируется языком, а видеоряд кодируется визуальными кодами. Таким образом, основная проблема интерпретации карикатур заключается в разности мента-

литетов, национальных особенностей различных культур, уровня интеллекта, степени развития чувства юмора, уровня знаний в политическом или социальных сегментах [9]. При исследовании проблем интерпретации карикатур было выяснено:

- национальные особенности и менталитет того или иного народа могут исказить первоначальный смысл ситуации, изображённой на карикатуре, и добавлять к нему несуществующие факты;
- разность ценностей может стать проблемой восприятия карикатурного изображения;
- метафоры, заключённые в смысле, в особенности политических карикатур, редко могут быть поняты человеком другой национальности;
- изображения похожих политических или социальных деятелей могут создать проблему интерпретации карикатуры;
- непонимание символики, подписей, скрытого смысла также может создать барьеры восприятия карикатуры.

В заключение отметим, что любые будущие исследования того, как люди читают карикатуры, должны тщательно учитывать врождённые трудности вербализации визуального смысла и степень, в которой вербальные ответы могут считаться надёжными данными для оценки того, что люди на самом деле видят в изображении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Артемова Евгения Александровна. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2002. – 237 с.
2. Кочукова, О. В. Россия и восточный кризис 1875-1878 гг.: политическая карикатура английского сатирического журнала «Punch» [Электронный ресурс] / О. В. Кочукова // История и историческая память. – 2020. – № 20. – С. 99-111. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vostochnyy-krizis-1875-1878-gg-politicheskaya-karikatura-angliyskogo-satiricheskogo-zhurnala-punch> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Наливайко, Т. Е. К вопросу изучения феномена информационной культуры личности / Т. Е. Наливайко, Н. М. Гранина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № I-2 (41). – С. 38-42.
4. Сидорова, М. С. Карикатура XXI века – пародия на искусство (этические аспекты) [Электронный ресурс] / М. С. Сидорова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2016. – № 1 (17). – С. 42-47. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/karikatura-xxi-veka-parodiya-na-iskusstvo-eticheskie-aspekty> (дата обращения: 18.05.2021).
5. Стецкевич, Е. С. «Конституционная революция» 1828-1832 гг. в английской карикатуре [Электронный ресурс] / Е. С. Стецкевич, М. С. Стецкевич // Управленческое консультирование. – 2016. – № 3 (87). – С. 154-161. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-revolutsiya-1828-1832-gg-v-angliyskoy-karikature> (дата обращения: 18.05.2021).
6. Стецкевич, М. С. Английская антиклерикальная карикатура конца XVIII – первой трети XIX в. как исторический источник [Электронный ресурс] / М. С. Стецкевич // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-antiklerikalnaya-karikatura-kontsa-xviii-pervoy-treti-xix-v-kak-istoricheskiy-istochnik> (дата обращения: 18.05.2021).
7. Benoit W. et al. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr affair // Critical Studies in Media Communication. – 2018. – Т. 18. – №. 4. – P. 377-394.
8. Connors J. L. Popular culture in political cartoons: Analyzing cartoonist approaches // PS: Political Science and Politics. – 2017. – Т. 40. – № 2. – P. 261-265.
9. Diamond M. No laughing matter: Post-September 11 political cartoons in Arab/Muslim newspapers // Political Communication. – 2017. – Т. 19. – № 2. – P. 251-272.
10. Edwards J. L. Political cartoons in the 1988 presidential campaign: Image, metaphor, and narrative. – Taylor & Francis, 2017.
11. Greenberg J. Framing and temporality in political cartoons: A critical analysis of visual news discourse // Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie. – 2017. – Т. 39. – № 2. – P. 181-198.
12. Marín-Arrese J. I. Cognition and culture in political cartoons. – 2018.
13. Morris R. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach // Metaphor and symbol. – 2018. – Т. 8. – № 3. – P. 195-210.
14. Navasky V. S. The art of controversy: Political cartoons and their enduring power. – Knopf, 2018.



Яковлева Т. А., Эмомзода П. Д.
T. A. Yakovleva, P. D. Emomzoda

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ
INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION: MULTIFACET ANALYSIS

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учёт» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)185-30-99. E-mail: efbu@knastu.ru.

Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economy and Finance, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin ave., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; tel. +7(914)185-30-99. E-mail: efbu@knastu.ru.

Эмомзода Парвизи Давлат – магистр кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учёт» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)406-78-58. E-mail: emomzoda@gmail.com.

Parvizi D. Emomzoda – Master's Degree Student, Department of Economy, Finance and Accounting, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin ave., Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; tel. +7(914)406-78-58. E-mail: emomzoda@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу различных аспектов одной из форм международного академического сотрудничества – программам студенческой мобильности и обмена. Многогранность данной формы взаимодействия предопределяет необходимость учесть множество факторов, влияющих на причины и определяющих результаты международного сотрудничества в сфере высшего образования. Авторами проанализированы социокультурные аспекты программ студенческой мобильности. В первом случае выводы основываются на результатах исследований европейских учёных, проводимых по инициативе Германской службы академических обменов, во втором – в рамках некоммерческой программы «Erasmus» по обмену студентами и преподавателями между университетами стран – членов Евросоюза. В заключение приводится опыт Комсомольского-на-Амуре государственного университета по реализации обменных программ студентов, а также перспективные направления деятельности университета в этом направлении.

Summary. The article is devoted to the study and analysis of various aspects of one of the forms of international academic cooperation - student mobility and exchange programs. The versatility of this form of interaction predetermines the need to take into account many factors that influence the causes and determine the results of international cooperation in the field of higher education. The authors analyzed socio-cultural aspects of student mobility programs. In the first case, the conclusions are based on the results of studies of European scientists carried out at the initiative of the German Academic Exchange Service, in the second – within the framework of the Erasmus non-profit program for the exchange of students and teachers between universities of the EU member states. The article concludes with the experience of the Komsomolsk-na-Amure State University in the implementation of student exchange programs, as well as promising areas of the university's activities in this direction.

Ключевые слова: международная деятельность вузов, академическое сотрудничество, студенческая мобильность, проект Эразмус.

Key words: international activities of universities, academic cooperation, student mobility, the Erasmus project.

УДК 378

Важнейшим направлением деятельности российских вузов является международное академическое сотрудничество, значительная часть которого реализуется в форме совместных образовательных программ. Неслучайно уже на этапе выбора подходящего для поступления вуза для абитуриента немаловажным фактором служит наличие в нём программ студенческой мобильности.

Опыт реализации программ международного студенческого обмена в нашей стране насчитывает не один десяток лет, и в течение этого времени менялись принципы, формы, приоритеты взаимодействия в рамках таких программ. Начало третьего тысячелетия, с одной стороны, ознаменовалось расширением возможностей для студенческой мобильности в поле формирующегося международного образовательного пространства, с другой стороны, возникли вызовы в виде финансово-экономического кризиса 2008 года, валютного кризиса 2014 года и санкционных ограничений. Несмотря на указанные обстоятельства, международное сотрудничество в области высшего образования между российскими и зарубежными вузами имеет положительную количественную динамику.

В рамках национального проекта «Образование» инициатива «Экспорт образования» декларирует своей целью «увеличить число иностранных граждан, очно обучающихся в России по программам высшего образования» [1]. Согласно установленным индикаторам к концу 2024 года общее число получающих высшее образование иностранцев в нашей стране должно составить порядка 425 тыс. человек, что почти в два раза больше, чем на момент принятия проекта в декабре 2018 года. По информации доклада «Государственные программы образовательной мобильности в разных странах», поток иностранных студентов достиг в России в 2019 году 327,6 тыс. человек [2].

Россиян же за рубежом сегодня учится порядка 65-70 тысяч человек [2]. В пятёрке самых популярных среди россиян университеты Германии (9953 студентов, или 18,7 % от общей численности студентов за пределами страны), США (5203 студентов), Великобритании (3933 студентов), Франции (3599 студентов) и Чехии (3455 студентов) [3]. В последние годы возрос интерес со стороны отечественной молодёжи к образовательным программам, реализуемым в вузах, расположенных в странах Азии. Самыми высокими темпами растёт число участников двусторонних студенческих обменов между Россией и Китаем. За 2019 год количество таковых увеличилось на 15 тысяч, преодолев рубеж в 100 тыс. человек. Доля услуг российского высшего образования на китайском образовательном рынке достигла 8 % [4].

По данным ЮНЕСКО, численность иностранных студентов в мире в целом достигла в 2017 году 4,5 млн человек [5]. Конечно, не все эти студенты обучаются за рубежом по программам вузовского обмена, последние являются лишь одной из возможных форм взаимодействия заинтересованных сторон.

Причины и последствия такого многогранного явления, как международное академическое сотрудничество, также многочисленны и разнообразны.

Расширение программ студенческой мобильности и академического обмена имеет множество причин, как объективного, так и субъективного характера. К первой группе причин, обусловленных экономическими, институциональными, политическими и иными факторами, можно отнести:

- формирование глобального пространства высшего образования;
- расширение академических свобод образовательных учреждений практически во всех странах мира;
- усиление конкуренции и мобильности на глобализированном рынке труда;
- обострение экономических проблем, вызванных кризисными явлениями;
- рост экономической, социальной, политической нестабильности и напряжённости.

Субъективные причины получения образования за границей обусловлены личными побудительными мотивами человека, в числе которых можно назвать:

- открывающиеся за границей возможности профессионального роста после окончания там вуза;
- получение ценного профессионального, коммуникативного, бытового и прочего опыта;
- знакомство с историей и культурой другой страны;
- установление интернациональных связей в широком смысле;
- получение возможности совершенствования иностранного языка;
- появление возможности бесплатного обучения за границей, даже в самых дорогих и престижных вузах;



– предоставление возможности обучаться по двойной программе, когда обучение может происходить в двух университетах параллельно или последовательно: первый и второй курсы в одном вузе, а третий и последующие курсы – в другом. Это даёт студенту шанс сформировать более широкий спектр компетенций и/или овладеть второй профессией, что в свою очередь повышает шансы найти престижную работу по окончании университета.

Последствия реализации программ международного академического сотрудничества и студенческой мобильности проявляются в различных сферах жизнедеятельности современного общества, основными среди которых являются экономическая, культурная и социальная.

Несмотря на то что экономическая составляющая результатов академического обмена студентов становится доминирующей, она не может реализоваться в полной мере без двух других компонентов. Сегодняшняя глобализованная экономика требует высококвалифицированных специалистов, которые способны быстро адаптироваться к особенностям условий хозяйствования в другом государстве. Последнее требование невозможно реализовать без успешной социализации иностранных студентов в стране получения образования.

Определением экономического вклада и социально-политического влияния международного сотрудничества в сфере высшего образования в рамках одного из проектов озадачилась Германская служба академических обменов (DAAD). Исследование проводилось в университетах Германии, Австрии, Польши, Швейцарии, Испании, и его методология включила изучение экономической выгоды принимающей страны с трёх позиций:

1. непосредственная и опосредованная краткосрочная экономическая выгода, размер которой определяется расходами студентов на обучение, проживание, питание, транспорт, развлечения и прочее, а также создание рабочих мест для оказания перечисленных услуг и налоговые платежи с дохода от этой деятельности;
2. непосредственная и опосредованная долгосрочная экономическая выгода, размер которой определяется вкладом в экономику страны в будущем, если студент остаётся и трудоустраивается в принимающей стране после окончания учёбы;
3. время, необходимое принимающей стране, для возмещения расходов по пребыванию иностранных студентов за счёт их краткосрочного и долгосрочного вкладов в экономику и развитие страны.

В результате исследования было установлено:

1. около 20-30 % выпускников остаются в стране, где они получили высшее образование;
2. затраченные на обучение иностранных студентов средства окупаются на протяжении нескольких лет, поэтому «обучающей» стране выгоднее оставлять у себя окончивших вуз иностранцев, нежели стремиться отправить их на родину.

В табл. 1 приведены расходы государств на иностранных студентов за время их обучения, расходы самих студентов за время обучения и вклад оставшихся иностранных студентов в экономику страны после окончания обучения и трудоустройства.

Таким образом, увеличение численности студентов, остающихся в обучающей стране после окончания вуза, положительно сказывается на экономическом росте стран. Так, Нидерланды, увеличив число иностранных студентов в 2012 году до более чем 58 000 человек, из которых 20 % остались и трудоустроились в стране, получили вклад в национальную экономику в размере 740 млн евро [8].

С экономической точки зрения высшее образование представляет собой вложение в человеческий капитал, которое приносит отдачу в течение всей профессиональной жизни индивида в виде увеличения его заработка. Поэтому для конкретного человека важен ответ на вопрос, повышает ли получение высшего образования за границей вероятность трудоустройства и возможность более высокого заработка в будущем.

В этом смысле интересны исследования европейских учёных по выявлению каких-либо прямых экономических выгод с точки зрения трудоустройства при наличии высшего образования, которое было полностью или частично получено в рамках международного сотрудничества.

Таблица 1

Расходы на обучение и доходы от деятельности в будущем иностранных студентов [6]

Страна	Совокупные затраты на предоставление мест обучения для иностранных студентов (из расчёта на четыре года)	Общая доходность для государства				
		во время фактического периода обучения (потребительские расходы студентов)	по окончании учёбы, (уровень удержания 20 %)	в период занятости, необходимый для покрытия затрат (в годах) (коэффициент удержания 20 %)	после окончания учёбы, в год (удержание 30 %)	в период занятости, необходимый для покрытия затрат (в годах) (удержание 30 %)
Германия	8353	1603	907	7,4	1361	5,0
Нидерланды	1622	343	132	9,7	198	6,5
Австрия	2683	683	286	6,7	445	4,5
Польша	282	93	24	7,8	37	5,2
Швейцария	2126	229	76	24,9	114	16,6
Испания	2495	545	193	10,1	289	6,7

Одно из исследований экономического аспекта международного образования было проведено на основе данных репрезентативного национального опроса выпускников итальянских университетов [9]. Цель исследования заключалась в том, чтобы оценить, связаны ли участие в программах академического обмена во время учёбы в университете и вероятность трудоустройства через три года после выпуска. В рамках работы был использован подход инструментальных переменных: доступ выпускников университетов к возможностям обучения за рубежом, измеряемый как количество мест, которые потенциально были доступны в зарубежных университетах в течение обучения. По итогам исследования был получен следующий вывод: выпускники итальянских университетов, которые участвовали в какой-либо форме обучения за границей во время обучения в университете, имели статистически более высокую вероятность трудоустройства через три года после выпуска, чем аналогичные выпускники университетов, которые не участвовали в подобных программах. Более того, обучение за рубежом способствует трансграничной мобильности рабочей силы [10].

К аналогичным выводам пришли Матиас Парей, профессор Школы экономики Университета Суррея (Англия), и Фабиан Вальдингер, заведующий кафедрой экономики Мюнхенского университета, которые обнаружили, что выпускники немецких университетов, участвовавшие в программах студенческой мобильности, на 15-20 % чаще работали за границей после окончания учёбы, чем выпускники тех же университетов, которые за границей не обучались [11].

Неэкономические выгоды международного сотрудничества в сфере высшего образования состоят в социокультурных эффектах.

Культурное разнообразие открывает перед обществом огромные возможности и одновременно таит риск взаимной изоляции и глубоких конфликтов. В этой ситуации межкультурное образование становится очень важным, так как способствует сосуществованию людей с разным культурным происхождением. Культурное разнообразие означает увеличение количества вариантов индивидуального образа жизни и является определяющим фактором развития личности.

Международное сотрудничество в сфере высшего образования, особенно в форме обмена студентами, положительно влияет на отношение участников программ к другим странам и культурам. В этом смысле значительных успехов достигла некоммерческая программа Эразмус (Erasmus) – программа по обмену студентами и преподавателями между университетами стран – членов Евросоюза, а также Исландии, Лихтенштейна, Северной Македонии, Норвегии, Турции [7].

Программы мобильности Erasmus предназначены для того, чтобы вызвать повышенное чувство привязанности к Европе в результате опыта академической мобильности. В нескольких



исследованиях изучается, связано ли участие в академической мобильности с какими-либо социокультурными преимуществами.

Помимо политических, правовых и социальных аспектов культурного разнообразия существует ещё и образовательный аспект. Это особенно важно для любой страны, которая, как и Россия, активно участвует в процессе экономической глобализации посредством международной торговли услугами и товарами. Поэтому важно обучать будущих специалистов в России таким образом, чтобы они могли в перспективе проявить себя в международных компаниях, интегрироваться и успешно в них работать.

Европейские учёные Э. Ллурда и Э. Гальего-Бальса провели исследование, в рамках которого изучали отношение к европейской идентичности в группе студентов – участников программы студенческой мобильности Erasmus из университета Лериды, расположенного в Каталонии (Испания) [12].

Полученные данные показывают, что опыт мобильности по программе Erasmus мог положительно повлиять на отношение студентов к Европе как политическому образованию, для которого характерны открытые границы и демократия. Так, на предложение «оценить степень, в которой эти аспекты характеризуют европейскую идентичность» участвующие в опросе студенты оценили «мобильность» и «демократические ценности» статистически значительно выше после их опыта мобильности в рамках программы Erasmus по сравнению с их же оценками до отъезда.

Основываясь на том факте, что межкультурное образование требует знания своей собственной культуры, а также облегчает доступ к другим культурным мирам, можем сделать вывод, что межкультурное образование является сложной задачей для общества в целом и что культурные и образовательные предложения должны быть открыты для новых форм культуры, отражающих культурное разнообразие России. Поэтому Совет при Президенте по культуре и искусству, уделяющий большое внимание вопросам формирования единого культурного пространства нашей страны при сохранении культурного разнообразия населяющих её народов, призывает федеральные, региональные и местные власти создать благоприятные условия для принятия решений и практических действий на основе соответствующих исследований [14]. К настоящему времени в нашей стране накоплен достаточный материал проведённых российскими учёными исследований по вопросам культурной идентичности для того, чтобы использовать их результаты не только в научном плане, но и в качестве основы для практических разработок [15–17].

Новые возможности обмена студентов и преподавателей в ходе глобализации также влияют на то, как развивается наше сознание и как воспринимается наша идентичность. В прошлом формирование идентичности в отечественной культуре происходило сравнительно спокойно, в долгосрочной стабильной жизненной перспективе и в контексте общепризнанной системы ценностей и норм, но это изменилось в процессе глобализации. Сегодня идентичность должна всё больше уравниваться на фоне стремительных изменений. Можно утверждать, что интернационализация образования в Российской Федерации соответствует мировым тенденциям. Основные аспекты интернационализации высшего образования России формируются по программно-целевому принципу. Следует отметить, что определённая непрозрачность и оценка социально-экономической эффективности могут считаться отрицательной чертой всех государственных программ интернационализации высшего образования.

Учреждения высшего образования являются непосредственными участниками всех описанных выше процессов, поэтому показатель, отражающий состояние международной деятельности, является целевым при оценке деятельности российских вузов и, как правило, реализуется в рамках стратегии их развития.

Комсомольский-на-Амуре государственный университет (КнАГУ) имеет определённый положительный опыт в этом направлении деятельности. За последние 5 лет в рамках сотрудничества и обменных программ студентов и преподавателей разработаны и реализуются более двадцати программ с образовательными учреждениями стран ближнего и дальнего зарубежья. Среди них соглашения о сотрудничестве в сферах образования, науки и технологий, а также в социально-экономической сфере, которые способствуют подготовке высококвалифицированных специали-

стов на основе различных форм взаимодействия, обучения и переподготовки с Кыргызским авиационным институтом имени И. Абдраимова (Киргизия), Лоянским профессиональным колледжем науки и техники (КНР), Таджикским государственным педагогическим университетом имени С. Айни, Университетом науки и техники Хуачжун (КНР), Пуянским профессионально-техническим институтом (КНР), Цзянсийским университетом науки и технологии (КНР), Хубэйским транспортным профессионально-техническим институтом (КНР), Полоцким государственным университетом (Республика Беларусь), Хэйхэским университетом (КНР), Бишкекским колледжем архитектуры и менеджмента в строительстве (Киргизия), Белорусским национальным техническим университетом (Республика Беларусь), Хэйлунцзянским строительным профессионально-техническим институтом (КНР), Институтом технологий и инновационного менеджмента в городе Куляб (Республика Таджикистан), Гомельским государственным техническим университетом им. П. О. Сухого (Республика Беларусь), Дангаринским государственным университетом (Республика Таджикистан), Колледжем информатики и компьютерной техники (Республика Таджикистан), Государственным учреждением «Центр международных программ» при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан, Университетом Согён (Республика Корея), Архитектурно-строительным университетом (КНР), Шэньянским аэрокосмическим университетом (КНР), Таджикским техническим университетом имени академика М. С. Осими (Республика Таджикистан), Посольством Республики Союза Мьянма, Кыргызско-Российским Славянским Университетом имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (Киргизия) [18].

В качестве перспективных и наиболее актуальных на 2021-2022 учебный год определены следующие задачи международной деятельности университета:

- формирование привлекательного образа университета как территории для обеспечения эмоционально-психологического благополучия обучающихся разных национальностей и конфессиональной принадлежности;
- совершенствование механизмов оценки качества обучения иностранных студентов, повышение ответственности руководителей образовательных программ, на которых обучаются иностранные студенты, за создание комфортных условий обучения и качество предоставляемых образовательных услуг;
- поддержка действующей площадки для коммуникации и развития межнационального диалога молодёжи университета, этносоциального просвещения студентов; организация дополнительных каналов коммуникации студенческой интернет-аудитории и повышения включённости иностранных студентов в приоритетные проекты студенческой молодёжи;
- максимальное расширение целевой студенческой аудитории, вовлекаемой в международную деятельность через академическую мобильность студентов и в процесс формирования социокультурных компетенций через развитие форм студенческой активности в социальном партнёрстве с руководством факультетов и университета;
- формирование перечня совместных образовательных программ, в том числе программ, реализуемых в сетевой форме, в том числе реализуемых на английском языке;
- разработка уникального контента для презентации университета в рамках международных онлайн-выставок.

Достижение названных задач будет в наибольшей степени способствовать получению экономических и социальных выгод от обучения иностранных студентов по образовательным программам, реализуемым КНАГУ, всеми заинтересованными сторонами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный проект «Образование» 2019-2024, паспорт [Электронный ресурс] / Национальные проекты России. – Режим доступа: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects/obrazovanie> (дата обращения: 10.03.2021).
2. В России стало вдвое больше студентов-иностранцев [Электронный ресурс] / Lenta.ru, 1999-2021. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/12/25/inostudents/#:~:text=«Последние%20десять%20лет%20число%20студентов,непрерывного%20образования%20РАНХиГС%20Татьяна%20Клячко> (дата обращения: 15.03.2021).



3. Самые популярные зарубежные вузы у россиян [Электронный ресурс] / 2021 OneWorldClick.ru. – Режим доступа: <https://oneworldclick.ru/obrazovanie/samye-populyarnye-zarubezhnye-vuzy-u-rossiyan/> (дата обращения: 25.02.2021).
4. Число участников студенческих обменов между Россией и Китаем достигло 100 тысяч в 2019 г. [Электронный ресурс] / Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10062903> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Основные показатели развития мировой экономики. «Мир в 2019 г.» [Электронный ресурс] / ИМЭМО РАН, 2013-2021. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2020/mir-v-2019> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Prognos AG (2013): World Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eu.daad.de/medien/eu.daad.de.2016/dokumente/service/medien-und-publikationen/studien-und-auswertungen/studentische_mobilit%C3%A4t_und_ihre_finanziellen_effekte_auf_das_gastland_prognos.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
7. Программа Erasmus [Электронный ресурс] / Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D1%83%D1%81> (дата обращения: 10.03.2021).
8. Результаты исследований Германской службы академических обменов (DAAD): «Экономические и социально-политические последствия обучения международных студентов за рубежом» [Электронный ресурс] / Германская служба академических обменов (DAAD). – Режим доступа: <https://www.daad.ru/ru/onas/o-daad/> (дата обращения: 10.03.2021).
9. Inserimento Professionalale dei laureate – Indagine 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://content.usi.ch/sites/default/files/storage/attachments/alumni/alumni-usilink-numero-speciale-2007.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Di Pietro, G. 2015. Do Study Abroad Programs Enhance the Employability of Graduates? Education Finance and Policy. 10 (2), pp. 223-243.
11. Parey, M., & Waldinger, F. (2011). Studying abroad and the effect on international labor market mobility: Evidence from the introduction of ERASMUS. Economic Journal, 121(551), pp. 194-222.
12. Llurda, E., Gallego-Balsa, L., Barahona, C., & Martin-Rubio, X. (2016). Erasmus student mobility and the construction of European Citizenship. Language Learning Journal, 44(3), pp. 323-346.
13. Jacobone, V., & Moro, G. (2015). Evaluating the impact of the Erasmus Programme: Skills and European identity. Assessment & Evaluation in Higher Education, 40(2), pp. 309-328.
14. Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству [Электронный ресурс] / Президент России, официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56456> (дата обращения: 10.03.2021).
15. Афонина, А. А. Гражданско-государственная идентичность выпускников российских вузов за рубежом как фактор сохранения их культурной идентичности / А. А. Афонина, Л. Ю. Лукичева // Власть. – 2016. – № 10. – С. 96-101.
16. Лисенкова, А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности / А. А. Лисенкова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2 (54). – С. 69-82.
17. Наливайко, Т. Е. Социокультурная инфраструктура университета как фактор развития личности студентов / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, общества и культуре. – 2017. – № IV-2 (32). – С. 24-27.
18. Яковлева, Т. А. Исследование в сфере международного академического сотрудничества университета / Т. А. Яковлева, П. Д. Эмомзода // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, общества и культуре. – 2020. – № VIII-2 (48). – С. 88-93.

Ярославцев А. В.
A. V. Yaroslavtsev

**ТРАНСФОРМАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ
ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ (1917 – 1925 гг.)**

**TRANSFORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN GOVERNMENT POLICY
CONCERNING MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE (1917–1925)**

Ярославцев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, документоведения и архивоведения Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(4212)56-33-75. E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Alexander V. Yaroslavtsev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Library and Information Activities, Documentation and Archival Science, Khabarovsk State Institute of Cultural Sciences (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk, Krasnorechenskaya str., 112; tel. +7(4212)56-33-75. E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные направления трансформации политики государства в области культурного просвещения и общественного воспитания после октябрьских революционных событий. Новая власть сосредоточилась в классовых организациях пролетарских и полупролетарских слоёв народа в создаваемых Советах как органах власти в центре и на местах, которые подчинили себе все учреждения как административного, так и хозяйственного, финансового, культурно-просветительного значения. Автор анализирует правовые основы становления социалистической культуры в период с 1917 по 1925 гг. Анализ свидетельствует о создании новой модели инфраструктуры культуры (изб-читален и ликвидационных пунктов, волостных библиотек, передвижек и других культурно-образовательных учреждений). Автором выделены особенности исследований культуuroобразующих процессов в стране в первые годы становления власти Советов. Анализируются отдельные аспекты формирования кадрового обеспечения сферы профессиональной культуры (мобилизация работников, имевших подготовку, учительство). Методологические подходы (проблемно-хронологический, проблемно-функциональный, междисциплинарный и др.) к исследованию позволяют раскрыть политику государства в области формирования культурного строительства одного из исторических периодов России.

Summary. The paper surveys basic ways of the Russian government policy's transformation, concerning culture awareness and public education after the Great October Revolution. The new government's powers were concentrated in proletarian and semi-proletarian organizations and bodies newly established at both state and local levels and governing every type of activity – managing, house holding, financing and awareness raising. The study highlights the legal basis of socialistic culture development in 1917-1925. The data evidence the formation of a new cultural infrastructure (reading rooms, clubs against illiteracy, local libraries, moving exhibitions and cultural clubs, and other educating and enlightening societies). The author has extracted peculiarities of prior research in cultural development of the country. The study identifies some recruiting methods used to staff the cultural sector (resource mobilization, teaching). Various research approaches (chronological, functional, multidisciplinary, etc.) convey the governmental awareness-raising policy as an important and integral part of the national politics in the period.

Ключевые слова: нравственно-религиозное влияние церкви, культурно-просветительные цели культурного строительства, общегосударственные просветительные функции, культурно-просветительная работа, культурная политика, междисциплинарный подход.

Key words: religious and moral church influence, culture awareness-raising purposes of cultural development, governmental awareness-raising functions, culture enlightening work, cultural policy, multidisciplinary approach.

УДК 94(470+571)«1917/1925»:321.01

В последние 20 лет в исторической науке наиболее востребованным становится многофакторный анализ исторических явлений, событий на основе междисциплинарного подхода, что позволяет раскрыть любой исторический факт, на который влияли различные факторы (политические,



экономические, социальные, личные качества действующих лиц и т.д.). Духовное, интеллектуальное и ментальное развитие общества составляет важнейшую сторону исторического процесса в целом.

Сфера духовной и материальной культуры развивалась не одно столетие. В её структуре основную роль играли воспитание и просвещение в пределах, которые позволяло государство. Так, в Российской империи в области культурного просвещения и общественного воспитания нравственно-религиозное влияние церкви было велико. Кроме того, на общественную жизнь влияли церковные службы, причастия, крещения, венчания и другие религиозные праздники [29, 31].

История духовно-культурных отношений на Дальнем Востоке России в дореволюционный период характеризуется развитием миссионерства и христианского просвещения при поддержке государства. Заслугой миссионерской деятельности священников РПЦ было не только строительство храмов, но и открытие школ.

В частности, в 1915 г. в современных границах Хабаровского края действовало 240 школ, в том числе 231 начальная, 5 семилетних, 4 средних, 2 библиотеки (одна из них – краевая научная библиотека, основанная Приамурским отделом Русского географического общества в 1894 г.) и один монастырь. Обучение местного населения на приграничных территориях русского Дальнего Востока чтению и письму способствовало принятию культурных ценностей, сложившихся в России за длительный период развития страны. В этот период вели активную работу культпросветучреждения: 8 театров, 3 музея, 14 киностационаров, 32 массовые библиотеки, 6 клубных учреждений [1]. В Хабаровске работали 19 массовых библиотек и 2 клубных учреждения [2].

Мирное течение развития культурного строительства было прервано революционными событиями и «культурной революцией» Советской власти.

Трансформация политики государства в области культурного просвещения и общественно-го воспитания берёт начало с октябрьских революционных преобразований. Преобразования в сфере культуры были направлены на реформирование традиционного сословного механизма распределения культурных ценностей. Лидеры большевиков не скрывали, что рассматривают борьбу за демократизацию культуры как часть общепролетарского дела. Разрушив культурные традиции, складывавшиеся в Российской империи, власть большевиков приступила к культурной революции, основанной на идеологии Советов.

В 1917 г. новая власть отказала церкви в участии в гражданской и государственной жизни. Чтобы создать новое культурное пространство, власть решала правовые и организационные задачи. Правовым актом «Декларация прав народов России» было положено начало формированию иных традиций и организационного порядка. В период с конца 1917 по 1925 гг. в стране была создана сеть советских организаций. Непосредственной задачей Советов всех уровней являлось распространение «идей революционной социал-демократии в широких кругах» и прежде всего в среде рабочей молодёжи, чтобы представители молодёжи были «полезными борцами за рабочее дело». Вопросы воспитания и образования в стране перешли из духовного ведомства Народному комиссариату просвещения [13], что явилось предпосылкой к трансформации культурной политики государства.

В кругу историков первые годы советской власти характеризовались как «период декретной лихорадки» по причине принятия множественности директивных актов в области культуры. Так, с ноября 1917 г. приступила к действию Государственная комиссия по просвещению, целью которой было «служить связью и помощницей» просветительным учреждениям в реализации государственной политики [24].

Для продвижения основных целей и идей культурного строительства требовалось изменить отношение общества к церкви и духовенству как главному конкуренту государственной политики. Так, уничтожение роли священника в жизни верующих потребовало нового подхода к оформлению актов гражданского состояния. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов состояния» книги учёта бракосочетаний были переданы созданным органам ЗАГС. Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. было запрещено проведение религиозных ритуалов.

В середине 1918 г. власть приступила к выстраиванию системы культурного просвещения в стране. Были предприняты действия по национализации частного имущества, имевшего отноше-

ние к духовно-культурной сфере. Так, Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых СНК РСФСР объявил государственной собственностью РСФСР, которая должна была выполнять общегосударственные просветительские функции. Главной задачей Советской власти в области просвещения было определено достижение «всеобщей грамотности» как основы культурного просвещения [22]. Достижению цели способствовали законодательно установленные требования к правам и обязанностям органов власти. Так, V Всероссийский съезд Советов (10 июля 1918 г.) утвердил Конституцию РСФСР, в которой областным, губернским, уездным и волостным органам Советской власти, а также Советам депутатов были закреплены основные предметы их деятельности (ст. 61). К ним было отнесено принятие всех мер к «поднятию данной территории в культурном» отношении за счёт средств, «отпускаемых из государственного казначейства» (ст. 82). Революционный порядок следовало поддерживать через деятельность культурно-просветительных учреждений (читальню, клуб, чайную) в каждом селении [12].

Новый культурно-просветительский курс был направлен на «культурное сближение и развитие классовой солидарности» трудящихся различных национальностей [17]. В школах национальных меньшинств обязательным стало изучение русского и национального языка населения, проживавшего на конкретной территории. Вместе с тем следует подчеркнуть трудности, с которыми столкнулись местные органы. Прежде всего, дефицит учителей из-за отказа от услуг интеллигенции родом из Российской империи. Недостаток учителей привёл к опустению, а в некоторых местах и к закрытию школ, а дефицит культработников – к прекращению культурно-просветительной работы в первую очередь во фронтовой и тыловой частях Красной армии. Данные обстоятельства изменили подход к осуществлению отдельных видов культурной работы на подконтрольных большевикам территориях, которая проводилась с корректировкой на «задачи военной борьбы» [5, 301].

В 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны РСФСР издал постановление от 7 апреля 1919 г. «Об учёте сценических и театральных работников» [23]. Учёт лиц обозначенных категорий был возложен на Театральный отдел Народного Комиссариата по Просвещению. Ответственность лиц, которые уклонялись от учёта, была суровой – они предавались суду Революционного трибунала.

В управлении театральным делом произошли и структурно-хозяйственные преобразования. При Народном Комиссариате по Просвещению был учреждён Центральный Комитет (Центротетатр), исполнительным аппаратом которого являлся Театральный отдел НКП с включённым в него отделом Государственных театров. Под управление созданных органов власти было передано имущество театров (здания, реквизит).

Для достижения основных целей культурного строительства в сфере культурной работы был установлен новый порядок. Так, в интересах трудящихся в дни их отдыха и в праздничные дни «все зрелищные предприятия» (советские, военно-морские, общественные, частные и др.) работали без выходных [19]. В соответствии с Кодексом законов о труде и общим положением о тарифе рабочих и служащих работа в зрелищных мероприятиях в праздничные дни оплачивалась в полуторном размере как сверхурочная работа.

В функции органов власти входила организация внешкольной культурно-просветительной работы, которую осуществляли наряду с центральными и местными учреждениями различные ведомства [21]. Особое внимание было направлено на «повсеместное создание очагов социалистической культуры». С целью принятия мер по повышению культурного уровня населения сельской местности предметы ведения сельского Совета были расширены Декретом ВЦИК «О сельских советах (положение)» от 15 февраля 1920 г.

В сельской местности местом публичной работы являлась изба-читальня (народный дом с библиотекой-читальней), при которой открывались школы грамоты для взрослых и подростков. Сельские Советы обязывали работников изб-читален «проводить чтения вслух газет, брошюр, декретов Советской власти и беседы по поводу прочитанного и распространять газеты, листовки и пр.» [16]. В то же время достижение этой задачи было затруднено отсутствием специалистов. Исследование хода становления социалистической культуры свидетельствует, что дефицит работников являлся одной из острых проблем.



Количественное наращивание сети государственных учреждений культурно-политического просвещения, помимо национализации уже имевшихся, пополнялось за счёт открытия новых. Так, на Дальнем Востоке в результате целенаправленных усилий в начале 1921 г. работали: 87 клубов, включая народные дома и народные университеты; 154 библиотеки и 200 изб-читален [8, 77]. Однако расширение сети инфраструктуры культуры сопровождалось хроническим дефицитом культработников. На его ликвидацию был направлен Декрет СНК РСФСР от 9 мая 1921 г. «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения и социалистической культуры» [9]. Данный правовой акт был направлен на мобилизацию всех занятых не по своей специальности «работников просвещения и социалистической культуры». К данной категории относились все, кто закончил институты, специальные курсы дошкольного, школьного, политико-просветительного и профессионально-технического типов или работал в научных учреждениях. Вместе с тем кадров в культурном секторе нового отраслевого хозяйства было недостаточно, и в сентябре 1921 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР разрешил совместительство при вакансии требуемой специальности и квалификации [28], которую регистрировали в Отделах Труда.

Из-за дефицита политкультурработников для грамотных граждан, проживавших в сельской местности, ввели «обязательную повинность» – участвовать в организации культурно-просветительной работы. За неподчинение члены сельского Совета отвечали по всей строгости революционных законов [16].

Кроме дефицита кадров отмечался и недостаток помещений для культурно-просветительных целей. В 1923 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР и НКВД РСФСР решили закрывать храмы и помещения использовать «для культурных нужд населения» [7]. Развитие сети образовательных и культурных учреждений сопровождалось ростом выпуска политико-культурных и просветительных материалов, что повлекло создание централизованного издательства и контроля. Так, Декретом СНК РСФСР от 2 июля 1923 г. было утверждено «Положение о государственном издательстве» [26], которым было предоставлено право Народному Комиссариату по Просвещению не только осуществлять общий надзор за деятельностью Государственного издательства, но и устанавливать «общие задания в области культурно-просветительной работы».

В ходе культурного строительства особую роль отводили радиопередачам. С целью создания условий по организации радиовещания государственные профессиональные и партийные учреждения и организации получили право создавать радиостанции специального назначения [15]. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 июля 1923 г. «О радиостанциях специального назначения» они разделялись на радиостанции с культурно-просветительными и научными целями. В 1923 г. правом вести культурно-просветительную работу были наделены сельскохозяйственные общества [27]. Это позволило расширить аудиторию и активизировать культурную работу практически в каждом селе.

В 1924 г. в целях расширения возможности более полного удовлетворения научных и культурных потребностей населения использовались уже все виды радиосвязи [18]. В этот год активизировалось «вовлечение женщин в рабочие клубы и избы-читальни путём устройства бесед и докладов, интересующих работниц и крестьянок» для культурно-просветительной работы [20].

Несмотря на то что предписывалось вовлечь в культурную работу все культурные силы, которые имелись на селе (сельскохозяйственные специалисты, медицинские и ветеринарные врачи, комсомольцы и юные пионеры и др.) [11], важную роль в культурном строительстве играло учительство. Придавалось особое значение роли культурного работника, поэтому требовалось создать необходимые условия не только профессионального, но и жилищно-бытового уровня.

Междисциплинарный подход к исследованию процесса культурного строительства в период становления позволил выявить, что с 1920-х гг. жилищная политика стала приобретать системный и ярко выраженный социальный характер. Первичными мерами послужило уплотнение жильцов и перераспределение жилых помещений национализированного или муниципализированного домовладения. Законности действий властей придавал Декрет СНК РСФСР от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» [10]. В соответствии с актом, право на дополнительное помещение получили учителя и научные работники. Процедура

предусматривала регистрацию данных лиц, которые нуждались в жилище, в Центральной Комиссии по улучшению быта учёных или в её местных органах – комиссиях по улучшению быта учёных, работников просвещения или культуры. К середине 1920-х гг. круг лиц, подпадавших под льготы, был расширен народными и заслуженными артистами, деятелями искусства и др.

Одной из льгот было выделение дополнительной жилой площади сверх установленной общей нормы в виде отдельной комнаты в размере 10 квадратных метров. Для данной категории лиц органам власти запрещалось изымать «излишки жилья». Вместе с тем допускалось административное выселение научных работников, писателей и композиторов из занимаемых ими помещений, но в этом случае им обязаны были предоставить другое помещение. В период 1921–1925 гг. оплата дополнительной комнаты для научных занятий осуществлялась по нормам, аналогичным тарифу квартирной платы, причитающейся с научных работников.

Вместе с тем до середины 1920-х гг. дефицит жилья не позволил решить жилищные проблемы всех категорий культработников. Без целевого жилищного строительства это невозможно было сделать.

Культурообразующие процессы на Дальнем Востоке России были тесно связаны с освоением и развитием региона. Отсюда следует, что в период становления культурной политики в регионе принятые меры были направлены на реализацию Плана ликвидации безграмотности на 1924–1925 г. [14], который предусматривал расширение сети изб-читален и ликвидационных пунктов, волостных библиотек, передвижек и других культурно-образовательных учреждений. Так, по переписи 1923 г. среди мужчин доля неграмотных составляла 52 %, женщин – 74,1 %, малых народов Севера – 98 %. На долю неграмотного населения приходилось почти 2/3 населения Дальневосточного региона (на 1 тыс. жителей приходилось 625 неграмотных).

Одновременно с ликвидацией «общей неграмотности» первостепенное значение придавалось политико-просветительной работе, поэтому решалась важная задача «всемерного укрепления изб-читален», решение которой должно было обеспечить снабжение «дешёвой книгой» и расширение обслуживания деревни передвижным кино.

В конце 1924 г. на Дальнем Востоке действовало 678 изб-читален, которые обслужили 148 460 чел., 534 ликпункта с общим количеством учащихся в 11 491 чел. [6], 83 клуба, 89 библиотек, из них 3 губернских центральных, 12 уездных центральных, 74 городских, в том числе при политпросвет учреждениях. Из 74 городских библиотек только 7-8 были самостоятельны, остальные существовали при клубах. Всего по трём губерниям (Амурской, Забайкальской, Приморской) имелось 354 красных уголка клубного типа, из них 161 на транспорте [3]. Кроме того, действовали пять постоянных кинотеатров, 35 киноустановок в рабочих, городских и железнодорожных клубах, 10 кинопередвижек в сельской местности [4].

Ежегодно пополнялись ряды культработников и учителей. К началу 1925 г. в регионе числилось 5368 педагогических работников массовых учреждений. Из них в городах было 2916 чел. (54,3 %), в сельских местностях – 2452 чел. (45,7 %) [25]. Знаковой фигурой в культурном секторе просвещения этого периода являлся учитель. Он обязан был обладать не только необходимыми знаниями по новой методике обучения и быть политически грамотным, но также владеть необходимым минимумом сведений политического характера, т.е. быть всесторонне развитым представителем новой интеллигенции культурно-политической сферы.

Таким образом, период с 1917 по 1925 гг. ознаменовался как годы становления правового обеспечения культурного дела в России и создания сети культурно-просветительных организаций в новых условиях. Центром внимания власти являлась школа, которой предстояло обеспечить условия населению в повышении его культурно-хозяйственного быта. Власть вынуждена была, прежде всего, решать вопросы по ликвидации неграмотности среди городского и сельского населения одновременно. Комплекс принятых в этот период мер заложил основу для дальнейшего культурного строительства на функционально-отраслевых принципах. Правовые и организационные меры советской власти подготовили базу для выработки государственной культурной политики с учётом идеологии.



ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-719. Оп. 6. Д. 3. Л. 147.
2. ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 6. Д. 3. Л. 128, 137.
3. ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.
4. ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.
5. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны / Б. И. Мухачев (отв. ред.). – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 630 с.
6. Из доклада зав. ДальОНО М. П. Малышева на заседании Дальревкома о состоянии народного образования и политпросвещения в ДВО (17.10.1924 г.) // ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 332. Л. 39, 39а.
7. Инструкция по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства: Постановление Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР от 19 июня 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 72. – Ст. 699.
8. Культурное строительство на Дальнем Востоке. 1917-1941: документы и материалы / сост. Л. П. Блещавенко и др. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 495 с.
9. О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения и социалистической культуры: Декрет СНК РСФСР от 09 мая 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 45. – Ст. 225.
10. О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения: Декрет СНК РСФСР от 25 мая 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – № 52. – Ст. 227.
11. О мероприятиях по народному просвещению: Постановление ВЦИК от 15 октября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1924. – № 87. – Ст. 875.
12. О порядке пере выборов волостных и сельских Советов: Постановление ВЦИК от 02 декабря 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 86. – Ст. 901.
13. О правах и обязанностях Советов: Инструкция СНК РСФСР от 24 декабря 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 12. – Ст. 180.
14. О проведении культурно-просветительной работы в деревне: Декрет ВЦИК от 18 сентября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1924. – № 83. – Ст. 831.
15. О радиостанциях специального назначения: Постановление СНК СССР от 04 июля 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. – 1923. – № 5. – Ст. 116.
16. О сельских советах (положение): Декрет ВЦИК от 15 февраля 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – № 11. – Ст. 68.
17. О школах национальных меньшинств: Постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 80. – Ст. 835.
18. О частных приёмных радиостанциях: Постановление СНК СССР от 28 июля 1924 г. // Собрание законов СССР. – 1924. – № 3. – Ст. 40.
19. Об еженедельном понедельничном отдыхе и праздничных днях работников зрелищных предприятий: Постановление НКТ РСФСР от 03 сентября 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 44. – Ст. 434.
20. Об ознаменовании дня 8 марта 1924 г. мероприятиями в отношении работниц и крестьянок: Постановление ЦИК СССР от 29 февраля 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1924. – № 42. – Ст. 388.
21. Об организации дела внешкольного образования в РСФСР: Постановление Наркомпроса РСФСР от 04 июня 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 21. – Ст. 267.
22. Об организации дела народного образования в Российской Республике: Декрет СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 46. – Ст. 551.
23. Об учёте сценических и театральных работников: Постановление СТО РСФСР от 07 апреля 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 18. – Ст. 198.
24. Об учреждении Государственной комиссии по просвещению: декрет СНК РСФСР, Наркомпроса РСФСР, утв. ВЦИК 09 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 3. – Ст. 32.
25. Отчётный доклад председателя Дальревкома Яна Гамарника от 17.03.1926 г. «О трёхлетней деятельности Дальревкома» // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 14. Л. 5, 5об.
26. Положение о Государственном издательстве: Декрет СНК РСФСР от 02 июля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 63. – Ст. 617.
27. Положение о сельскохозяйственных обществах: Декрет ВЦИК от 22 августа 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 72. – Ст. 710.
28. Положение о совместительстве: Декрет СНК РСФСР от 22 сентября 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 67. – Ст. 515.
29. Ярославцева, Т. А. Государственное регулирование семейно-брачных отношений: история и современность: монография / Т. А. Ярославцева, Л. И. Берестова, А. В. Дробница. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2016. – 191 с.

Ярославцев А. В., Ярославцева Т. А.
A. V. Yaroslavtsev, T. A. Yaroslavtseva

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
СОЦИАЛЬНОЙ И ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (1917–1941 ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**NATIONAL CULTURAL POLICY BEING A PART OF RUSSIAN SOCIAL AND HOUSING
POLITICS (1917-1941): A HISTORICAL ASPECT**

Ярославцев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, документоведения и архивоведения Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(4212)56-33-75. E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Alexander V. Yaroslavtsev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Departments of Library and Information Activities, Documentation and Archival Science, Khabarovsk State Institute of Cultural Sciences (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk, Krasnorechenskaya str., 112; tel. +7(4212)56-33-75. E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680026, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15; тел. +8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Tatyana A. Yaroslavtseva – Doctor of History, Professor, Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Home Ministry Law Institute of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 680026, Khabarovsk, Kazarmenny per., 15; tel. +8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Аннотация. В работе авторы рассматривают становление и развитие историографии государственной культурной политики, анализируют основные методологические подходы к исследованию исторической динамики системы культурного строительства на Дальнем Востоке. В работе применены структурный, функциональный и междисциплинарный подходы для изучения культурного строительства и жилищных условий для культурработников в конкретный социально-исторический период. Историографические работы по данной тематике, особенно в освещении дальневосточной регионалистики, являются обзорными и крайне редки. Анализ трудов, посвящённых советскому периоду, когда государство было способно влиять на различные сферы жизнеобеспечения человека, в том числе на сферу его культурного развития, свидетельствует, что тематика по обеспечению жильём культурработников должна стать объектом исторических исследований с учётом экономических, социально-философских, политологических процессов в обществе. Авторами выделены особенности периодизации исследований культурообразующих процессов в стране, в том числе на Дальнем Востоке.

Summary. The study surveys historiography of the Russian national cultural policy and identifies basic approaches of cultural infrastructure's investigation in the Russian Far East. The study applies structural, functional and multidisciplinary approaches to feature cultural infrastructure and housing facilities for cultural mediators in a particular historical period. Discussions regarding the topic, especially surveying the Russian Far East, have never dominated research. The study thoroughly explores prior research on soviet politics having been able to affect all spheres of citizens' life including cultural awareness. The exploration resulted in the idea that the problem of housing facilities for cultural mediators needs clarifying from various angles (economic, social and political). The study also defines phases in periods of national cultural policy including the Russian Far East.

Ключевые слова: культурное строительство, культурная революция, культурная политика, жилищная политика, жилищные условия культурработников, междисциплинарный подход.

Key words: cultural infrastructure, cultural revolution, cultural policy, housing policy, housing facilities for cultural mediators, multidisciplinary approach.

УДК 94(470+571)«1917/1941»:321.01

Одной из наиболее разработанных научных проблем в отечественной историографии является культурная политика СССР в период с 1917 по 1941 гг. Вместе с тем культурное строительство тесно связано с созданием социально-бытовых и жилищных условий для культработников в конкретный социально-исторический период. Ввиду этого анализ историографии имеет значение для выявления и осмысления обозначенной научной проблемы. Историографию развития культуры исследуемого периода можно условно разделить на следующие этапы: 1917–1991 гг. (советский) и 1992–2021 гг. (постсоветский).

На первом этапе труды исследователей опирались на обширную теоретическую базу марксизма и работы В. И. Ленина с учётом политической идеологии. С 1923 г. стал активно использоваться термин «культурная революция», которая была «одной из задач строительства социализма, достижения всеобщей грамотности населения, создания кадров народной интеллигенции, развития науки» [17, 19].

В 20-е гг. XX в. работы российских теоретиков (Н. М. Керценцева, А. Залевского, В. В. Тихонович, П. Н. Григорьева, В. Базарова, А. А. Петрова, Ф. И. Калинина и др.) содержали пропагандистский характер культурного строительства и имели недостатки в аналитической части. Л. Авербах, А. Деборин, П. Керженцев и другие учёные анализировали культурно-идеологическую деятельность Советской власти [1; 2; 9; 15].

Историография в 1930-х гг. пополнилась трудами историков, которые рассматривали отдельные аспекты культурного строительства (Н. К. Крупская, П. Юдин, Н. Булатов и др.). В работах авторов содержалась критика взглядов классиков марксизма-ленинизма о культуре. По мнению В. М. Лобанова, «партийный курс, мягкий и нежизнеспособный» [19]. П. И. Лебедев считал, что формалистический подход при «остроте классово-борьбы, развернувшейся в постреволюционном искусстве в 1918-1921 гг.» не решал проблемы художественной культуры того периода [16, 72]. Для научных работ этого периода характерно более широкое использование данных статистики.

В 1940-х гг. историографию расширили труды авторов, которые отражали события, направленные на преодоление тяжёлых социокультурных последствий гражданской войны (И. С. Смирнов, К. Абросенко, Е. Н. Городецкий, М. П. Ким и др.), посвящённые 30-летию Октябрьской революции (И. М. Богданов, Е. Н. Медынский, И. С. Смирнов). По мнению К. Амбросенко, в исследованиях этого периода вопросы просвещения и искусства «практически не поднимались» [5; 25], в них преобладали темы, которые отражали роль интеллигенции и науки в обществе.

В 1950-х гг. изменилось отношение к творческой интеллигенции, которую стали упрекать в том, что она в период с октября 1917 по лето 1918 гг. «вела культуру к вырождению». Например, в работе И. С. Смирнова дореволюционная художественная культура была охарактеризована как «пессимистическая», «упадническая» [27, 182]. Под влиянием перемен в общественно-политической жизни страны отдельные авторы переосмыслили «вектор культурного развития Советской России». К таким авторам можно отнести И. С. Смирнова и Г. Г. Карпова [14; 27].

Дальнейшее развитие историографии связано с исследованиями государственной школьной политики (М. П. Ким, И. З. Каганович, Ф. Ф. Королев, А. В. Луначарский, З. И. Равкин и др.). Несмотря на то что работы данного периода носили общетеоретический характер, они позволяют воссоздать исторический фон для региональных исследований. Для научных трудов было характерным введение в оборот обширного фактического материала, составляющего значительную часть современного историографического фонда. В этот период формируется методология исследования основных направлений культурного строительства.

В конце 1960-х гг. термин «культурная политика» вошёл в научный оборот в исследованиях отечественных авторов. Однако в государстве разрабатывались отдельные концепции становления и развития советской культуры, что обусловило на практике использование словосочетания «культурное строительство». Отечественную историографию культурного строительства пополнил ряд теоретических исследований (М. П. Ким, В. В. Украинцев, В. В. Горбунов, М. Т. Иовчук, Л. Н. Ко-

ган и др.). По мнению отдельных авторов, под «культурным строительством» предлагалось понимать «многогранное планомерное и целенаправленное воздействие на всю сферу духовной жизни, при котором идейность подкрепляется соответствующей системой организационных мероприятий» [11, 62].

Предметом исследований 1970-х гг. становятся аспекты культурного строительства, например, связанные с идеей «культурной революции», деятельностью творческих союзов, ленинской «концепцией пролетарской культуры» (Г. Г. Карпов, П. И. Кабанов, В. В. Горбунов и др.). Важный вклад в историографию советской культуры внесли видные советские учёные: А. И. Арнольдов, Г. Г. Карпов, В. В. Горбунов, М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган, Ю. А. Лукин, Ю. В. Бромлей, В. А. Куманев и др. Авторы посвятили свои исследования опыту деятельности культурно-просветительных учреждений, роли коммунистической партии в области культурного строительства.

Историография 1980-х гг. на фоне политических перемен дополнилась целевыми трудами. Так, ценным вкладом является историографическая работа Л. М. Зака, вышедшая в 1981 г. [12]. Автор обобщил труды советских историков, изучавших ленинскую концепцию культуры и историю развития народного образования. Через год историография пополнилась работой Е. Н. Городецкого, раскрывавшего отдельные аспекты историографии советской культуры [8]. Внимание историков (С. Н. Мостового, М. А. Семичаевского, Д. В. Ярош и др.) привлекали проблемы «партийного руководства» различными областями культурной сферы.

Научные работы этого периода более свободны от идеологической направленности исследований. Под влиянием изменений в обществе с 1985 г. значительно расширилась не только источниковая база, но и появились новые методологические подходы. Так, авторы Л. В. Иванов, С. А. Федюкин, Э. С. Рахматуллин, В. Л. Соскин, Л. Н. Коган критиковали политику государства с позиции «морально-нравственной культуры». Основной акцент исследований был сделан на «народ как субъект культурного строительства». Так, в трудах отдельных авторов исследовался ход формирования социалистической интеллигенции, создания «нового типа культуры», но обосновывалось это тем, что «повышение культурного уровня советского народа связано с коммунистической идеологией» (В. Т. Ермаков) [10, 310]. Концептуальные подходы к исследованию сохранили традиции официальной советской историографии. Значительная часть литературы 1980-х гг. была посвящена проблемам взаимоотношений власти и интеллигенции.

В работах обозначенных авторов, рассматривавших проблемы культурного строительства в период с 1917 по 1941 гг., социально-бытовые и жилищные условия работников культуры не были приоритетными.

Постсоветский этап условно разделим на два периода 1990-е – 2000 гг. и 2001 – 2020 гг. Принципиальные изменения в посткоммунистической идеологии, связанные с распадом Советского Союза в 1991 г., проводимыми реформами во всех сферах жизни общества, явились предпосылкой к появлению повышенного интереса к советскому опыту культурного строительства.

Труды *первого периода* (1990-е – 2000 гг.) расширяют и углубляют историографию по данной проблематике и вызывают особый интерес исследователей. Это обусловлено новыми подходами к оценке политики государства в области культуры и роли интеллигенции.

Ряд историков выдвигал предположения о том, что сотрудничество интеллигенции с новой властью произошло «из-за отсутствия альтернативности» (В. Л. Соскин, И. Е. Казанин). Однако часть авторов придавала особое значение формируемым советским ценностям, политическим идеалам нового порядка (Ю. Н. Якименко) [29, 7].

Взаимоотношения власти и старой интеллигенции, построенные на основе «необходимости в передаче богатейших знаний и умений» (И. В. Купцова, Л. С. Михайлова и др.), идеологизация культуры, создание новых культурных образцов и форм являлись предметом исследований в работах 1990-х гг. Данная тематика изучалась не только отечественными исследователями (Т. Белова, Р. Б. Вендеровская, Т. Т. Киселева, Ю. А. Стрельцов, Е. Ю. Стрельцова, Т. П. Кожихина, Т. Ю. Красовицкая, Е. И. Розанов и др.), но и за рубежом. В работах Р. Уильямса и К. Грей [32; 35] отражалась критическая оценка взглядов отдельных лидеров большевистской партии на культурную политику. По мнению К. Аймермахер, «большевики использовали в своей политике не только



репрессивные меры, но умело использовали ту острую борьбу, которая велась между различными творческими группировками» [3; 4]. В свою очередь, Т. Коннор выделил Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина в качестве «творцов» культурной политики, получившей развитие в годы советской власти [33; 34].

Для публикаций конца 1990-х гг. характерна переоценка сущности и достижений советской системы управления в сферах образования и культуры (Д. Волкогонов, Л. А. Смирнова, В. П. Макаренко, А. С. Ципко и др.). Характерной чертой большинства работ постсоветского периода (С. А. Галин, М. Капустин, Т. Белова, А. Артюнов, В. Мельниченко, Ю. Н. Жуков, О. И. Митяева, А. Г. Латышев, Т. Т. Киселева, Ю. А. Стрельцов и др.) было осуждение партийно-государственного контроля над сферой культуры. Вместе с тем была и другая точка зрения. Так, показывая историю культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925), С. А. Галин отмечал, что в годы становления новой власти политика в сфере культуры была «новаторская и по-революционному смелая». По его мнению, это способствовало «более полному и глубокому освоению духовной и материальной культуры, активному приобщению народа к художественному творчеству» [7, 136].

Для *второго периода* (2001 – 2020 гг.) характерны работы, авторы которых изучали уже целевую государственную «культурную политику» (Г. А. Неподобная, Е. А. Левшина, В. С. Жидков, К. Б. Соколов и др.). По мнению Е. А. Левшиной, это «способ согласования» интересов участников культурного процесса (художник, публика, общество и государство). В отличие от Е. А. Левшиной, В. С. Жидков и К. Б. Соколов под культурной политикой понимали «специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни». Как видим, среди учёных отмечались разные подходы к смысловому толкованию понятий «культурная политика», культурное строительство, что отражалось на характеристике научных исследований по истории развития культурного наследия.

В начале XXI в. усилилось внимание исследователей к необходимости сохранения культурного наследия. Данный интерес был обусловлен тем, что «культура советского периода многими современными исследователями вообще исключается из состава культурного наследия» [28, 14]. Вопросам преемственности в культурной сфере были посвящены многие работы авторов, но более объективная оценка взаимоотношений власти и культуры в советский период содержится в работе И. Е. Казанина [13].

Существенный вклад в историографию обозначенной проблемы внесли исследования М. Г. Мееровича, посвящённые социально-культурным основам осуществления государственной жилищной политики в РСФСР в 1917–1941 гг. Автор отмечал, что в период 1921–1925 гг. «по отношению к неработающим социально близким элементам жилищная политика применялась преимущественно с воспитательными мерами» [22, 170–171; 23].

Особым вкладом в историографию в современной отечественной науке в области культурной политики является работа В. В. Новосельской, которая рассматривает «культурную политику как многоуровневую» [24, 50]. Данный подход позволяет современным авторам учитывать стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г. [26]. Стратегия способствует осмыслению особенностей исторического процесса развития культурного строительства в период с 1917 по 1941 гг. в России и на Дальнем Востоке.

Для *региональной историографии* культурного строительства на Дальнем Востоке характерны более поздние сроки развития. В конце 1950-х – 1960-е гг. появились первые работы по этой теме, которая была неразрывно связана с историей народного просвещения на Дальнем Востоке, ролью партийных и советских органов (Е. Н. Половинчук, Э. Г. Бенсман, Л. П. Курочкина, М. С. Кузнецов и др.). В 1970 – 1980-е гг. в работах региональных исследователей (М. С. Кузнецов, А. И. Крушанов, Г. Ф. Севильгаев, В. Л. Соскин и др.) широко использовался архивный материал по истории развития региона в период 1917–1941 гг.

В постсоветском периоде появилась первая обобщающая работа по историографии культурного строительства С. Б. Белоглазовой. По её мнению, «при изучении вопросов культурного строительства наличествовал односторонний подход, отразившийся в приоритетном изучении ис-

тории культурного строительства по количественным показателям, иллюстрирующим рост учреждений культуры, в обобщении только положительного опыта» [6, 5].

В работе С. Б. Белоглазовой обозначены *исследователи народного образования* (Г. Ф. Севильгаев, Н. А. Авдеева, Е. Н. Половинчук, Л. П. Курочкина, Б. А. Больбух и др.), *библиотечного, музейного, клубного дела* и других учреждений культполитпросвета (А. А. Хисамутдинова, Д. Х. Рассказова, М. Н. Ахметова, В. Н. Фомина), *художественной культуры* (С. Ф. Крившенко, В. Г. Пузырев, Л. Я. Иващенко, Д. А. Рачков и др.), *изобразительного искусства* (В. И. Кандыба, Н. В. Кочешков, В. Г. Старикова), *музыкальной культуры Дальнего Востока* (Л. Р. Шаванда, Л. А. Зойман), *книгоиздательского дела* (С. А. Найчадзе), *партийного руководства культурой* (М. С. Кузнецов), труды которых восполнили часть пробелов отраслевой историографии. По мнению С. Б. Белоглазовой, в Хабаровском крае *историю культурного строительства* изучала Э. Г. Бенсман, в Приморском крае – С. Л. Иванов. Проблему культурного строительства первых месяцев Советской власти разрабатывал А. И. Крушанов. С. Б. Белоглазова отметила, что «при узкоотраслевом подходе перед исследователями стояли иные задачи, нежели рассмотрение общих тенденций культурно-исторического процесса, содержания культурной политики государства» [6, 4].

В отличие от ряда авторов, изучавших отдельные аспекты культурного строительства и его этапы, С. Б. Белоглазова изменила односторонний подход в исследовании, провела и количественный, и качественный анализ процесса культурного строительства всего довоенного периода. Ценность работы С. Б. Белоглазовой в том, что автор предложила периодизацию исследования культурной политики.

В 2000-х гг. рядом исследователей уделено особое внимание отдельным направлениям государственной политики. Например, развитию просвещения на Дальнем Востоке посвятили работы О. И. Шестак, Н. Г. Кулинич, С. В. Литвинова, В. Г. Макаренко и др. Так, В. Г. Макаренко предложил периодизацию истории высшего образования, выявил особенность российского образования на линии КВЖД [20; 21]. С одной стороны, традиционными темами исследований остаются отдельные аспекты инфраструктуры культуры городов Дальнего Востока, а с другой стороны, исследователи возвращаются к проблемам духовно-культурного просвещения. Так, А. М. Лесовиченко отмечает, что «заложенные в 20-е годы пролеткультовские традиции дают о себе знать до сих пор». По мнению А. М. Лесовиченко, «достижение согласия в обществе невозможно без преодоления культурного конфликта, затеянного революционерами сто лет назад» [18, 32].

Отметим, что в первом десятилетии XXI в. для региональной историографии характерно пополнение трудов по изучению культурной проблематики. Этому способствовало открытие архивных источников. Массив историографии по настоящей тематике достаточно разнообразный. Вместе с тем в исторической науке нет единой картины развития Дальнего Востока, отражающей ход культурного строительства и значение жилищных условий для кулработников.

История формирования порядка обеспечения жильём кулработников как части единой жилищной политики на Дальнем Востоке России долгий период не являлась предметом специального исторического исследования. Система органов государственной власти и управления в жилищной сфере как объект исследования привлекала прежде всего учёных и специалистов, анализировавших основные аспекты жилищного строительства на основе концептуального подхода, имевшего отраслевой характер. Однако неоправданно ограничивать жилищную сферу лишь повседневными делами органов власти и ведомственных организаций по строительству жилищного фонда. Несмотря на то что в трудах неравномерно исследованы жилищно-бытовые условия для формирования потенциала творческой интеллигенции и факторы, влиявшие на этот процесс, работы многих авторов являются важными для раскрытия культурного строительства на региональном уровне. Базовыми для выявления особенностей обеспечения кулработников жильём являются работы ряда авторов (А. В. Ярославцев, Т. А. Ярославцева) [30; 31], которые использовали комплексный и междисциплинарный подходы, системный, сравнительный, социологический, статистический и другие методы для раскрытия процесса реализации государственной жилищной политики на Дальнем Востоке в советский период.



Создание жилищно-бытовых условий для населения, в том числе культуротников, является стержневым, т. к. обеспеченность кадрами всех региональных сфер хозяйства напрямую зависит от молодого поколения, большая часть которого стремится покинуть Дальний Восток из-за жилищных проблем.

Таким образом, при всём многообразии подходов и взглядов исследователей культурной политики авторы используют структурный подход к изучению культурного строительства, который даёт возможность выделения по типовым признакам процесса культурного пространства. Однако он не создаёт полной картины происходящих изменений в сфере жилищно-бытового обеспечения культуротников. Использование дисциплинарного подхода в дополнение к структурному позволяет изучить культурообразуемые процессы, но ограничивает рамки изучаемого явления, сужает их до отраслевого характера. Применение функционального подхода позволяет выделить особенности культурной инфраструктуры, наиболее видные позиции исследователей, но не позволяет показать государственную политику в единстве культурной и жилищной политики. Поэтому наиболее адекватным для интерпретации проблемы будет являться междисциплинарный подход, который в исторической науке позволяет раскрыть объективно в полной мере и всесторонне процесс реализации государственной культурной политики как части социальной и жилищной политики в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербах, Л. Л. На путях культурной революции / Л. Л. Авербах. – М.: Московский рабочий, 1929. – 200 с.
2. Авербах, Л. Л. Спорные вопросы культурной революции / Л. Л. Авербах. – М.: Моск. област. отд-ние Госиздата РСФСР Московский рабочий, 1929. – 217 с.
3. Аймермахер, К. В тисках идеологии: антол. лит.-полит. документов, 1917–1971 / К. Аймермахер. – М.: Кн. палата, 1992. – 511 с.
4. Аймермахер, К. Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917-1932 / К. Аймермахер. – М.: АИРО-XX, 1998. – 204 с.
5. Амбросенко, К. Советская социалистическая культура – самая передовая культура в мире / К. Амбросенко. – М.: Госполитиздат, 1951. – 64 с.
6. Белоглазова, С. Б. История культурного строительства на юге Дальнего Востока СССР. 1917-1941 гг. Очерки истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Белоглазова Светлана Борисовна. – Владивосток, 1992. – 21 с.
7. Галин, С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925) / С. А. Галин. – М.: Высш. школа, 1990. – 142 с.
8. Городецкий, Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930 – 1960-е гг.: очерки / Е. Н. Городецкий. – М.: Наука, 1982. – 384 с.
9. Деборин, А. Марксизм и культура / А. Деборин // Революция и культура. – 1927. – № 1. – С. 8-216.
10. Ермаков, В. Т. Дискуссия конца 50-60-х годов о культурной революции в СССР / В. Т. Ермаков // Советская культура. 70 лет развития / Б. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1987. – С. 310-321.
11. Жидков, В. С. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 663 с.
12. Зак, Л. М. История изучения советской культуры / Л. М. Зак. – М.: Высш. школа, 1981. – 176 с.
13. Казанин, И. Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие / И. Е. Казанин. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 264 с.
14. Карпов, Г. Г. О советской культуре и культурной революции в СССР / Г. Г. Карпов. – М.: Госкультпросветиздат, 1954. – 244 с.
15. Керженцев, П. Человек новой эпохи / П. Керженцев // Революция и культура. – 1927. – № 3-4. – С. 17-20.
16. Лебедев, П. И. Советское искусство в период военной интервенции / П. И. Лебедев. – М.: Искусство, 1938. – С. 72-133.
17. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. Март 1922-1923 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – 729 с.
18. Лесовиченко, А. М. «Культурная революция» в СССР и её последствия / А. М. Лесовиченко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № 1-2 (29). – С. 30-32.

19. Лобанов, В. М. Художественные группировки за последние 25 лет / В. М. Лобанов. – М.: Худ. изд-ское акц. о-во АХР, 1930. – 148 с.
20. Макаренко, В. Г. История высшего образования на Дальнем Востоке России: проблема периодизации / В. Г. Макаренко // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – 2006. – Т. 13. – С. 30–43.
21. Макаренко, В. Г. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. / В. Г. Макаренко // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке: сб. науч. статей. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2009. – С. 238–244.
22. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) / М. Г. Меерович. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
23. Меерович, М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР: 1917–1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01 / Меерович Марк Григорьевич. – Иркутск, 2004. – 659 с.
24. Новосельская, В. В. Культурная политика национального государства в контексте современного социально-исторического развития: сущностные характеристики / В. В. Новосельская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № 1-2 (33). – С. 49–56.
25. О советской социалистической культуре: сб. статей. – М.: Госполитиздат, 1948. – 372 с.
26. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 сентября 2016 г. № 326-р // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 11. – Ст. 1552.
27. Смирнов, И. С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти (октябрь 1917 – лето 1918 гг.) / И. С. Смирнов. – М.: Госполитиздат, 1952. – 256 с.
28. Челышев, Е. П. Художественная культура семидесятых годов как научная проблема / Е. П. Челышев // Художественная жизнь России 1970-х гг. как системное целое. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 10–18.
29. Якименко, Ю. Н. Академия художественных наук в контексте культурной политики (1921–1929): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Якименко Юлия Николаевна. – М., 2007. – 25 с.
30. Ярославцев, А. В. Обеспечение работников культуры жильём в 20–30-е гг. XX в. / А. В. Ярославцев // Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». – Хабаровск: ООО «Амурпринт», 2020. – С. 234–243.
31. Ярославцева, Т. А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России: 1917–1993 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ярославцева Татьяна Александровна. – М., 2014. – 590 с.
32. Grey C. The Russian Experiment in Art 1863–1922. N.Y., 1991. – 296 p.
33. Laing D. The Marxist theory of Art. Sussex, 1978. – 162 p.
34. O'Connor T. The politics of soviet culture. Anatoly Lunacharsky. Ann. Arbor. 1983. – 193 p.
35. Williams R. Russia Art and American Money. London: Harvard, 1980. – 309 p.

ИСТОРИЯ HISTORY

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

«МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СЧИТАЛО, ЧТО НИКАКИЕ ДЕЙСТВИЯ НЕВОЗМОЖНЫ...»: СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ

«THE FOREIGN OFFICE WERE OF OPINION THAT NO ACTION WAS POSSIBLE...»: SOVIET-BRITISH RELATIONS IN 1930S

Блинцов Дмитрий Александрович – старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ливадийского дворца-музея (Россия, Ялта); тел.+7(978)015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Dmitry A. Blintsov – Senior Researcher of the Scientific-Exposition, Department of the State Autonomy Institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russia, Yalta); tel: +7(978)015-38-60. E-mail:d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В своей работе автор исследует специфику взаимоотношений между Советским Союзом и Великобританией и анализирует особенности развития советско-английских отношений в предвоенный период, в 1930-е гг., в контексте развития военных и военно-технических связей. В таком аспекте тематика двусторонних отношений практически не рассматривалась, как и некоторые детали, связанные с деятельностью аппарата военных атташе в двух странах, что представляет несомненный интерес. В рамках публикации автор рассматривает влияние международных факторов на процесс принятия решений по активизации контактов дипломатическими ведомствами СССР и Великобритании в условиях динамично меняющейся обстановки и в Европе, и в мире. Советская сторона демонстрировала неприкрытый интерес к проблеме военного строительства Великобритании и хотела активизировать взаимодействие с ней в военно-технической сфере. Дан анализ роли и значения деятельности аппарата военных атташе в деле развития отечественной военной научной мысли и оборонного комплекса. Показана деятельность аппарата советского военного атташе в Великобритании в предвоенный период как инструмента по выявлению и получению важной информации военного, политического и экономического характера.

Summary. The author examines the specific character of relations between the Soviet Union and Great Britain, and analyzes features of the development of Soviet-British relations in the pre-war periods in the context of the development of military and military-technical ties. In this context, the topic of bilateral relations was practically not considered, as well as some details related to the activities of the military attaché office in the 2 countries, which is of undoubted interest. Within the article, the author examines the influence of international factors on the decision-making process to enhance contacts of USSR and the UK diplomatic departments, in a rapidly changing situation both in Europe and in the world. The Soviet side showed undisguised interest in the problem of military construction of Great Britain and wanted to establish cooperation with it in the military-technical sphere. The article analyzes the role and significance of the activities of the military attaché apparatus in the development of the national military scientific thought and the defense complex. The article shows the activities of the Soviet military attaché office in the UK in the pre-war period, as a implement for identifying and obtaining important information of a military, political and economic nature.

Ключевые слова: разведка, атташе, советско-английские отношения, СССР, предвоенный период, Великобритания, дипломатия.

Key words: intelligence, attaché, Soviet-British relations, Soviet Union, pre-war period, United Kingdom, diplomacy.

УДК 327.821

Взаимоотношения между Советским Союзом и Великобританией всегда были предметом тщательного изучения специалистов и исследователей. Причём особый интерес до сих пор сохраняется к предвоенному периоду, или, как его стали теперь называть, интербеллуму. В этом случае довольно важными выглядят в контексте политических отношений в период 1930-х гг. военный

фактор и его производные, в том числе развитие военно-технического сотрудничества (ВТС) между нашими странами, роль и место военной разведки и аппаратов военных атташе в деле развития межгосударственных отношений и формирования внешнеполитического курса двух стран, а также получения закрытой военной, экономической и технической информации. Говоря о советском интересе в сфере развития двусторонних контактов, в том числе и сфере ВТС, стоит отметить, что одним из крупнейших производителей автобронетанковой техники (АБТТ) в 1920-х – начале 1930-х гг. являлась Великобритания и её фирма «Виккерс-Армстронг». Естественно, что зарубежный передовой опыт не мог быть обойдён вниманием и советской стороной, которая внимательно отслеживала изменения в сфере производства и развития вооружений и военной техники. Специально созданная решением Совета труда и обороны (СТО) комиссия по танко-тракторостроению предложила «немедленно изыскать способы закупки за границей последних образцов танков. Привлечь во что бы то ни стало в конструкторские бюро иностранных специалистов по танкостроению» [7, 53]. После получения санкции высшего военно-политического руководства страны началась работа по реализации ВТС с Великобританией в указанный период как составной части развития двусторонних связей, а также ведения активной научно-технической разведки, говоря современным языком. Был очерчен широкий круг задач для советских военных и технических специалистов, направленный на изучение материально-технической базы вооружённых сил Великобритании. Пристальное внимание было обращено на состояние Королевского танкового корпуса, методы применения танков англичанами, а также технологии производства бронетехники и возможностей британской тяжёлой промышленности [8, 67].

Важное внимание советская сторона уделяла и авиационной промышленности Великобритании, и другим отраслям её военно-промышленного комплекса. Это один из примеров того, какую важную роль для нас играли зарубежный опыт и реализация военно-технического сотрудничества, даже с учётом существовавших тогда запретов и ограничений. В конечном итоге после прорыва дипломатической блокады в 1920-е гг. в отношении Советской республики руководство Разведупра с радостью ухватилось за возможность организовать легальные зарубежные резидентуры, и всё более существенную роль в разведывательной работе Разведупра стали играть аппараты военных атташе. Так, к 1930 г. аппараты военного (ВАТ) и военно-морского (ВМАТ) атташе уже были в ряде таких стран, как Финляндия, Швеция, Прибалтика (один аппарат ВАТ на Латвию, Литву и Эстонию), Польша, Германия, Италия и некоторые другие [1, 131].

В такой ситуации и была предпринята обеими сторонами, хотя и разными методами, попытка существенного улучшения советско-британских отношений в контексте глобальных геополитических сдвигов, начавшихся уже к середине 1930-х гг. и перевода их в прагматичное и подчёркнуто деловое русло. В рамках более полного и результативного взаимодействия между странами глава советского внешнеполитического ведомства М. Литвинов выступил с заявлением о благоприятном отношении советского правительства по поводу возможной деятельности военного атташе Великобритании в Советском Союзе, построенной на основе взаимности [16]. Правда, первоначальная попытка советской стороны получить визу для своего военного представителя командарма А. Кука и направить его в Великобританию в качестве военного атташе натолкнулась на демарш со стороны представителей военно-политических кругов Великобритании. Возможно, это было связано с деятельностью А. Кука как советского военного разведчика [3, 5-6]. Помощник министра иностранных дел Р. Ванситтарт отметил по этому вопросу в переписке с руководством британской дипмиссии в Москве, что «с нами никогда не советовались, как это принято в подобных случаях... Ваши телеграммы совершенно не соответствуют действительности. Мы определённо не хотим ни принимать, ни назначать военного атташе в этом случае. Исполняющий обязанности генерального консула совершил прискорбную и предосудительную ошибку. Действия действующего генерального консула скомпрометировали ситуацию и ослабили наши усилия в подобного рода делах. Вы должны немедленно дать понять, что, не будучи никоим образом проконсультированы относительно его назначения... [должны] попытаться отговорить власти от отправки Кука» [16].



Из вышесказанного совершенно очевидно, что весь вопрос о назначении советского военного атташе в Лондоне был предметом значительных споров как между структурами Форин Оффиса, так и между дипведомствами двух стран и отражал негативную тенденцию среди представителей британских правящих кругов по отношению к Советскому Союзу и его всё возрастающей роли в международных отношениях.

Позднее, в 1931 г., до британского посла в Москве Э. Ови (Ovey) донесли пожелание, что позиция правительства Его Величества по этому вопросу пока остаётся неизменной, о чём следует уведомить представителей НКВД СССР и избежать в дальнейшем неловкости, возникающей в такого рода делах, когда одна из сторон не желает видеть у себя представителей военного ведомства другого государства. Правда, жёсткая позиция Лондона, судя по всему, была обусловлена и процессами внешнеполитического характера. Ещё в 1932 г. в Вене были арестованы сотрудники военной разведки СССР, а в 1933 г. вспыхнул большой шпионский скандал в Финляндии. Также была вскрыта советская разведывательная сеть и во Франции. В такой ситуации дать возможность развернуть аппарат военного и морского атташе в Великобритании советским представителям значила неминуемо усилить разведывательную деятельность Советов, что, конечно же, не могло не раздражать представителей британского военно-политического руководства (ВПР). Более того, в марте 1933 г. началось дело инженеров фирмы «Виккерс-метро», которые были арестованы в СССР по обвинению в шпионаже и стали участниками крупного процесса, который вызвал переполох как в Советском Союзе, так и за его пределами. Правда, несмотря на это, парадоксальным выглядит тот факт, что уже 19 марта 1934 г., когда отзвуки скандала ещё не совсем затихли, состоялась развёрнутая консультация между заместителем Государственного секретаря по военным вопросам Д. П. Ховардом, главой Военного Совета Д. Хоггом и главой Управления военных операций и разведки генералом Дж. Диллом. Представители военных и внешнеполитических кругов Великобритании решили, что «пришло время для претворения в жизнь обоюдных назначений и что преимущества и недостатки обмена военными атташе в Лондоне и Москве должны быть получены присутствием британского атташе в Москве, что выглядит наиболее приемлемым для британской стороны, готовой смириться с присутствием советского военного атташе в Великобритании» [16]. Тем более что в Великобритании существенно возрос престиж СССР, особенно после отмены в июле 1933 г. эмбарго на закупку советских товаров. Выступления Сталина, Молотова и Литвинова с намёками на возможное сотрудничество с Лигой Наций в деле предотвращения войны произвели сильнейшее впечатление на общественное мнение Англии. Те тектонические процессы, начавшиеся на пространстве пост-версальской Европы, и прежде всего победа НСДАП с Гитлером во главе в январе 1933 г. кардинально изменили повестку дня в Европе и за её пределами. Наметилась тенденция к сближению Италии и Германии, что не могло не восприниматься в Лондоне как изменение устоявшегося баланса сил. Более того, агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии, не добавляла оптимизма при анализе текущей ситуации среди дипломатов таких государств, как Франция и Великобритания, и стала поводом для беспокойства. 18 сентября 1931 г. японская армия вторглась в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и фактически создала на Дальнем Востоке очаг напряжённости. Обострившаяся обстановка на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. выдвигала дополнительные требования к боеготовности войск и сил флота в данном регионе [5, 15]. В такой ситуации состоялось подписание соглашения о восстановлении дипотношений между СССР и Китаем, а вскоре, 29 ноября 1932 г., был подписан советско-французский договор о ненападении. Повышение экономической и оборонной мощи СССР и изменение соотношения сил на международной арене открыли перед советской стороной новые возможности как в политической, так и в экономической сферах [11, 419-420]. Это же касалось и возможного развития многосторонних военных связей и сотрудничества с зарубежными странами. Причём, очевидно, английская сторона планировала использовать тенденцию к возможному сближению между нашими странами в своей тонкой дипломатической игре.

Можно сделать вывод, что ряд британских политиков был уже более решительно настроен на смену внешнеполитического курса своей страны, считая, что в современных реалиях необходимо начать более тесные контакты между Великобританией и Советским Союзом, ввиду наме-

тившегося расширения влияния последнего в международной политике, которое было бессмысленно игнорировать. В результате летом 1934 г. был запущен стандартный механизм действий по согласованию и уточнению технических вопросов между двумя внешнеполитическими ведомствами, завершившийся назначением видного советского военачальника В. К. Путны на должность советского военного атташе в Великобритании. Возможно, такая позиция британских дипломатических кругов могла быть следствием вывода британского посла в Москве, лорда Чилстона, который отметил, что советская сторона планирует установить дипотношения с представителями Малой Антанты, что свидетельствует о её развороте на запад [14, 94]. Интересно, что линию на сближение Советского Союза с Великобританией в Форин Оффисе связывали с личностью главы НКВД М. Литвинова, тогда как К. Ворошилова – главу Наркомата обороны – рассматривали там как сторонника прогерманского курса, что является весьма показательным [13, 733]. В этой связи стоит сделать ремарку и подчеркнуть, что в составе советского военно-политического руководства «существовала группа известных дипломатов (Крестинский, Карахан и др.), считавших что политика Рапалло ещё не утратила своего значения» и делавших ставку на дальнейшее развитие прогерманского курса [11, 102].

Этот жест британской стороны в какой-то мере выглядел как попытка использовать советский фактор для давления на Германию и как эффектный метод воздействия на немцев перед лицом вероятного улучшения советско-британских отношений. Ведь те политические процессы, которые происходили на европейской и мировой политической арене, вынуждали политиков и дипломатов использовать самые хитроумные комбинации, основанные на тонкой дипломатической игре. Выход Германии из Лиги Наций фактически свидетельствовал о том, что созданная Версальская система проходит через серьёзный кризис, который может привести к её коллапсу. Дальнейшее игнорирование Советского Союза и его возможной роли в динамично меняющихся международных отношениях и связях как объективной реальности в политикуме, было чревато серьёзными осложнениями. Сближение стало не следствием чрезвычайной силы СССР, а слабостью Великобритании, которая, помня уроки Первой мировой войны, отчаянно пыталась избежать повторения её в ближайшее время. Более того, желание путём переговоров в Лиге Наций провести разоружение ряда европейских держав наталкивалось на тот факт, что советская сторона оставалась исключённой из этого важного процесса дирижирования событиями со стороны великих держав. И всё же, несмотря на довольно жёсткую позицию представителей военных и политических кругов в отношении Советского союза и развития с ним добрососедских и практических, деловых контактов, словно продолжая курс на улучшение отношений, 16 февраля 1934 г. было подписано Временное торговое соглашение между СССР и Великобританией, которое позволило наладить торгово-экономические связи и увеличить товарооборот между странами. В рамках договора активизировалась и деятельность советского Торгпредства, которая, правда, носила достаточно двойственный характер. Дело в том, что в этой связи следует выделить один очень важный момент: «7 марта 1933 г. Политбюро утвердило предложение т. Ворошилова, что позволяло НКВД отныне иметь на штатных главных образом на инженерно-технических должностях НКВД своих специалистов в торгпредствах СССР в девяти странах. Изучение ими интересующих НКВД и военную промышленность вопросов ограничилось исключительно легальными путями (разрешённые поездки на предприятия, присутствие на технических испытаниях, служебные встречи и т. д. Использование агентурных методов работы при этом категорически воспрещалось)» [6, 613]. Тем не менее это довольно часто нарушалось, и практически в структуре НКВД работали под прикрытием советские военные разведчики и представители других специальных ведомств.

Комкор Витовт Путна прибыл в Лондон в середине января 1935 г. вместе с семьёй и практически сразу приступил к планомерной работе военного атташе. Интересно, что началу работы советского военного атташе предшествовало весьма знаковое выступление премьер-министра Великобритании С. Болдуина в Палате Общин в ходе прений, где он отметил, что определяет общее количество боевых самолётов в Германии в 600-1000 машин. Последняя цифра совпадает с цифрой (1100 машин), заявленной французским правительством во французском парламенте. Отметив необходимость строгого различия между общим количеством машин и количеством перволиней-



ных машин, Болдуин указал последнюю цифру для регулярных частей английских военно-воздушных сил в 880 машин, из них 560 в Соединённом королевстве... Предположено сформировать в 1935 и 1936 гг. 22 эскадрильи для обороны Королевства и сверх того 3 эскадрильи для воздушного флота, составляющего нераздельную часть королевских воздушных сил. Эти 25 эскадрилий будут созданы в дополнение к уже формирующимся в этом году 4 эскадрильям. Это значит, что в 1936 г. английская перволинейная авиация будет усилена на 300 самолётов. Что касается личного состава, то уже открыта дополнительно одна лётная школа, а в апреле будет открыта ещё одна [4, 111]. Таким образом, военно-политическое руководство Великобритании дало отмашку на процесс укрупнения своих военно-воздушных сил, рассматривая их наряду с военно-морским флотом как ключевой элемент для реализации своего политического доминирования в мире и в Европе.

Уже в феврале 1935 г. советский военный атташе сделал ряд запросов в Военное министерство Великобритании на возможность ознакомления с информацией относительно мотомеханизированных частей, организации противовоздушной обороны (ПВО), а также организации тренировочного процесса в частях британской армии. Позднее советский военный атташе запросил британскую сторону организовать для него посещение штабного коллежа в Кимберли, графство Суррей, где проходили обучение многие выдающиеся представители британских вооружённых сил. Фактически это был наш аналог Академии Генерального Штаба. Весной 1935 г. советская сторона через своего атташе настойчиво добивалась возможности визита в части Королевского бронетанкового корпуса, прежде всего в учебный центр в Пэрхэм-дауне, а также посещения танковой бригады (нового формирования, которое стало следствием внутренней борьбы военных теоретиков и военных внутри оборонного ведомства Великобритании) и танкового батальона Южного командования метрополии. «С нашей точки зрения, чем больше будет позволено увидеть Путне механизированных частей, тем лучше, так как нет никаких сомнений в том, что полковник Скойф получит ответную взаимность [со стороны русских]». Правда, в отношении лёгких танков типа Mk.V был установлен категоричный запрет со стороны Директора по механизации Военного министерства любым военным атташе на знакомство с этим экспериментальным лёгким британским танком. На весну 1935 г. в рамках поставленной задачи на изучение тактических возможностей британских вооружённых сил был сделан запрос на визит в воздушную бригаду, расквартированную в Олдершоте, которая отвечала за ПВО района. В ходе обсуждения деталей предстоящего визита советского атташе было чётко указано, что все современные типы звуковых локаторов типа Марк VII, Марк VIII и Марк IX с системами управления должны быть тщательно спрятаны от зарубежного гостя (судя по всему, гостю не хотели демонстрировать те тактические приёмы, которые с середины 1930-х гг. отрабатывались личным составом бригад ПВО и заключались в организации взаимодействия частей прожектористов, звукометрического оборудования и личного состава зенитных батарей и пулемётных расчётов, входивших в структуру ПВО охраняемого района или объекта) [9, 38-43]. В мае 1935 г. советский военный атташе запросил информацию об особенностях применяемых в британской армии тренажёров для обучения личного состава бронетанковых частей и подразделений типа RYPA (Roll, Yaw, Pitch, Alteration of Course – «крен, рыскание, тангаж, смена курса») и чертежах подвижных платформ для перевозки бронетехники [16]. Для ознакомления советского военного атташе с особенностями процесса механизации британской армии ему была передана новая книга одного из видных британских танковых теоретиков предвоенной эпохи полковника Дж. Мартеля «In the Wake of the Tank: The First Eighteen Years of Mechanization in the British Army», за творчеством которого у нас внимательно следили. Кстати, в дальнейшем результаты анализа британских танковых манёвров и новых документов, прежде всего нового полевого устава, вышедшего из печати в конце 1936 г., нашли отражение в советской военной периодической печати. Отмечалось, что танки, предназначенные для манёвренных операций (т.е. самостоятельных действий), организованы в танковые бригады, состоящие из смешанных и лёгких танковых батальонов. Танки, предназначенные для взаимодействия с пехотой, именуются «пехотными» танками и организованы в «армейские» танковые батальоны [12, 79]. Главный вывод: Великобритания продолжает процесс реорганизации своих танковых войск и отрабатывает особен-

ности взаимодействия танков и пехоты. Конечно же, советский военный атташе был вынужден присматриваться и к начавшимся контактам британских и немецких военных и дипломатов, которые готовились к подписанию англо-германского морского соглашения, которое в какой-то мере стало карт-бланшем для А. Гитлера в деле создания большого немецкого флота, что впоследствии ощутила на себе, как ни парадоксально, и британская сторона. 4 февраля 1936 г. советский посол в Великобритании И. Майский уведомил Форин Оффис о том, что в состав советского дипкорпуса на должность военно-морского атташе назначен инженер-флагман 3-го ранга Лев Анципов-Чикунский, который ранее занимал должность военно-морского атташе (ВМАТ) в Италии с 1934 г., наблюдая там за выполнением ряда советских военных заказов по линии НКВМФ [15]. Кстати, назначение советского военно-морского атташе стало отражением тенденции по увеличению количества оперативных работников зарубежных аппаратов Разведуправления из числа офицеров военно-морского флота. Уже к февралю 1937 г. число офицеров-моряков, работавших под прикрытием советских учреждений, достигло 39 человек. В семи странах – Англии, США, Италии, Швеции, Греции, Турции и Японии – имелись аппараты ВМАТ [1, 135]. Парадоксально, но факт: своей разведывательной структуры Управление Военно-морских сил РККА не имело. Это произойдёт гораздо позднее, лишь к 1938 г.

7 февраля 1936 г. комкор С. Урицкий, глава Разведуправления РККА, обратился с письмом к наркому обороны СССР маршалу К. Ворошилову с предложением о разработке новой инструкции, регламентирующей деятельность советских военных атташе в стране пребывания. Позднее нарком обращается с письмом в адрес И. Сталина, где отмечает: «Ввиду необходимости усилить разведывательную работу считаю нужным в данный момент, во исполнение решения ПБ от 5.III.1931 разрешить Разведывательному управлению РККА привлечь для выполнения строго ограниченных задач наших военных атташе» [10, 15].

В такой ситуации уместно заметить, что по каналам военной разведки в середине 1930-х гг. поступило весьма значительное количество всевозможных иностранных военных образцов, узлов, агрегатов, приборов, рабочих чертежей, описаний и прочей технической документации. Об этом свидетельствует, например, служебное письмо начальника РУ РККА комкора С. Урицкого, направленное 26 апреля 1936 г. В. Молотову, в котором, в частности, подчёркивалось: «Разведывательное Управление РККА за последние два года передало для реализации в соответствующие управления НКО и в промышленность 145 технических материалов, из коих 103 получили положительную оценку...» [2, 45]. В ряде случаев советское государство реализовывало широкую программу в области нелегального получения важной военной, научной и научно-технической информации за рубежом в целях обеспечения безопасности страны и быстрее ознакомления с опытом передовых, развитых в индустриальном отношении стран Запада. Затем полученная информация находила применение при развёртывании опытно-конструкторских и исследовательских работ в отечественной оборонной промышленности.

В рамках ответного жеста в Москву для развёртывания аппарата британского атташе отбыл подполковник Э. О. Скойф, участник Первой мировой войны, который неплохо знал русский язык. Должность военно-воздушного атташе получил Чарльстон Хэллауэл, который на этом посту продержался до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и позднее стал членом британской военной миссии в Советском Союзе. Позднее к британской амбассадe присоединился кэптэн Норман Клэнчи, занявший пост военно-морского атташе. На протяжении последующих двух с небольшим лет он занимал должность военного атташе Великобритании в Советском Союзе (на этой должности он также встретил и начало Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). По дипломатическим каналам в Лондон началась отправка важной информации, которая учитывалась при планировании и проведении внешнеполитических акций британского правительства. Для Великобритании роль Советского Союза во внешней политике уже начала меняться, приобретая всё более важное значение. Становилось понятным, что игнорировать развитие Советского Союза и его возрастающую роль в международных отношениях достаточно недальновидно и опасно. Фактически новый курс британской политики был основан на более тесном вовлечении СССР в европейский дела, но под строгим контролем британской стороны, насколько это возможно. Однако недо-



статок информации приводил к тому, что отсутствовала сама возможность точного и объективного анализа возможностей и устремлений СССР. Такая же проблема существовала в отношении растущего военного и экономического потенциала. Особый интерес, кстати, вызвала реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в нашей стране. Ведь этот планируемый рост советской экономики пришёлся на годы экономической депрессии и стагнации большинства мировых экономик. А ряд признаков свидетельствовал о том, что, несмотря на трудности, можно говорить об определённых и реальных достижениях в промышленности и экономике Советского Союза. Для советского военно-политического руководства было крайне важно понимать, в каком направлении будет развиваться внешняя политика Великобритании и, соответственно, куда будут устремлены её вооруженные силы. Анализ её промышленного и научного потенциала позволял при правильном планировании как минимум сократить сроки отставания в наиболее критичных отраслях промышленности и оборонного комплекса советского государства. В такой ситуации деятельность военных атташе в странах пребывания в том числе была призвана попытаться ликвидировать пробелы в этой сфере и дать возможность понять, в каком направлении идёт развитие производительных сил каждого государства, и ориентировать правящие круги при выработке внешнеполитических доктрин и реализации системы международной безопасности и двусторонних союзов. Правда, надо признать очевидный факт, что эта информация носила крайне важный, но не основополагающий характер. Определённую роль в вопросах внешней политики продолжали активно играть и идеологические установки, что создавало ряд сложностей, которые так и не удалось преодолеть к началу Второй мировой войны 1939-1945 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М. Советская военная разведка накануне войны 1935-1938 / М. Алексеев, А. Колпакиди. – М.: Вече, 2019. – 432 с.
2. Васильев, В. Создание и работа Военно-технического бюро / В. Васильев // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 8. – С. 44-48.
3. Войтиков, С. Отечественные спецслужбы и Красная Армия. 1917-1921 / С. Войтиков. – М.: Вече, 2010. – 472 с.
4. Воздушные силы Англии // Военный зарубежник. – 1935. – № 15. – С. 111.
5. Дятлов, В. Советская артиллерия в вооружённом конфликте у озера Хасан / В. Дятлов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № IV-2 (16). – С. 15-19.
6. Кен, О. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х – середина 30-х гг. / О. Кен. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. – 472 с.
7. Киличенков, А. «Берите фирму за жабры и допытывайтесь с пристрастием»: фирма «Виккерс Армстронг» и «танкизация» Красной Армии в 1930-е годы / А. Киличенков // Вестник РГГУ. – 2018. – № 5. – С. 49-63.
8. Петунин, К. Британские танковые войска 1930-х гг. глазами советских военных и технических специалистов / К. Петунин // Общество, философия, история. – 2018. – № 6. – С. 65-71.
9. Ражев, А. Модернизация противовоздушной обороны Великобритании в 1930-е гг. / А. Ражев // ВИЖ. – 2016. – № 7. – С. 38-43.
10. РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 894 «Инструкция военным атташе СССР по разведработе за границей». Л. 15.
11. Мир между войнами. Парадоксы интербеллума / А. А. Музафаров [и др.]. – М.: Вече, 2019. – 384 с.
12. Шванебах, Б. Новые тенденции в механизации английской армии / Б. Шванебах // Автобронетанковый журнал. – 1937. – № 3. – С. 76-83.
13. Manne R. The Foreign Office and the Failure of Anglo-Soviet Rapprochement // Journal of Contemporary History Vol. 16, No. 4 (Oct., 1981), pp. 733.
14. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge University Press, 2006. 379 pp.
15. Lev Antsipo-Chikunsky // The National Archives, Public Record Office, KV-2/2783.
16. Witowt Putna // The National Archives, Public Record Office, KV-2/2404.

Вафин М. О., Ярославцева Т. А.
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ В СССР

Вафин М. О., Ярославцева Т. А.
M. O. Vafin, T. A. Yaroslavtseva

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ В СССР

ESTABLISHMENT OF A SYSTEM OF BODIES FOR COMBATING THEFT OF SOCIAL PROPERTY AND SPECULATION IN THE USSR

Вафин Максим Олегович – адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15; тел. +8(909)843-22-61. E-mail: vafin_1992@mail.ru.

Maxim O. Vafin – a Postgraduate, Far Eastern Legal Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia); 680020, Khabarovsk, per. 15 Kazarmenny; tel. +8(909)843-22-61. E-mail: vafin_1992@mail.ru.

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск); 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15; тел. +8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Tatyana A. Yaroslavtseva – Doctor of History, Professor, Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, Far Eastern Legal Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 680020, Khabarovsk, per. 15 Kazarmenny; tel. +8(924)117-04-40. E-mail: mu322@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт государственной политики по борьбе с преступностью в сфере экономики в СССР. Авторы рассматривают стратегически важное направление в области выявления, пресечения экономической преступности в социалистическом хозяйстве – создание специализированного органа в правоохранительной системе. В статье выделяются основные этапы организационно-правового трансформирования правоохранительной системы за период с 1917 по 1937 г., нацеленной на формирование эффективного механизма по охране экономической сферы от преступных посягательств, и в первую очередь социалистической (государственной и кооперативно-колхозной) собственности. Важное место в обеспечении экономической безопасности в разные хронологические периоды играли органы ВЧК (позже Экономические отделы ГУГБ), а также службы общей (уголовный розыск), промышленной и ведомственной милиции НКВД. В результате неоднократных реформ в правоохранительной системе в 1937 г. формируются специализированные органы по охране социалистической собственности. Выделены предпосылки к созданию ОБХСС, правовая основа их функционирования. В статье акцентируется внимание на особенностях формирования аппаратов БХСС на Дальнем Востоке. В заключительной части авторы констатируют объективную закономерность в учреждении специализированной службы, обеспечивавшей незыблемость основы советского строя, что детерминировалось усилением ответственности за хищение социалистической собственности.

Summary. The article analyzes the historical experience of the state policy on combating crime in the sphere of economy in the USSR. The authors consider a strategically important direction in the field of detection and suppression of economic crime in the socialist economy – the creation of a specialized body in the law enforcement system. The article highlights the main stages of the organizational and legal transformation of the law enforcement system for the period from 1917 to 1937, aimed at forming an effective mechanism for protecting the economic sphere from criminal encroachments, and, first of all, socialist (state and cooperative-collective farm) ownership. An important place in ensuring economic security in different chronological periods was played by the bodies of the Cheka (later the Economic Departments of the GUGB), as well as the services of the general (criminal investigation), industrial and departmental police of the NKVD. As a result of repeated reforms in the law enforcement system in 1937, specialized bodies for the protection of socialist property were formed. The prerequisites for the creation of OBHSS, the legal basis for their functioning are highlighted. The article focuses on the features of the establishment of OBHSS in the Far East. In the final part, the authors state about the objective regularity in the establishment of a specialized service that ensured the inviolability of the basis of the Soviet system, which was determined by the increased responsibility for the theft of socialist property.



Ключевые слова: преступность в сфере экономики, специализированный орган в правоохранительной системе, ОБХСС НКВД СССР.

Key words: crime in the economic sphere, a specialized body in the law enforcement system, the USSR OBHSS NKVD.

УДК 94(47)

После распада СССР в 1991 г. кардинальным трансформациям подверглась правоохранительная система уже Российской Федерации. Были ликвидированы подразделения милиции МВД – БХСС, которые противодействовали экономической преступности, что закономерно привело к осложнению криминогенной обстановки в экономической сфере. Результаты данных реформ продолжают проявляться и в настоящее время. Количество преступлений в сфере экономики возросло в сотни раз из-за масштабной коррупции. Так, Россия в 2010 г. в индексе восприятия коррупции заняла 154-е место из 178, в 2015-2018 гг. её рейтинг варьировался между 119-м и 138-м местами, в 2019 г. в этом списке она соседствовала с Доминиканской Республикой и Угандой [17, 275-276]. Важным фактором в устранении складывающейся негативной тенденции является анализ исторического опыта СССР в формировании специализированной службы по обеспечению экономической безопасности, что позволило советскому руководству создать эффективный механизм, обеспечивавший безопасность основы советского строя вплоть до 1991 г. Актуальность статьи детерминирована и существующим в научной среде спором о месте и роли ОБХСС, созданных позднее ОБЭП и ЭБиПК. Одна точка зрения сводится к необходимости кардинальных реформ непосредственно в ЭБиПК как структурном подразделении МВД России, другая – к выделению из МВД России в отдельный орган. Имеется и третья – «необходимость синтезировать силы и ресурсы различных органов для борьбы с экономической преступностью» [27, 216].

Цель настоящей статьи заключается в проведении анализа исторических процессов, приведших к созданию подразделений ОБХСС. Обращение к опыту узкоспециализированных аппаратов по борьбе с экономической преступностью – ОБХСС – внесёт свой вклад в историческую науку и будет способствовать определению практических мер по совершенствованию борьбы с преступлениями в сфере экономики. Исследование данной темы является важным и актуальным для корректировки современной политики государства по обеспечению экономической безопасности страны.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1917 по 1937 г. Обозначенный период является новым этапом в развитии России, для которого характерны кардинальные преобразования во всех сферах жизни общества и особенно в экономической сфере. Данное обстоятельство позволяет проследить динамику развития организационных и правовых форм по охране социалистической собственности – основы государственного строя СССР. Нижняя граница настоящей статьи обусловлена формированием 28 октября 1917 г. РКМ НКВД РСФСР, в чём были проявлены первые попытки советской власти по созданию органов, способных обеспечить экономическую безопасность страны. Верхняя граница статьи обусловлена формированием подразделений ОБХСС НКВД СССР 16 марта 1937 г. и первых двух лет их существования, где подчёркиваются результаты деятельности данных аппаратов.

Фундаментальными трудами о милиции, где становление и развитие подразделений БХСС затрагивается фрагментарно, являются коллективные монографии «История Советской милиции», «Советская милиция: история и современность», труды Р. С. Мулукаева, а также работы Л. Ю. Варенцова, Е. П. Колодеева, А. Н. Лушина и др.

Значительный вклад в изучение истории становления и развития аппаратов БХСС НКВД-МВД СССР внесла работа коллектива авторов «История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ)», опубликованная в 2007 г., а также работы С. В. Постникова, С. В. Богданова, Д. А. Ерина и др.

Становление и функционирование подразделений БХСС в региональном аспекте рассматривали Н. В. Иванов – по Чувашской АССР, В. Я. Бурчак – по Кемеровской области, В. С. Волков –

по Пермской области. В статье «Структура рабоче-крестьянской милиции на Дальнем Востоке в предвоенный период (1937-1941 гг.)» коллективом авторов фрагментарно затронут процесс становления ОБХСС на Дальнем Востоке, его кадровый состав.

Новизна работы состоит в комплексном исследовании малоизученной области, связанной с развитием и функционированием подразделений милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией на Дальнем Востоке СССР. Кроме этого, были использованы материалы, ранее не получившие освещения в научной литературе.

Новое экономическое устройство государства начинает формироваться с приходом к власти большевиков. Так, на втором Всероссийском съезде Советов был принят «Декрет о земле», который предусматривал отмену частной собственности на землю, переход земли в государственную собственность [15]. В Конституции РСФСР подчёркивалось, что земельный фонд объявляется «общенародным достоянием, а леса, недра и ряд иных объектов – национальным достоянием» [16].

Революционные события, слом старой полицейской системы привели к росту контрреволюционных сил, уголовной преступности, спекуляции на рынке товаров, возникла объективная необходимость в создании органов, которые обеспечивали бы охрану общественного порядка и защиту экономической сферы.

Одной из первых государственных структур стала Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), образованная Постановлением СНК от 7 декабря 1917 г. [9]. Главной задачей данного органа являлась борьба с контрреволюционной деятельностью, в том числе с различными формами посягательства на собственность, спекуляцией, взяточничеством. Как видим, ВЧК не являлись узкоспециализированной структурой, базирующейся на охране государственной собственности. Данная служба была в первую очередь органом политического сыска, который решал широкий спектр задач.

Однако не только ВЧК обеспечивала безопасность государственной собственности. Сформированная 28 октября 1917 г. рабоче-крестьянская милиция (РКМ) НКВД РСФСР [22] также обеспечивала её сохранность. Кроме этого, перед работниками милиции стояли задачи по обеспечению надлежащего исполнения всех запретов, которые устанавливались в экономической сфере. Стоит отметить, что перед органами милиции также стоял широкий спектр задач по борьбе практически со всеми видами преступности, что не давало возможности для концентрации усилий по охране государственной собственности.

В годы становления советской власти, несмотря на деятельность контрреволюционных сил, объём государственной собственности постепенно увеличивался. Объективно органы ВЧК и милиции уже не могли имеющимися ресурсами обеспечивать её надлежащую безопасность.

Первая попытка советского руководства создать узкоспециализированную структуру по охране государственной собственности была предпринята в начале 1920-х гг. Так, весной 1920 г. руководством РСФСР была организована промышленная милиция [19, 87-88]. Данная служба являлась структурной единицей ГУМ НКВД РСФСР, на которую были возложены задачи по борьбе с хищениями народного достояния на государственных объектах (фабриках, заводах, складах, учреждениях, лесах, совхозах, горных промыслах и др.), борьбе с противоправным использованием в частных интересах национализированных средств производства и сырьевых запасов, а также борьбе с деятельностью, дезорганизующей хозяйственную жизнь советского государства [30, 102]. Ключевым направлением деятельности промышленной милиции было обеспечение охраны национализированных предприятий промышленности, специализирующихся на производстве продукции, складов и предприятий, обеспечивающих хранение и переработку зерна.

На фоне гражданской войны и иностранной интервенции участились случаи хищений и спекуляции на важнейших транспортных артериях – железнодорожном и речном сообщениях, посредством которых доставлялось продовольствие, припасы, оружие, в связи с чем на основе Декретов ВЦИК от 21 февраля 1919 г. [13] и от 23 апреля 1919 г. [14] формируется железнодорожная и речная милиции. В задачи данных подразделений входило поддержание общественного порядка на важнейших транспортных артериях страны, ведение борьбы с хищениями собственности, спекуляцией продовольствием и в особенности с её разновидностью – «мешочничеством».



В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) политическим руководством РСФСР для восстановления дестабилизированной экономики был взят курс на проведение «новой экономической политики», заменившей «военный коммунизм» [1]. В условиях НЭПа произошла трансформация правоохранительных органов. Были ликвидированы специальные службы промышленной, железнодорожной и водной милиции. Функции данных подразделений распределили между общей милицией и иными правоохранительными органами. Одной из задач общей милиции являлось обеспечение безопасности от хищений государственных складов, продовольственных и иных ценных грузов [34]. Вместе с тем в составе уголовного розыска (являлся частью милиции) для борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями, растратами, фальшивомонетничеством создавались специальные подразделения, группы, которые отвечали за решения обозначенных задач.

Трансформации были подвержены и органы ВЧК, которые в феврале 1922 г. были преобразованы в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, а позже, в 1923 г., в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В структуре последнего было создано Экономическое управление (ЭКУ) [8, 58]. Созданная служба являлась узкоспециализированной, на которую были возложены задачи по борьбе с крупными хищениями, взяточничеством, фальшивомонетничеством.

В годы НЭПа обострилась криминогенная обстановка, ускорился рост имущественных преступлений, в том числе в сфере государственного хозяйствования. Данные обстоятельства обусловили принятие постановления СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г., согласно которого началась организация ведомственной милиции [10]. Именно на данный орган была возложена обязанность по поддержанию общественного порядка и охране от хищений имущества, спекуляции и иных противоправных проявлений на заводах, фабриках, народно-хозяйственных и иных объектах государственной и общественной собственности.

В целях выявления преступной деятельности в 1926 г. был образован ведомственный розыск, который обладал полномочиями устанавливать негласное наблюдение за руководителями складских и торговых организаций [32, 17]. Принятые меры оказались эффективными, и экономика в СССР стабилизировалась, но ненадолго.

В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) был взят курс на индустриализацию. Своё законодательное закрепление данное решение получило в апреле 1927 г. на IV съезде Советов СССР. В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), где подтверждался ранее взятый курс на индустриализацию и дополнительно вводился курс на коллективизацию [33]. Постепенно увеличивалось государственное давление на сельскохозяйственный сектор экономики, что вызывало рост недовольств со стороны крестьян, особенно зажиточных. В результате на территории СССР обострилась криминогенная обстановка, возросло количество преступлений, посягающих на общественную собственность в деревне.

В условиях индустриализации и коллективизации, несмотря на охрану от хищений складов, зернохранилищ, сельскохозяйственной техники и продукции, отмечались факты растрат, спекуляции сельскохозяйственной продукцией и сопротивлений хлебозаготовительным кампаниям.

В начале 1930-х гг. наступила новая волна государственных реформ, которые затрагивали как экономическую сферу, так и правоохранительную систему. После ликвидации НКВД [26] проводимые реформы в системе милиции и централизация управления над ней были юридически закреплены 25 мая 1931 г. в первом общесоюзном «Положении о рабоче-крестьянской милиции». Исходя из данного акта милиция СССР делилась на общую и ведомственную [23]. Позже, 27 декабря 1932 г., было принято «Положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР» [29].

Несмотря на успехи первой пятилетки (1929-1933 гг.), к её концу сопротивление со стороны крестьян, особенно «со стороны зажиточной её части, чьи хозяйства были практически полностью разорены» [35, 197], вело СССР к новому экономическому кризису, который усугублялся значительным сокращением поголовья скота на 45 %, тяжёлым продовольственным положением, ростом хищений сельскохозяйственной продукции. На ещё большее ухудшение обстановки в государстве оказали воздействие небывалая засуха и неурожай. Совокупность данных факторов

привела в 1932 – 1933 гг. к голоду в стране. В сложившихся условиях политическим руководством СССР был предпринят достаточно жёсткий и решительный шаг.

В целях охраны государства и общества от хозяйственно-корыстной преступности, решением ЦИК и СНК СССР принято Постановление от 7 августа 1932 г. № 62 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, и укреплении общественной (социалистической) собственности» [25]. Хищение социалистической собственности признавалось тягчайшим преступлением, за совершение которого предусматривалась «смертная казнь в виде расстрела, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишение свободы сроком не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества, без права на амнистию» [7]. Наказуемой признавалась любая форма хищения: кражи, растраты, присвоения должностными лицами и т.д. Жёсткие меры способствовали прекращению массовых хищений и помогли обеспечивать продовольствием население в городах в голодные годы.

По мнению авторов, в начале 1930-х гг. в советском государстве складывалась парадоксальная ситуация: социалистическая собственность обладала гораздо большей ценностью в уголовно-правовом смысле, чем жизнь отдельно взятого человека. Так, даже за совершение одного из тягчайших преступлений против личности – умышленного убийства – в качестве максимальной санкции было предусмотрено лишение свободы сроком до 10 лет [21], что подтверждает степень важности социалистической собственности в советском государстве.

16 сентября 1932 г. была принята Инструкция по применению постановления от 7 августа 1932 г. [28], которая детализировала «Закон о трёх колосках», а также установила особенности его реализации органами государственной власти. Так, подразделения ОГПУ должны были раскрывать преступления о хищениях, которые сопрягались с массовыми выступлениями, насильственными действиями, актами, носящими террористический характер, с участием организованных групп, где имело место значительное количество арестов и др.

Значимость социалистической собственности особо подчёркивалась И. В. Сталиным, который на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года в своём докладе «Об итогах первой пятилетки» отмечал: «...допускать воровство и хищение общественной собственности ... и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий – значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность как на свою базу...». По его мнению, «...борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами ... является одной из основных задач партии» [31, 209-210].

В 1934 г. наступает новый виток трансформаций в правоохранительной системе, который детерминировался внутривнутриполитической и экономической нестабильностью, внутрипартийной борьбой и осложняющейся внешнеполитической обстановкой. Было создано общесоюзное НКВД [24], в структуре которого сформировали Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), бывшее ОГПУ, Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) и др. [24]. Исполнение обязанности по охране социалистической собственности возлагалось на милицию и ГУГБ, в структуре последнего непосредственная борьба с хищениями, как и ранее, отводилась экономическому (ЭКО), частично транспортному отделам, а в ГУРКМ – уголовному розыску. Как видим, к формированию единой специализированной структуры ещё не подошли.

К 1936 г. у НКВД СССР значительно увеличился объём полномочий с параллельным проведением в ведомстве кадровых перестановок. 26 сентября 1936 г. от должности наркома внутренних дел был отстранён Г. Г. Ягода, и на его место был назначен Н. И. Ежов [18, 15-16], который приступил к кардинальным изменениям в НКВД СССР, затронувшим ГУГБ. Так, 28 ноября 1936 г. были расформированы экономические отделы ГУГБ НКВД СССР [18, 126]. Уже в декабре 1936 г. Н. И. Ежов на совещании руководящего состава НКВД своё решение обосновывал ликвидацией определённых социальных явлений: «Наличие частников в товарообороте, занимавших в нём значительное количество; наличие в промышленности небольшого количества частного капитала; отсутствие в коллективизируемых деревнях проявлений элементов роста капитализма, экономическая основа которого ещё не была подорвана» [20, 265].



Стоит отметить, что дела, по которым работали ЭКО ГУГБ в последние годы своего существования, преимущественно относились к преступлениям контрреволюционной направленности, где, как подчёркивалось Н. И. Ежовым, экономические отделы были сильны и демонстрировали хорошие результаты.

Но к середине 1930-х гг. по преступлениям о хищениях подразделения ЭКО демонстрировали низкие результаты, одной из причин которых являлась практически полная ликвидация факторов, порождавших данную преступность.

После ликвидации ЭКО возник огромный пробел в обеспечении защиты социалистической собственности от хищений в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах. Данные обстоятельства отразились на экономике. Резко возросли негативные проявления в обществе, вызванные спекуляцией, экономическими преступлениями во всех сферах народного хозяйства, поскольку отсутствовали органы, исключительной обязанностью которых являлась бы борьба с данными проявлениями.

16 марта 1937 г. такая служба учреждается в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР, получившая название Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) ГУРКМ НКВД СССР [2]. Данная структура действовала в 1937-1946 гг. в составе НКВД СССР, в 1946-1991 гг. – в составе МВД СССР.

Со дня становления и до ликвидации ОБХСС выполнял функции, связанные с выявлением, пресечением, принятием мер по привлечению к ответственности лиц, совершивших экономические преступления в сфере социалистической собственности и спекуляцию в гражданском обороте товаров, и другие негативные проявления против общества и государства.

Становление ОБХСС не было одномоментным событием. Формирование данной службы в отдельных регионах страны осуществлялось в разные периоды времени. Одним из первых регионов, где возникли аппараты БХСС, являлся Дальний Восток, территория которого была полностью объединена в Дальневосточный край. Приказом начальника УНКВД СССР по ДВК комиссаром госбезопасности 3-го ранга Т. Д. Дерибаса от 16 апреля 1937 г. было озаглавлено создание Дальневосточных аппаратов БХСС [5]. Так, в Краевом управлении милиции УНКВД по ДВК было сформировано отделение БХСС, которое должно было быть укомплектовано 10 сотрудниками. Комплектование осуществлялось за счёт передачи из 1-го отделения отдела уголовного розыска (ОУР) восьми человек и двух человек из Контрразведывательного отдела (КРО) УГБ УНКВД по ДВК. Начальником отделения БХСС был назначен лейтенант милиции Федор Семёнович Семёнов, ранее занимавший должность начальника 1-го отделения ОУР. Кроме этого, подразделения БХСС формировались и в областях ДВК. Например, в составе УРКМ УНКВД по Амурской и Приморской областям были сформированы группы БХСС, предусматривающие штатную численность в 8 человек [6]. Общий механизм комплектования БХСС в областях был аналогичен комплектованию Отделения БХСС по ДВК. Формирование кадрового состава новой службы за счёт сотрудников ОУР и КРО позволяло привнести апробированные формы и методы борьбы с преступностью. При этом работники, переходившие в связи с изданным приказом из системы ГУГБ в РКМ, сохраняли за собой получаемые оклады содержания [3].

Важно подчеркнуть, что задачи, стоящие перед центральным ОБХСС и аппаратами БХСС республик, краёв и областей, отличались. Например, на Отделение БХСС УРКМ УНКВД по ДВК были возложены следующие обязанности:

1. руководство работой подведомственных органов РКМ в деле борьбы с хищениями социалистической собственности и мелким вредительством в организациях, учреждениях и предприятиях госторговли, потребительской, промысловой и инвалидной кооперации, заготовительных организаций и сберкассах, а также со спекуляцией и фальшивомонетчиками;

2. расследование дел по хищению социалистической собственности в тех же организациях, возникших как на основании данных своей агентуры, так и на основании материалов, переданных отделами УГБ УНКВД по ДВК;

3. осуществление оперативного руководства комендантами заготпунктов Заготзерно [4].

Следует отметить, что организация деятельности аппаратов БХСС базировалась на принципе территориальности, а не линейности, что открывало возможность для отхода от крайне узкой специализации сотрудников по раскрытию исключительно определённых видов хищений. Кроме того, главенство данного принципа детерминировало более тесное взаимодействие с иными территориальными подразделениями милиции.

С первых дней своего существования работники службы БХСС незамедлительно приступили к выполнению лежащих перед подразделением задач: обеспечивали безопасности государственных и кооперативно-колхозных объектов и имущества от преступных посягательств, боролись с расхитителями, спекулянтами, взяточниками, фальшивомонетчиками, а также выявляли и разоблачали группы лиц, совершавших преступления перечисленных видов. Сотрудники ОБХСС достигали больших успехов в раскрытии и недопущении совершения ряда преступлений экономической направленности, а также расхищения больших денежных средств, товаров и материальных ценностей. Например, в начале 1939 г. сотрудниками ОБХСС УРКМ УНКВД Хабаровского края в системе Хабаровской конторы «Союзутиль» была арестована хищническая группа из 5 человек: управляющий конторы, заведующий базой и др. [11]. Всего за весь 1939 г. в Хабаровском крае было проведено 1017 следственных дел по хищениям и растратам, было вскрыто 19 преступных групп, привлечено к ответственности 1310 человек. По всем проведённым делам органами РКМ вскрыто хищений и растрат на сумму 10 168 920 р., где важнейшую роль сыграли аппараты БХСС [12].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можем отметить, что Советское государство создавало органы, которые обеспечивали экономическую безопасность страны от преступных посягательств. В первые годы становления системы борьбы с экономическими преступлениями они не отличались постоянством и длительностью своего функционирования.

В разные периоды существовали структуры, которые практически дублировали функции и при этом не являлись взаимосвязанными друг с другом, что ухудшало взаимодействие и в целом снижало результаты борьбы с расхитителями социалистической собственности.

Создание ОБХСС было обусловлено усилением ответственности за хищения социалистической собственности, что диктовало необходимость в учреждении специализированной службы, которая обеспечивала бы незыблемость базиса советского строя. Пройдя длительный этап развития, пытаясь найти эффективный инструмент в борьбе с преступлениями экономической направленности, руководство СССР путём проб и ошибок приходит к решению об учреждении Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) НКВД СССР, который просуществовал вплоть до распада СССР.

Как отмечает Л. А. Крушанова, «современное состояние коррупционных проявлений и преступлений как в мировом, так и национальном масштабе требует постоянного мониторинга», который, по нашему мнению, не будет эффективным без специально созданных служб, таких как ОБХСС, либо комплексного реформирования существующих подразделений ЭБиПК МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. 10-й съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 года): протоколы. Москва, 1933.
2. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 39. Оп. 1. Д. 41. Л. 86.
3. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 39. Оп. 1. Д. 41. Л. 86об.
4. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 39. Оп. 1. Д. 41. Л. 88.
5. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 16. Л. 123.
6. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 16. Л. 124-127.
7. Борьба с хищениями и растратами в государственной торговле // Сборник директивных и инструктивных материалов. – М., 1933. – С. 3.
8. Епихин, А. Ю. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928): моногр. / А. Ю. Епихин, О. Б. Мозохин. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – 525 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 2. Л. 159, 161-162.
10. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 (а). Д. 548. Л. 21.
11. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 17. Д. 10. Л. 350.
12. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 17. Д. 10. Л. 351.



13. Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны: Декрет ВЦИК от 21 февраля 1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 5. – Ст. 46.
14. О речной советской рабоче-крестьянской милиции (Положение): Декрет ВЦИК от 23 апреля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – С. 299-302.
15. Декрет о земле (принят II Всероссийским съездом Советов 27 октября 1917 г.) // СУ РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 3.
16. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
17. Крушанова, Л. А. Реформы антикоррупционного законодательства как фактор динамики коррупционной ситуации в Приморском крае (1990-2010-е гг.) / Л. А. Крушанова // Реформы конца XX – начала XIX в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А. С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С. 275-289.
18. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917-1960. Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М.: МФД, 1997. – 345 с.
19. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917-1920 гг.) / Р. С. Мулукаев. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 108 с.
20. Петров, Н. «Сталинский питомец» – Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 447 с.
21. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
22. О рабочей милиции: Постановление НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 30 октября 1917. – № 2.
23. Положение о рабоче-крестьянской милиции: Постановление СНК СССР от 25 мая 1931 г. № 390 // СЗ СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.
24. Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел: Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 283.
25. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360.
26. О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 декабря 1930 г. // СЗ СССР. – 1930. – № 60. – Ст. 640.
27. Постников, С. В. Специализированная служба по борьбе с экономическими преступлениями в системе НКВД СССР: создание, нормативная основа, особенности организации / С. В. Постников // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 216-221.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2014. Л. 33-34.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 912. Л. 29-30.
30. Смирнов, И. М. Становление оперативных подразделений экономической безопасности органов внутренних дел / И. М. Смирнов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2019. – № 3 (80). – С. 100-103.
31. Сталин, И. В. Сочинения. В 13 т. Т. 13 / И. В. Сталин. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – 423 с.
32. Становление и развитие подразделений экономической безопасности МВД России. Исторический очерк (посвящается 80-летию службы БХСС – БЭП – ЭБиПК) / Л. Ю. Варенцова, Е. П. Колодеев, А. Н. Лушин, Д. В. Орлов, П. Е. Соборнов; под ред. Е. П. Колодеева. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2017. – 117 с.
33. Стенографический отчет XV съезда ВПК(б), М. – Л.: ГИЗ, 1928. – 1268 с.
34. СУ РСФСР. – 1921. – № 55. – ст. 341.
35. Ярославцева, Т. А. Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России в XX в.: монография / Т. А. Ярославцева. – Хабаровск: Изд-во ДВГУ – филиал РАНХиГС, 2015. – 367 с.

Петрунина Ж. В., Лапиков Я. В.

Z. V. Petrunina, Y. V. Lapikov

**АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В 1950-Х ГГ.**

AMERICAN VIEW OF SOVIET-CHINESE ECONOMIC RELATIONS IN THE 1950s.

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Лапиков Ярослав Викторович – педагог дополнительного образования МБОУ ДО «Кванториум» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, д. 15.

Yaroslav V. Lapikov – Teacher of Additional Education, Quantorium (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Pionerskaya st., 15.

Аннотация. В представленной работе рассмотрены вопросы экономического сотрудничества СССР и КНР в 1950-х гг. Источниковой базой исследования стали официальные документы, соглашения, договоры, заключённые между СССР и КНР в указанный период. Основным источником, лёгшим в основу исследования, стали данные отчёта экономической разведки США «Economic relations in the Sino-Soviet Alliance». Анализ материалов разведки США позволил уточнить статистические сведения о советско-китайском экономическом взаимодействии, выявить и проанализировать противоречия между СССР и КНР в экономической сфере. В работе определена позиция США относительно тенденций развития отношений между СССР и КНР в 1950-х гг. Часть материалов впервые введена в научный оборот. В качестве основных методов исследования избраны историко-генетический и проблемно-хронологический.

Summary. The presented work examines issues of economic cooperation between the USSR and the PRC in the 1950s. The source base of the study is presented by official documents, agreements, treaties signed between the USSR and the PRC during the specified period. The main source of the study was data from the US economic intelligence report «Economic relations in the Sino-Soviet alliance». Analysis of US intelligence materials made it possible to clarify statistical information on Soviet-Chinese economic cooperation; identify and analyze the contradictions between the USSR and the PRC in the economic sphere. The paper defines the position of the United States regarding the tendencies in the development of relations between the USSR and the PRC in the 1950s. Some of the materials were introduced into scientific circulation for the first time. Historical-genetic and problem-chronological were selected as the main research methods.

Ключевые слова: КНР, СССР, экономическое сотрудничество, интересы США, американская разведка.

Key words: China, USSR, economic cooperation, US interests, American intelligence.

УДК 94

Современный уровень сотрудничества между Россией и Китаем оценивается представителями политической и научной элиты обеих стран положительно. Стороны активно взаимодействуют в разных сферах, демонстрируя стремление к укреплению отношений в долгосрочной перспективе. В отечественной и зарубежной историографии можно встретить сравнительный анализ развития российско-китайских отношений в XXI в. и советско-китайских отношений середины XX в., когда страны были объединены не только общей коммунистической идеологией, но и оказались перед необходимостью решения важных геостратегических и экономических вопросов, обострившихся в реалиях международных отношений послевоенного времени.



Руководствуясь геополитическими задачами, в начале 1950-х гг. СССР гарантировал экономическую помощь только образованной КНР. Усиление влияния СССР на Дальнем Востоке и обеспечение экономической поддержки КНР стали причиной беспокойства политического оппонента Советского Союза на мировой арене – Соединённых Штатов Америки. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США тщательно следило за развитием советско-китайских отношений, выдвигая на основе наблюдаемых фактов гипотезы и делая собственные выводы по поводу отношений союзников и возможных перспектив установления американо-китайского диалога.

Советско-китайские экономические отношения являются одной из актуальных тем и в современной России. В отечественной и зарубежной историографии существует большое количество разных подходов и мнений относительно развития торговых отношений между китайским и советским государствами в 1950-х гг. Однако у исследователей остаётся немало вопросов, требующих дополнительного анализа и изучения.

Дружественные отношения между СССР и Китаем стали выстраиваться ещё с 1930-х гг., когда СССР оказывал активную поддержку Китаю в борьбе против марионеточного государства Манчжоу-Го, образованного японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии. СССР прилагал усилия для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке после Второй Мировой войны, гарантируя в том числе и безопасность собственных границ в случае возникновения военного конфликта в регионе.

В условиях гражданской войны в Китае (1946–1949) районы, оказавшиеся под контролем китайских коммунистов, получали всестороннюю помощь и поддержку со стороны СССР. Благодаря помощи советских специалистов был восстановлен и пущен в эксплуатацию ряд значимых предприятий Маньчжурии, которые находились в упадке в результате событий предыдущих лет. Уже в апреле 1947 г. к открытию навигации по реке Сунгари с помощью советских специалистов были подготовлены пристани в портах Цзямусы, Фукдине, Сейсине и созданы дополнительные причалы в Харбине. Советские специалисты-железнодорожники помогли привести в надлежащее состояние разрушенное путевое хозяйство, выполнили огромный объём строительных работ. Было восстановлено большое количество паровозных депо, пунктов водоснабжения, узлов связи и линий телефонно-телеграфной связи, построены электросиловые линии, оборудована связь на вновь открытых станциях и разъездах [6]. На северо-востоке Китая советскими инженерами были проведены ремонтные работы по восстановлению мостов, железных и автомобильных дорог. Эти факторы способствовали укреплению влияния КПК на территории практически всей страны (кроме некоторых южных провинций, которые были освобождены в начале 1950 г.).

После создания КНР (1 октября 1949 г.) советско-китайские отношения вышли на новый уровень. Ключевым моментом в развивающихся дипломатических отношениях двух стран стал советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», подписанный в Москве 14 февраля 1950 г. (вступил в силу 11 апреля 1950 г.) [3]. Договор явился лишь документальным закреплением советско-китайских отношений, нерегламентированных ранее. Документ свидетельствовал о серьёзных намерениях обеих сторон в вопросах взаимодействия. Советско-китайский альянс обещал принести много выгод как для одной, так и для другой стороны: одно государство получало невероятную выгоду от действующих взаимных экономических отношений, другое – надёжного союзника на мировой арене.

Оценив ситуацию, в которой находилась КНР после своего образования, а также различные изменения, которые впоследствии могли затронуть Тихоокеанский регион, СССР принял ряд решений по продолжению оказания всесторонней поддержки Китаю. Помимо Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г. было подписано ещё одно соглашение, по которому СССР не позднее конца 1952 г. обязался безвозмездно передать все свои права по совместному управлению Китайской Чанчуньской (Восточной) железной дороги (КЧЖД) со всем прилегающим к ней имуществом в пользу китайской стороны. Китаю были переданы территории Порт-Артура и город Далянь, находившийся в то время во временном арендном пользовании СССР [11]. Огромное значение для Китая имел и договор с СССР, по которому он предоставлял КНР кредит в размере 300 млн американских долларов (или 1200 млн рублей) сроком на 5 лет (с 1950 по 1954 гг.)

по беспрецедентной в мировой экономической политике ставке, которая составляла всего 1 % [6]. В последующие годы СССР продолжал неустанно поддерживать развивающуюся КНР: советские инженеры оказали содействие в строительстве и реконструкции в КНР 156 крупных промышленных предприятий; Китаю была передана советская доля в совместных акционерных обществах; было подписано соглашение об обучении китайских граждан в советских вузах; по торговому соглашению, подписанному 19 апреля 1950 г. в Москве, СССР обязался экспортировать в Китай горюче-смазочные материалы, хлопок, машинное и рабочее оборудование и прочие товары, в которых нуждалась КНР для восстановления экономического состояния страны [6].

Помощь со стороны СССР способствовала скорейшему восстановлению и укреплению китайской экономики и увеличению её значимости на мировой арене. После 1950 г. товарооборот СССР и КНР продолжал расти с каждым месяцем. Так, за 10 месяцев 1951 г. товарооборот между странами возрос на 77 % по сравнению с показателями этих же месяцев предшествующего года. Как результат, к сентябрю 1951 г. на долю СССР приходилось 40,7 % импорта и 41,12 % экспорта КНР [4].

Советско-китайский альянс представлял собой символ сплочённости и единства коммунистического блока, который преуспевал в активном завоевании ведущих позиций на мировой арене. Этот факт не мог не тревожить США, которые внимательно следили за развитием отношений между двумя государствами. Усиление позиций СССР и Китая означало бы также и усиление на мировой арене коммунизма как идеологии. Это было крайне невыгодно для США как для капиталистической державы, являвшейся одним из лидеров на мировой арене.

Изучение отношений между СССР и КНР стало одной из первых крупных задач для ЦРУ, созданного в 1947 г. Полученная информация об экономических отношениях между странами была обработана и задокументирована в отчёте экономической разведки ЦРУ «Economic relations in the Sino-Soviet Alliance», датированном октябрём 1960 г. [8].

В отчёте «Economic relations in the Sino-Soviet Alliance» собраны данные об экономическом сотрудничестве между СССР и КНР в 1950-х гг. Большое внимание в документе уделено сбору и анализу статистических данных об объёмах и структуре взаимного товарооборота.

Отчёт состоит из вводной части («Резюме и выводы»), 6 пунктов, большинство из которых разделено на подпункты, приложений с таблицами статистических данных. Во введении высказываются общие тезисы относительно роли советско-китайского альянса для коммунистического движения в целом. Особое внимание уделяется тенденциям развития экономической системы КНР, что позволяет американским специалистам выделить специфику китайской и советской экономических систем. Благодаря множеству выстроенных графиков и таблиц, ЦРУ удавалось следить за динамикой роста товарооборота между союзниками, фиксируя суммы материальной помощи, которую СССР выделял Китаю.

В первом пункте («Идеология и экономическая деятельность») в центре внимания находится анализ коммунизма как идеологии, объединившей и сплотившей СССР и КНР. Пункт разделён на два подпункта, в первом из которых рассматриваются противоречия, так или иначе возникающие между странами по ходу их экономического развития. Во втором подпункте исследуется непосредственно экономическая деятельность двух государств [8, 6].

Второй пункт («Уровень и развитие китайско-советских экономических отношений») также разделён на два подпункта. В данном разделе собраны данные о финансовой поддержке СССР коммунистическому Китаю, оговаривается товарная структура взаимной торговли государств [8, 13]. Раздел снабжён разнообразными графиками и таблицами, содержит подробный отчёт о суммах, выплаченных советской стороной Китаю в рамках экономической поддержки.

В третьем пункте («Влияние торговли и технической поддержки СССР на экономику коммунистического Китая») [8, 20] затрагиваются важные аспекты советского экономического покровительства Китаю, включая импорт советского оборудования промышленных предприятий, общую техническую поддержку, помощь со стороны советских инженеров. В фокусе внимания американцев находится и вопрос о расходах СССР, которые активно растут по мере оказания всесторонней экономической помощи КНР.



В четвертом и пятом пунктах отчёта [8, 25, 28] дана оценка экономического сотрудничества коммунистического Китая с международными торговыми объединениями 1950-х гг. Делая главный акцент на изучении советско-китайского экономического союза, ЦРУ также не упускало из виду экономическое сотрудничество КНР с другими государствами. Всестороннему анализу были подвергнуты вопросы развития отношений между коммунистическим Китаем и Европейским торговым блоком, Азиатским торговым блоком, Советом экономической взаимопомощи, а также странами «свободного мира». В основе данной программы экономической разведки лежало именно изучение коммунистического Китая, его экономическое развитие и торговые связи с другими странами.

В шестом пункте («Последствия роста экономической мощи коммунистического Китая для китайско-советского дружественного союза») [8, 33] сделаны заключительные выводы о специфике экономической деятельности КНР, тенденциях сотрудничества с СССР, которое в результате привело к укреплению позиций коммунистического Китая на мировой арене и росту его индустриальной мощи и самодостаточности.

Ценным материалом для американцев являлись и разные подходы к вопросу построения коммунизма. СССР и КНР трактовали построение коммунизма исходя из своих стратегических задач, отходя от идей классического марксизма и адаптируя их под нужную государствам ситуацию.

Согласно данным разведки ЦРУ, с 1950 по 1959 гг. Китай входил в число ведущих торговых партнёров СССР, на долю которого пришлось примерно в 20 % всей советской торговли за указанный период. Экспорт Китая в СССР в 1950-х гг. оценивался в сумму 6068 млн долларов США, импорт – в 6442 млн долларов США [8, 14]. Огромную роль в торговле между странами сыграла Транссибирская железнодорожная магистраль, которая обеспечила около половины от всех экспортных и импортных перевозок между СССР и КНР [8, 16].

В 1950-х гг. объём советско-китайского товарооборота составил более 12 млн долларов США. Значения импорта и экспорта были сбалансированы, тем не менее показатель экспорта из СССР оставался выше примерно на 400 млн долларов США. В документах отмечается, что в первой половине 1950-х гг. Китай испытывал торговый дефицит, оцениваемый примерно в 1 млрд долларов США. Проблема была урегулирована за счёт советского кредита на сумму приблизительно в 1,3 млрд долларов США [8, 15]. Следует отметить, что этот кредит стал единственным иностранным займом китайских коммунистов в 1950-х гг. Во второй половине 1950-х гг. Китаю удалось существенно увеличить показатели внутригосударственного производства, повысив и показатели экспорта до 675 млн долларов США [8, 15].

Краеугольным камнем китайско-советских экономических отношений являлись крупные строительные проекты, возводимые в Китае и реализованные благодаря технической поддержке СССР. С февраля 1950 г. по февраль 1959 гг. между государствами были заключены договоры на строительство 291 крупного промышленного объекта. Техническая помощь, затраченная СССР на осуществление данного плана, оценивалась американскими разведчиками в сумму почти в 3,3 млрд долларов США [8, 16]. Тем не менее из 291 проекта только половина была частично завершена и пущена в оборот. Предполагалось строительство предприятий в различных сферах: добыче железной руды, цветных металлов, угля, нефти; в электроэнергетической, химической, обрабатывающей, текстильной областях; в сфере машино-, самолёто- и кораблестроения [8, 16]. Благодаря строящимся предприятиям китайская экономика получала своё развитие практически во всех областях промышленности. Наращивая свою экономическую мощь, Китай вместе с этим занимал всё более устойчивые позиции на мировой арене.

Техническое оборудование и помощь, которые Китай получал от СССР, оказали большое влияние на реализацию программы индустриализации страны. Как отмечается американской разведкой, без помощи СССР для Китая такое быстрое и эффективное восстановление экономики было бы невозможным [8, 20]. Для китайских коммунистов самым важным оборудованием, полученным от СССР, были комплекты заводского оборудования для крупных промышленных предприятий, например различных энергетических установок, а также сталелитейных, нефтеперерабатывающих, авиа- и машиностроительных заводов, что и составляло ядро программы китайского промышленно-

го развития. Проекты по предоставлению данных комплектов оборудования китайцы называли «вспомогательными», больше обращая внимание не на материальную сторону вопроса, а на помощь советских инженеров в планировке, размещении, надзоре за строительством предприятий и руководстве на стадии непосредственного производства [8, 21]. Роль советских инженеров во всех этих процессах особенно заметна в течение первой китайской пятилетки (1953–1957).

Несмотря на активное советско-китайское экономическое взаимодействие, между сторонами имели место и противоречия, которые обострились к 1958 г. Советское руководство не одобрило программу «народных коммун», основной целью которой китайское правительство ставило построение в стране в предельно сжатые сроки развитого социалистического общества. По мнению руководства КПК, «народные коммуны» могли выступить в качестве объединяющего элемента сельского хозяйства и промышленности. Американская разведка доносила, что «народные коммуны», рассматривавшиеся как путь к коммунизму, вызвали резкое недовольство среди советского руководства. «Это первый раз, когда крупная китайская экономическая программа встретила откровенное неодобрение со стороны СССР», – подчёркивается в донесениях американской разведки [8, 21].

Проведение китайским руководством политики «народных коммун», а также политики «большого скачка» усилило противоречия между Пекином и Москвой. СССР признавал необходимость и возможность государств идти разными путями экономического развития. Однако предложенный Китаем путь вызвал неодобрение у советского руководства. Впервые китайский вариант советской модели экономического развития отчётливо проявился ещё в годы проведения первой пятилетки (1953–1957). Наибольшей критике подвергались те изменения в китайской экономической политике, которые шли вразрез с господствующими советскими идеями, а также те, которые, по представлению Москвы, могли привести к нарушению экономической стабильности Китая и торможению его промышленного роста.

Как отмечала американская разведка, порой было сложно провести чёткую черту между нежелательными и допустимыми отклонениями в экономической политике коммунистического Китая. Некоторые из проводимых программ представлялись запутанными. Народная коммуна, например, к началу 1960 г. стала напоминать не вызывающее возражений Москвы объединение сельскохозяйственных коллективов, сохранив при этом своё «неудобное» название.

Изначально у СССР не было каких-либо веских причин решительно не согласиться с подходом коммунистического Китая к экономическому развитию государства. Обе страны были сторонниками основных марксистско-ленинско-сталинских экономических идей социализации, централизованного планирования и принудительной индустриализации.

Несмотря на зревшие противоречия, СССР в целом продолжал поддерживать экономическую программу КНР. Например, в канун празднования десятилетия со дня основания КНР (октябрь 1959 г.) советский лидер Н. С. Хрущёв похвалил китайских коммунистов за их многочисленные «выдающиеся успехи во всех областях социалистического строительства» [8, 7]. Китайские коммунисты в ответ громогласно заявляли о своей преданности основным принципам коммунизма. Например, в газете People's Daily (Jen-min jih-pao) в январе 1960 г. было опубликовано следующее заявление об идеологической верности КНР: «Социалистическое дело Китая строго придерживается универсальной правды марксизма-ленинизма во всех основных принципах, преданно почитает идеи Октябрьской революции» [8, 7].

Это утверждение в ходе так называемой «кампании убеждения», проводимой партийными лидерами КПК ещё с декабря 1958 г., помогло убедить советских и китайских скептиков в том, что китайский путь к социализму является верным [8, 7].

Для США было важно проследить за развитием не только советско-китайских экономических отношений. Важной составляющей отчёта были сведения о тенденциях взаимодействия в дипломатической и идеологической сферах. Различные подходы к построению коммунизма у лидеров СССР и КНР стали для американской разведки ценнейшей информацией, которая открывала возможности для построения новых путей анализа данных и перспектив своей политики в отношении Китая.



США рассматривали возможности ослабить советско-китайский альянс в экономической сфере. Торговое партнёрство с Китаем стало бы для них чрезвычайно выгодным. Во-первых, развитие торговых отношений с КНР положительным образом повлияло бы на экономическую сферу самих США. Анализируя то, какими темпами развивалась поддерживаемая СССР китайская экономика, США пришли к выводу, что в ближайшем будущем КНР будет обладать огромным экономическим потенциалом, что откроет множество перспектив для развития торговых связей с этим государством. Во-вторых, «переманив» Китай в лоно своей военно-политической стратегии, США бы также нанесли и сильный удар по своему основному оппоненту на мировой арене – СССР. При изучении развития торгово-экономических отношений между двумя странами американская разведка акцентировала своё внимание на том, что у СССР и КНР существовал ряд противоречий в сфере экономической идеологии. Усиление этих противоречий в итоге привело к полному разрыву отношений между странами. Этой ситуацией и воспользовались впоследствии США, направившие свои усилия на развитие американо-китайских отношений, ставших с 1970-х гг. более интенсивными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля СССР в послевоенный период (1946-1966 гг.) [Электронный ресурс]. – Москва: Международные отношения, 1967. – 169 с. – Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/17721/vneshtorg_1918-1966_razdel_3.pdf (дата обращения: 10.09.2021).
2. Встреча В. В. Путина с Министром обороны Китая Цао Ганчуанем [Электронный ресурс] / Президент России – официальный сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23160> (дата обращения: 10.09.2021).
3. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР [Электронный ресурс] / Документы XX века. – Режим доступа: <http://www.doc20vek.ru/node/4212> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Зайцев, Е. М. Советско-китайские соглашения [Электронный ресурс] / Е. М. Зайцев. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/103/961.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
5. Сирин, Л. Николай Леонов: Жалею, что не дали освободить Корвалана [Электронный ресурс] / Л. Сирин // 2000-2021, Фонтанка.Ru. Санкт-Петербург онлайн. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2010/11/13/058/> (дата обращения: 10.09.2021).
6. Мережко, А. Помощь СССР Китаю в 30-50-х годах XX века [Электронный ресурс] / А. Мережко // Аргументы времени. 20.03.2014. – Режим доступа: <http://svgbdv.ru/pomoshch-sssr-kitayu-v-30-50-kh-godakh-khkh-veka> (дата обращения 10.09.2021).
7. Песков, Ю. К 60-летию договора о Дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. / Ю. Песков // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 1. – С. 110-123.
8. Отчёт экономической разведки ЦРУ «Economic relations in the Sino-Soviet Alliance» [Электронный ресурс] / Freedom of Information Act Electronic Reading Room. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01141A001700070001-4.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
9. Сноуден раскрыл «теневой бюджет» спецслужб США [Электронный ресурс] / BBC News. Русская служба. – 2013. – 30 августа. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/08/130830_snowden_budget_secret_services (дата обращения: 10.09.2021).
10. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Китайской Народной Республики об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и КНР. 30 декабря 1954 г. [Электронный ресурс] / Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/54341> (дата обращения: 10.09.2021).
11. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901757481> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Петрунина, Ж. В. Российско-Китайский межкультурный диалог в реалиях международных отношений на Дальнем Востоке / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № I-2 (33). – С. 10-13.

Баранов Н. А., Шушарина Г. А.
N. A. Baranov, G. A. Shusharina

**ТУРИСТИЧЕСКОЕ КАФЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ОБЪЕКТ В ИНДУСТРИИ
ТУРИЗМА**

TOURIST CAFE AS AN INNOVATIVE OBJECT IN THE INDUSTRY TOURISM

Баранов Никита – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lmk@knastu.ru.

Nikita A. Baranov – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin str. E-mail: lmk@knastu.ru.

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin str.; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. Целью статьи является анализ состояния гастрономического туризма на территории Хабаровского края и оценка возможностей организации самостоятельного объекта в туристической индустрии – туристического кафе. Данная работа базируется на общенаучных и эмпирических методах: анализе данных, сравнении первичной информации в виде таблиц, социологическом опросе, расчётном методе и SWOT-анализе. В научной работе предлагается идея создания туристического кафе как инновационного объекта в развитии внутреннего и международного гастрономического туризма на территории Хабаровского края, и для этого было проведено маркетинговое исследование, объектами которого выступали: выявление целевой аудитории, определение бренда туристического кафе, исследование рынка, выявление сильных и слабых сторон туристического кафе. В работе также была составлена предварительная смета по открытию предприятия туристского питания.

Summary. The purpose of the article is to analyze the state of gastronomic tourism on the territory of the Khabarovsk Territory and to assess the possibilities of organizing an independent object in the tourism industry – a tourist cafe. This work is based on general scientific and empirical methods: data analysis, comparison of primary information in the form of tables, sociological survey, calculation method and SWOT-analysis. The scientific work proposes the idea of creating a tourist cafe as an innovative object in the development of domestic and international gastronomic tourism in the territory of the Khabarovsk Territory, and for this a marketing study was carried out, the objects of which were: identifying the target audience, determining the brand of a tourist cafe, market research, identifying the strengths and weaknesses of the tourist cafe. The work also drew up a preliminary estimate for the opening of a tourist catering enterprise.

Ключевые слова: SWOT-анализ, гастрономический туризм, туристическое кафе, национальная кухня, анкетирование, стратегия развития туризма, Хабаровский край.

Key words: SWOT-analysis, gastronomic tourism, tourist cafe, national cuisine, questionnaire, tourism development strategy, Khabarovsk Territory.

УДК 338.486

В современной России туризму уделяется большое внимание. Так, разработана Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г., в которой определены цели, задачи и направления туризма. В документе сказано, что «туризм является одной из отраслей экономики, которая одновременно играет социальную и экономическую роли» [13]. Социальная роль туризма реализуется через удовлетворение потребности населения в отдыхе, впечатлениях и личностном развитии. Ключевой



задачей Стратегии является повышение доступности туризма для населения, обеспечение необходимого разнообразия через формирование туристского продукта с учётом половозрастных, этнических, религиозных и иных особенностей населения. В рамках Стратегии уже разработаны и реализуются некоторые программы развития туризма в Российской Федерации, например, Подпрограмма «Туризм» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», Программа доступных путешествий (туристический кешбэк) [4].

Среди важных социальных следствий развития туризма для населения наибольшее значение имеют оздоровление, рост продолжительности жизни, укрепление института семьи, интеллектуальное, духовное, творческое развитие, патриотическое воспитание за счёт развития детского и юношеского туризма, социальная адаптация и формирование уважения к культурному и религиозному многообразию Российской Федерации.

Перспективным направлением в сфере туризма является гастрономический туризм, который играет немаловажную роль в интеграции туристской индустрии и организации общественного питания, в обмене культур этносов мира. Элементы гастрономических туров обычно включают в себя экскурсионные программы и, как правило, зарубежным туристам в России предлагается посетить конкретные рестораны и кафе, поучаствовать в дегустации блюд и напитков кухни народов России.

В большинстве работ исследователей в области туризма гастрономический туризм интерпретируется как перспективный вид туризма, но данные работы не посвящены перечню актуальных вопросов: его инновационным возможностям и конкурентоспособности, созданию совершенно новых объектов в инфраструктуре и индустрии туризма.

Целью научной работы является анализ состояния гастрономического туризма на территории Хабаровского края и оценка возможностей организации самостоятельного объекта в туристической индустрии – туристического кафе. Данная работа базируется на общенаучных и эмпирических методах: анализе данных, сравнении первичной информации в виде таблиц, социологическом опросе, расчётном методе и SWOT-анализе.

Гастрономический туризм – вид туризма, основная цель которого знакомство с той или иной страной через призму национальной гастрономии. «Для гастрономического туриста еда – категория культуры, формирующая уникальную идентичность страны или региона» [11, 13]. Гастрономический тур, или гастротур – «комплекс мероприятий по дегустации блюд, характерных для местной кухни» [2].

Гастрономические туры обычно рассчитаны на 6-8 дней. Причём в тур может быть включено не только посещение лучших ресторанов, но и участие в технологии приготовления блюд, традиционном празднике с культурной программой, экскурсии на предприятия, а также посещение кулинарных курсов. «Для организации гастрономического тура следует правильно поставить цели и задачи, определить ресурсы и возможности той или иной территории» [11, 85]. Во-первых, интерес организаторов и туристов вызывает заданная территория, на которой имеется пищевое сырьё для гастрономического тура. Во-вторых, внимание туристов может привлечь переработка этого сырья, т. е. технологии, применяющиеся на предприятиях по производству конечного продукта. «В-третьих, необходимо организовать дегустацию полученного продукта, которая является одной из самых популярных форм работы с экскурсантами. В-четвёртых, желательно наличие точки продажи для приобретения продуктов» [6, 85-86].

Таким образом, гастрономический туризм – это путешествие для знакомства с особенностями местной кухни, кулинарными традициями с целью отведать уникальные для приезжего человека блюда или продукт.

Россия обладает огромным гастрономическим потенциалом, его становление и «популяризация основаны на многонациональности и обширности территории» [1, 18]. РФ представляет собой целый калейдоскоп культур, традиций, который нашёл отражение в гастрономии: в её составе, контрастности вкусовых предпочтений, особенностях процедуры приёма пищи. Большинство регионов имеет свои уникальные гастрономические возможности. Так, среди возможностей Дальнего Востока отмечают, что здесь можно не только попробовать свежайших крабов, устриц и лосося, но и научиться их готовить на кулинарном мастер-классе. Популярные продукты: 1) строганина –

замороженная сырая рыба, нарезанная тонкими ломтиками; 2) го бао жоу – свинина в кисло-сладком соусе; 3) фукус – морской виноград.

К сожалению, в России отсутствуют продуманные маршруты по гастрономическому туризму. Также важным вопросом является развитость инфраструктуры, особенно транспорта и размещения. Причём важно не просто съездить попробовать блюдо, но и научиться его готовить. Несмотря на существующую ситуацию в России, бизнесмены разделяют перспективность этого направления. Развитие туристической сферы позволит активизировать социально-экономическую жизнь на Дальнем Востоке России [10].

Туристическое кафе как инновационный объект в инфраструктуре не только гастрономии, но и туризма в целом будет способствовать развитию международного и внутреннего гастрономического туризма, а также являться одной из основных структурных единиц в индустрии туризма в качестве предприятия общественного питания для индивидуальных туристов и организованных групп.

При открытии любого предприятия питания необходимо сориентироваться, на какой целевой сегмент потребительского рынка оно будет рассчитано. Результатом исследования является отношение групп потенциальных посетителей к идее, месту, организации и качеству обслуживания и другим факторам.

Важной составляющей открытия туристического кафе является всестороннее изучение рыночной конъюнктуры и реальная оценка типов возможностей и угроз, с которыми оно может столкнуться. Поэтому объектами маркетинговых исследований при открытии туристического кафе будут выступать почти все составляющие деятельности организаций общественного питания, которые позволят не столько оценить ситуацию на рынке общепита, сколько определить новые технологии организации гастрономического туризма в Хабаровском крае (открытие туристического кафе):

- выявление целевой аудитории и конкурентов;
- исследование рынка;
- выявление сильных и слабых сторон туристического кафе.

С целью выявления спроса на предложение организации туристического кафе, а также определения основных конкурентов туристического кафе было проведено анкетирование. В опросе участвовало 110 человек, выборка случайная. Анкета состоит из 14 вопросов, была размещена на интернет-платформе «Google Формы». Помимо основной цели, ответы респондентов позволили определить их участие в гастрономических турах и создать представление о перечне желаемых участниками опроса услуг, который может быть представлен в туркафе.

В ходе анкетирования были выявлены следующие возрастные группы: 16-24 года – 55 человек (36 %), 25-44 года – 42 человека (38,18 %), 45-64 года – 4 человека (13,64 %) и более 65 лет – 9 человек (8,18 %).

Согласно результатам интернет-опроса, 59 респондентов (53,64 %) знакомы с определением гастрономического («кулинарного») туризма, а 51 человек (46,36 %) не имеют представления о вышеуказанном виде туризма.

По вопросу: «В каких странах мира или регионах России Вы посещали организации общественного питания (можно назвать несколько вариантов) с целью отведать блюда разных кухонь мира (если таковые поездки были)?» – была составлена следующая статистика: 19,2 % респондентов (21 человек) не посещало никакие страны мира и регионы России; следовательно, 80,8 % (89 респондентов) воспользовалось услугами предприятий общественного питания за границей и в городах, субъектах РФ (см. табл. 1). Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответов.

Как показали результаты опроса, 39 человек (35,5 %) считают, что отсутствие крупных предприятий общественного питания и незаинтересованность туристских фирм гастрономическими программами на территории края тормозят развитие «кулинарного» туризма; 11 опрошенных (10 %) думают, что отсутствие рекламы и обслуживания на иностранных языках для туристов из-за рубежа, нехватка гастрономических ресурсов не дают возможность в полной объёме раскрыть потенциал исследуемого вида туризма; 12 человек (10,9 %) – отсутствие высококачественных сопутствующих услуг; 23 респондента (20,9 %) – качество оказания услуг питания; 3 участника опроса (2,7 %) – отсутствие интереса у потребителей (см. табл. 2). Участникам опроса предлагалось остановиться на нескольких вариантах ответов.



Таблица 1

Статистика посещений участниками опроса организаций общественного питания в странах мира и регионах РФ

Страны мира и регионы РФ, в которых побывали респонденты	Количество человек	Количество человек, %
Нигде	21	19,2 (от 110 человек)
Япония	13	14,3 (от 89 человек)
Таиланд	13	14,3
Италия	8	9,5
Китай	30	33,3
Турция	13	14,3
Казахстан	4	4,8
Киргизия	4	4,8
Южная Корея	4	4,8
Доминиканская Республика	4	4,8
Абхазия	4	4,8
Австрия	8	9,5
Испания	8	9,5
Чехия	4	4,8
Грузия	4	4,8
Украина	4	4,8
Болгария	4	4,8
Германия	4	4,8
Узбекистан	4	4,8
Франция	4	4,8
Египет	4	4,8
Санкт-Петербург	13	14,3
Хабаровский край	17	19,0
Казань	13	14,3
Приморский край	25	28,6
ЕАО	4	4,8
Москва	13	14,3

Таблица 2

Факторы, стагнирующие уровень развития гастрономического туризма на территории Хабаровского края

Причины, тормозящие развитие гастрономического туризма в Хабаровском крае	Количество человек	Количество респондентов, %
Отсутствие рекламы	11	10
Нехватка гастрономических ресурсов	11	10
Незаинтересованность турагентств и туроператоров гастрономической программой	39	35,5
Отсутствие высококачественных сопутствующих услуг (мастер-классы, музыкальные программы и т.п.)	12	10,9
Отсутствие обслуживания на иностранных языках для зарубежных туристов	11	10
Качество оказания услуг питания	23	20,9
Отсутствие интереса потребителей	3	2,7
Отсутствие крупных предприятий общественного питания	39	35,5

Более половины участников опроса (69 человек – 62,73 %) довольны качеством услуг питания в г. Комсомольске-на-Амуре, остальные (41 человек – 37,27 %) при его оценке дали отрицательный ответ.

Что касается определения недостатков, которые необходимо исправить в организациях общественного питания г. Комсомольска-на-Амуре при обслуживании гостей, респонденты выделяют: антисанитарию, долгое обслуживание, некомпетентность (грубость) персонала, однообразное меню, отсутствие музыкальной программы, качество приготовления пищи, отсутствие диетического питания, плохой сервис (отсутствие знаний и мотивации у официантов).

На вопрос: «Какие организации общественного питания Вы считаете лучшими по обслуживанию и оказанию услуг питания в г. Комсомольске-на-Амуре (можно назвать несколько ответов)?» – ответы представлены в табл. 3. Исходя из анализа таблицы, можем сказать, что рекомендуемыми к посещению предприятиями общественного питания являются кафе-пиццерия «Додо-пицца» (8 человек – 8,3 %), ресторан «Тепло» (34 человека – 33,3 %), кафе «Синьор Помидор» (8 человек – 8,3 %), «Лето» (8 человек – 8,3 %) и кафе-столовая «Трапеза» (8 человек – 8,3 %). Участникам опроса было предложено дать несколько ответов.

Таблица 3

Лучшие, по мнению респондентов, организации общественного питания
г. Комсомольска-на-Амуре

Лучшие предприятия общественного питания	Количество человек	Количество человек, %
Таких нет	8	7,7 (от 110 человек)
Динаполи	4	4,2
Додо-пицца	8	8,3
Тепло	34	33,3
Мак Чикен	4	4,2
Арлен	4	4,2
Столовая «Городок»	6	6,4
Дока-пицца	4	4,2
Синьор Помидор	8	8,3
Лето	8	8,3
Трапеза	8	8,3
Чехов	4	4,2
Мясоруб	4	4,2
Кинза	4	4,2
Амур	4	4,2
Восток	4	4,2
Ахтамар	4	4,2
Supers Pizza	4	4,2

На вопрос: «Что Вы понимаете под словосочетанием “туристическое кафе”?» – респондентам предлагалось дать развернутый ответ. Для более четкого восприятия и эффективного анализа определения были сгруппированы и показаны в табл. 4.

Согласно ответам на десятый вопрос, необходимыми услугами в туристическом кафе оказались проведение дегустаций (97 человек – 88,5 %) и мастер-классов по приготовлению блюд (55 человек – 50 %), обслуживание на иностранном языке для международных туристов (59 человек – 53,8 %). Также респонденты посчитали важным в перечень услуг добавить проведение национальных праздников и соблюдение традиций представленной кухни.

Ответы на вопрос: «Хотелось бы вам отведать национальные блюда народов Хабаровского края в туристическом кафе г. Комсомольска-на-Амуре, а также принять участие в мастер-классах по их приготовлению?» – распределились следующим образом: 93 % готовы отведать национальные блюда Хабаровского края, 13 % не решились бы попробовать такую кухню.



Таблица 4

Понимание респондентами определения «туристическое кафе»

Ответы на вопрос: «Что такое туристическое кафе?»	Количество человек	Количество человек, %
Кафе для туристов	49	44,55
Кафе, в котором собраны разные кухни стран, либо определённых народностей	4	3,64
Заведение общественного питания, предоставляющее возможность испробовать аутентичные блюда той или иной культуры, которое могут посещать не только приезжие туристы, но и жители города	11	10
Кафе для туристов, в котором будут подаваться блюда разных стран	7	6,36
Креативное кафе с какой-то изюминкой, что будет отличать его от остальных	3	2,73
Место, где можно попробовать местную национальную кухню	11	10
Кафе с широким ассортиментом одной из кухонь, в котором соблюдаются традиции и антураж	3	2,73
Кафе, где тебе не только дадут попробовать то или иное блюдо, но и кратко расскажут о его создании и происхождении	8	7,27
Места для кормления туристических групп	2	1,82
Затрудняюсь ответить	5	4,55
Кафе для приезжих и местного населения, где подают различную кухню	5	4,55
Шведский стол	2	1,82

Среди опрошенных популярной кухней считается русская (68 человек). Второй по востребованности является европейская кухня. Далее по порядку убывания: японская – 59 человек, корейская – 55, китайская – 51, кухня этносов Хабаровского края – 47, экзотическая – 38. Респондентам было предложено выбрать несколько видов кухонь.

Отвечая на вопрос: «Какую денежную сумму вы готовы заплатить за оказание качественных услуг в туристическом кафе?» – большая часть анкетированных (63 человека – 57,27 %) считает сумму от 1000 до 2000 рублей оптимальной. Данный выбор можно объяснить тем, что большинство респондентов – представители среднего экономического класса.

Подводя итоги анкетирования, можем сделать вывод, что значительное количество респондентов проявляет интерес к гастрономическому туризму, но 51 человеку (из 110) незнакомо его определение ввиду неинформированности жителей г. Комсомольск-на-Амуре о данном виде туризма. Большая часть анкетированных – 80,8 % от 110 человек – путешествовали по регионам России и странам мира, при этом посещая различные организации общественного питания за пределами своего места жительства. Подавляющее количество опрошиваемых считает, что развитие гастрономического туризма на территории Хабаровского края возможно, но респонденты выделяют ряд проблем, снижающих продвижение исследуемого вида туризма в регионе: незаинтересованность турагентств и туроператоров гастрономической программой, качество оказания услуг питания и отсутствие крупных предприятий общественного питания.

Исходя из точек зрения респондентов о концепции туристического кафе, можно определить, что «это заведение общественного питания, предоставляющее возможность испробовать аутентичные блюда той или иной культуры, которое могут посещать не только приезжие туристы, но и жители города», что поможет в формировании бренда инновационного объекта гастрономического туризма. Интерес к услугам туристического кафе проявили 98 участников опроса из 110, 93 человека желают отведать блюда национальной кухни народов Хабаровского края и принять

участие в мастер-классах по их приготовлению. Предпочитаемыми большинством участников опроса кухнями выступили: паназиатская (более половины респондентов), русская и европейская.

Исследование рынка – последовательные действия по сбору информации о рынках или потребителях. В случае с гастрономическим туризмом это выявление мероприятий, инструментов организации и объектов данного вида туризма на территории Хабаровского края, в особенности, города Комсомольска-на-Амуре. В рамках развития гастрономического туризма в исследуемом регионе РФ проводятся различные «кулинарные» мероприятия (см. табл. 5).

Исходя из анализа табл. 5, можем сказать, что гастрономический туризм в Хабаровском крае развивается с помощью следующих составляющих: гастрономических туров, маршрутов – 6 туров, экскурсий – 3; предприятий общественного питания, предлагающих блюда различных национальных кухонь, блюда дальневосточной кухни, кулинарные мастер-классы; гастрономических фестивалей – 6; различных ярмарок, выставок продуктов питания. В г. Комсомольске-на-Амуре проводятся 3 таких мероприятия: фестиваль «Fish-Amur-Fest», туры «Дальневосточный пикник» и сельскохозяйственно-гастрономический тур; такие крупные заведения общепита, как рестораны «Амур», «Тепло», кафе «Синьор Помидор», «Лето» и др., могут предоставить услуги питания как местному населению, так и туристам и обладают необходимыми для этого ресурсами. Таким образом, гастрономический туризм на территории Хабаровского края является относительно новым направлением туризма, и для его развития требуется составление инновационных целевых программ.

Таблица 5

Объекты гастрономического туризма, выделяемые на территории Хабаровского края

Объекты гастрономического туризма	Основные составляющие рынка гастрономического туризма Хабаровского края	Характеристика
1	2	3
Экскурсии	1. Кондитерская фабрика «Хабаровская»; 2. Фабрика мороженого «Зайца»; 3. Пивоваренный завод «Балтика – Хабаровск»	Данные экскурсии вводят экскурсантов в производственный процесс предприятий, изготавливающих продукцию для рынка Хабаровского края. В рамках экскурсий проводятся мастер-классы и дегустации продуктов питания
Фестивали	– «Кухня без границ» (г. Хабаровск); – «Серебряная корюшка» (Советско-Гаванский муниципальный район); – «Солнцеворот» (район имени Лазо); – «Фестиваль Варенья» (Вяземский район); – «Fish-Amur-Fest» (г. Комсомольск-на-Амуре); – «Губернаторская уха» (г. Хабаровск)	На фестивалях бесплатно угощают всех желающих свежей ухой, проводят конкурсы на рыбную тему, развлекают мастер-классами и выступлениями артистов. Участники могут представить несколько обновленных традиционных блюд национальной кухни, которые будут оценены коллегией жюри в разных номинациях. Также в ходе фестиваля проходят гастрономические ужины
Организации общественного питания	Рестораны «Версаль», «Гауди», «Ковбой», «Варварка», «Амур» и др. (дегустации и мастер-классы по приготовлению традиционных и оригинальных блюд)	В настоящее время в Хабаровском крае предлагают блюда национальных и зарубежных кухонь: русской, еврейской, узбекской, армянской, азербайджанской, грузинской, украинской, чешской, немецкой, итальянской, французской, ирландской, китайской, корейской, японской и др.



Продолжение табл. 5

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Гастрономические туры	«Гастрономический пивной тур» (организатор: ООО «Добро пожаловать», продолжительность: 6 дней / 5 ночей)	Предполагаемая целевая аудитория: мужчины и женщины в возрасте от 21 до 65 лет, иностранные туристы; сезон: круглогодичный; населённые пункты, через которые проходит маршрут: г. Хабаровск, с. Матвеевка, с. Князе-Волконское, с. Бычиха, с. Сикачи-Алян. В стоимость включено: проживание в гостинице, трёхразовое питание, гид-переводчик, транспортные средства, экскурсии по программе
	«Медовый тур» (организатор: ООО «Добро пожаловать», продолжительность: 3 дня / 2 ночи)	Предполагаемая целевая аудитория: мужчины, женщины от 18 до 60 лет, иностранные туристы; сезон: июль, август; населённые пункты, через которые проходит маршрут: г. Хабаровск, с. Кругликово. В стоимость включено: проживание в гостинице, трёхразовое питание, гид-переводчик, транспортные средства, экскурсии
Комбинированные туры	Этно-гастрономический тур «Праздник русского каравая» (Хабаровск, продолжительность: 2 часа, цена: от 2000 р., ООО «РСТ-ТУР»)	Включено в стоимость тура: питание, транспорт, полезные развлечения. Описание тура: авторский этно-гастрономический тур «Народы России. Праздник русского каравая» – это дегустация блюд традиционной русской кухни под аккомпанемент фольклорного ансамбля русской народной песни
	Сельско-гастрономический тур	Туристы могут принять участие в сборе дикоросов, трав, грибов и ягод, познакомиться с историческим, культурным, этнографическим наследием, обычаями, ремёслами и традиционными промыслами коренных и малочисленных народов, проживающих в регионе
	«Вкусный Хабаровск» (продолжительность: 3 дня / 2 ночи, ООО «Солнечный мир»)	В программу входит обзорная экскурсия по городу, мастер-класс по приготовлению традиционных русских блюд в кафе «Варварка», экскурсия в краевой музей им. Градекова, прогулка на теплоходе по р. Амур, экскурсия к Петроглифам Сикачи-Алян с дегустацией нанайских блюд

Далее проведём SWOT-анализ для оценки конкурентоспособности, потенциала и определения стратегии проекта туристического кафе. SWOT-анализ применяется для анализа факторов конкурентного окружения [12, 66]. В настоящее время в рамках технологий стратегического планирования он рассматривается как отдельный этап оценки и структурирования информации; планирования и реализации; конкурентной разведки. Таким образом, задача SWOT-анализа – дать структурированное описание ситуации, относительно которой нужно принять какое-либо решение. Однако выводы, сделанные на его основе, носят описательный характер [7]. SWOT-анализ используется сегодня в различных исследованиях, например, при анализе бизнес-процессов [9].

SWOT-анализ будущего туристического кафе – это анализ сильных и слабых свойств организации, возможностей и угроз.

В ходе проведения SWOT-анализа туристического кафе (см. табл. 6) были выявлены сильные и слабые стороны, угрозы и возможности организации, которые позволят выстроить унифицированную стратегию развития инновационного объекта и гастрономического туризма в Хабаровском крае в целом.

Таблица 6

SWOT-анализ туристического кафе

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
	Сильные стороны	Слабые стороны
Внутренняя среда	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобладание многонародности в Хабаровском крае, кухни этносов могут быть представлены в меню туристического кафе. 2. Уникальность концепции, объединяющей в себе сотрудничество с туристскими фирмами, обслуживание местных жителей (обеспечит наличие единого бренда гастрономического туризма в Хабаровском крае). 3. Наличие богатой ресурсной базы. 4. Широкий спектр основных услуг 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Неразвитость инфраструктуры туризма в Хабаровском крае. 2. Отсутствие комплексной программы развития. 3. Отсутствие рекламной стратегии гастрономического туризма. 4. Большие различия в гастрономии национальных кухонь Хабаровского края и кухонь стран Европы
Внешняя среда	Возможности <ol style="list-style-type: none"> 1. Малое число крупных игроков в сфере общепита в г. Комсомольск-на-Амуре. 2. Инновационность объекта в индустрии туризма (отсутствие каких-либо предложений для организованных групп туристов). 3. Интерес потребителей к услугам (результаты опроса). 4. Ориентированность на потребителей из азиатских стран, близко расположенных к Хабаровскому краю (обосновано наличием интереса к культуре народов края у наций Азиатско-Тихоокеанского региона). 5. Связь гастрономического туризма с другими видами, что может привести к росту потенциальных партнёров из других секторов туризма 	Угрозы <ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая степень конкуренции схожих отраслей: ресторанов, кафе и других предприятий общественного питания (около 300 организаций сосредоточено в г. Комсомольске-на-Амуре, среди них большинство – представители мелкого бизнеса, малое количество – среднего). 2. Экономические изменения в стране, кризис в связи с распространением COVID-19. 3. Риск оригинальности, угроза невостребованности продукта. 4. Отсутствие иностранных туристов из отдалённых стран мира в связи пандемией COVID-19 и др.

Перед тем как открывать любое предприятие общественного питания, необходимо оценить финансовые возможности. Для этого, возможно, понадобится привлечение сторонних инвесторов. Чтобы их заинтересовать, необходимо составить хороший бизнес-план. Предварительная смета расходов на открытие туристического кафе в городе Комсомольск-на-Амуре складывается из следующих показателей (см. табл. 7).

Итак, стоимость затрат на открытие туристического кафе «Дальневосточная жемчужина» в городе Комсомольск-на-Амуре составляет 2 809 990 р.

В Хабаровском крае гастрономический туризм находится на этапе зарождения, но имеет большой потенциал благодаря богатым гастрономическим туристским ресурсам региона, которые обусловлены внушительным количеством народов края, соседством со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Гастрономический туризм можно назвать инновационным направлением в Хабаровском крае, поскольку количество предложений от туроператоров и турагентов невелико.



Но с каждым днём всё больше турфирм, организаций общественного питания и владельцев промышленных предприятий начинают заниматься данным видом деятельности [5].

В процессе выполнения научной работы были проанализированы состояние гастрономического туризма на территории Хабаровского края и оценка возможностей организации самостоятельного объекта в туриндустрии – туристического кафе.

Таблица 7

Приблизительная смета расходов по открытию туристического кафе
«Дальневосточная жемчужина»

Основные группы затрат	Наименование расходов	Количество, шт.	Стоимость расходов, р.
1	2	3	4
Аренда	Помещение	1	160 000 (в месяц)
Строительные работы	Оплата работы инженера	1	45 000
	Оплата услуг декоратора	1	34 000
	Установка пожарной сигнализации	1	50 000
	Установление системы водочистки	1	45 000
	Установление системы вентиляции	1	100 000
	Освещение	1	32 000
	Подготовка коммуникаций, сопутствующие работы	1	24 000
Оборудование	Эспрессо-машина	2	84 000
	Холодильник	1	19 000
	Блендер	2	15 000
	Раковина для барной стойки	1	3150
	Одноразовые принадлежности	15 комплектов	4150
	Оборудование (устройство для чтения кредитных карт, планшет iPad или Android, кассовый аппарат и чековый принтер)	1	75 000
	Программное обеспечение и интернет	1	1650 (в месяц)
	Музыкальное оборудование	1	25 000
	Телевизор	1	32 000
	Другое (кофемолка, кофеварка, генератор льда и пр.)	1	78 000
Мебель	Стол	20	200 000
	Стуль	32	57 600
	Диваны	24	156 000
	Барная стойка	1	35 000
	Барные стулья	1 комплект	11 400
Фирменная одежда для персонала	Официант	6	12 000
	Повар	4	12 000
	Администратор-управляющий	2	5000
	Мастер чистоты (судомойка)	2	4000
	Кухонный рабочий	1	2000
	Бармен	2	4500

Продолжение табл. 7

1	2	3	4
Оснащение кухни	Столовые приборы	280	2800
	Тарелки суповые	130	3250
	Тарелки для вторых блюд	140	4200
	Тарелки закусочные	140	3500
	Тарелки пирожковые	110	2750
	Тарелки десертные	110	2750
	Оборудование для кухни (плиты, механическая печь, микроволновая печь, холодильники и т.п.)	1	495 100
	Чайный набор	50	3250
	Хайболы	90	1350
	Посудомоечная машина	1	11 990
	Посуда для кухни	1	92 400
Автоматизация кафе	Установка кассовой системы	1	12 000
Реклама	Группы в социальных сетях, рекламные щиты	1	45 000
Дизайн и интерьер	Вывеска	1	37 000
	Электронное меню	1	42 200
	Меню	20	22 000
	Украшения	1	74 000
Документационное обеспечение	Бизнес-план	1	41 000
	Лицензия	1	65 000
	Консультанты	2	50 000
	Страхование	1	132 000
Продовольственные запасы	Кофейные зёрна, хлебобулочные изделия, сэндвичи, чай, напитки и т.д.)	1	340 000
Итого	2 809 990		

Результатом работы стало формирование новой технологии организации гастрономического туризма, а также представления об инновационном объекте туристского интереса в сфере гастрономии – туристическом кафе. Для его достижения было проведено маркетинговое исследование для развития гастрономического туризма на территории Хабаровского края, которое включало проведение анкетирования среди туристов и жителей г. Комсомольска-на-Амуре, выполнение анализа рынка гастрономического туризма в рамках исследуемого региона, проведение SWOT-анализа, а также была составлена предварительная смета расходов по открытию туристического кафе «Дальневосточная жемчужина». Туристам и местным жителям в предложенной организации общественного питания предлагается насладиться дальневосточным колоритом и отведать блюда панзиатской, русской и национальной кухни Хабаровского края. Это приведёт к образованию соответствующего благоприятного имиджа и бренда дальневосточной кухни, увеличению потока китайских, японских, корейских, а также российских туристов в дестинацию и налаживанию социально-культурных взаимоотношений между государствами в целом.

Создание туристического кафе позволит осуществить: развитие кулинарных туристских ресурсов, характерных для рассматриваемого региона; развитие направлений туризма (этнический, агротуризм, познавательный и др.) с возможностью получения многочисленных туристских впечатлений, включая гастрономический; сотрудничество между частными производителями туристских и гастрономических услуг; выработку эффективной маркетинговой стратегии дестинаций, в



которую входят и гастрономические предложения, повышение информированности общества о данном виде туризма и выделение уникального гастрономического бренда; повышение самосознания населения за счёт продвижения местной пищевой культуры; дифференциацию услуг питания от базовых составляющих тура, прежде всего от гостиничного обслуживания туристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гастрономический туризм, популярные страны [Электронный ресурс] / Гранд Кулинар: www.grandkulinar.ru: гид в современном мире кулинарии. – Раздел сайта «Статьи», подраздел «Гастрономический туризм, популярные страны». – Режим доступа: <https://grandkulinar.ru/4379-gastronomicheskiy-turizm-populyarnye-strany.html> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Гастротуризм: что такое гастрономический туризм, кому нужен гастрономический туризм, виды гастротуризма [Электронный ресурс] / www.gastrotur.ru: блог о «вкусных» путешествиях. – Раздел сайта «Гастротуризм», подразделы «Что такое гастрономический туризм?», «Виды гастротуризма». – Режим доступа: <http://gastrotur.ru/gastronomicheskiy-turizm> (дата обращения: 10.03.2021).
3. Геращенко, И. Н. Анализ современного состояния мирового и отечественного гастрономического туризма и перспективы его развития / И. Н. Геращенко, И. В. Климова // Культура и время перемен. – 2019. – № 2 (25). – С. 1-13.
4. Государственные программы, реализуемые Ростуризмом с 2020 года [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по туризму. – Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/gosudarstvennyye-programmy-realizuyemye-rosturizmom-s-2020-goda> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Девятирикова, В. В. Развитие гастрономического туризма как инновационного направления для предприятий туристской индустрии Хабаровского края [Электронный ресурс] / В. В. Девятирикова, Е. Г. Теличева // Учёные заметки ТОГУ. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 6-16. – Режим доступа: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_198.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
6. Драчева, Е. Л. Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы [Электронный ресурс] / Е. Л. Драчева, Т. Т. Христов // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – № 3 (4). – С. 1-19. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gastronomicheskiy-turizm-sovremennyye-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 10.03.2021).
7. Изосимов, С. В. Метод SWOT-анализа: его место в методах исследования, преимущества и недостатки / С. В. Изосимов, А. Л. Шевченко // Экономикс. – 2013. – № 2. – С. 29-34.
8. Кусков, А. С. Основы туризма: учебник / А. С. Кусков, Ю. А. Джаладян. – М.: КНОРУС, 2012. – 400 с.
9. Ларченко, Ю. Г. Анализ показателей бизнес-процесса / Ю. Г. Ларченко, К. Г. Яськова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № IV-2 (40). – С. 104-107.
10. Лю, Х. Развитие туризма в приграничных районах России и Китая как фактор расширения межкультурного диалога / Х. Лю, Ж. В. Петрунина // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научной конференции. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 139-142.
11. Нехаева, Н. Е. Гастрономический туризм как перспективное направление развития регионов России / Н. Е. Нехаева, Ю. С. Терехова // Естественные и математические науки в современном мире. – 2015. – № 9 (33). – С. 82-87.
12. Пастухова, В. В. Использование SWOT-анализа в процессе выбора глобальной стратегии предприятия: практическое пособие / В. В. Пастухова. – Донецк: АООТ Донецкий Торговый Дом «Донбасс», 2000. – 74 с.
13. О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.: Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по туризму. – Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda> (дата обращения: 10.03.2021).
14. Синёва, Т. Ю. Анализ современного состояния гастрономического туризма в мире / Т. Ю. Синёва, В. В. Лиханова // Проблемы развития туризма и гостеприимства: опыт и инновации: материалы IV интернет-конференции, 2018 г. / отв. ред. М. П. Титова. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2018. – С. 1-8.
15. Суслова, И. А. Состояние и тенденции формирования элементов гастрономического туризма в России / И. А. Суслова, Т. Н. Лустина, А. Г. Панова // Сервис +. – 2018. – № 3. – С. 13-25.

Содержание

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Амгаланова М. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИДЕЙ
И ТВОРЧЕСТВА БУРЯТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ 4

Галкина Е. Г., Меньшикова В. А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ЧАСТИ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА 12

Логина Т. В., Федирко О. П.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ
О ВВЕДЕНИИ В ПРОГРАММУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ШКОЛ
КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» 20

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ЗАПАД-ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ «ЯПОНСКОГО ФРАНЦУЗА»
ЛЕОНАРДА ФУДЗИТЫ 26

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ТРАДИЦИОННОЕ ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ КАНАДЗАВА СЁКО 33

Мусалитина Е. А.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ
В КИТАЙСКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ 41

Сохацкая Д. Г., Меньшикова В. А.

ДИЗАЙН-КОД КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ
ИМИДЖА ГОРОДА 47

Чугунова О. Л.

КАРИКАТУРА КАК ВИД ИСКУССТВА:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ 54

Яковлева Т. А., Эмомзода П. Д.

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ 60

Ярославцев А. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ
И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ (1917 – 1925 ГГ.) 67

Ярославцев А. В., Ярославцева Т. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ
КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ И ЖИЛИЩНОЙ
ПОЛИТИКИ В РОССИИ (1917–1941 ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 73

ИСТОРИЯ

Блинцов Д. А.

«МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СЧИТАЛО,
ЧТО НИКАКИЕ ДЕЙСТВИЯ НЕВОЗМОЖНЫ...»:
СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ 80

Вафин М. О., Ярославцева Т. А.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ В СССР 87

Петрунина Ж. В., Лапиков Я. В.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1950-Х ГГ. 95

ЭКОНОМИКА

Баранов Н. А., Шушарина Г. А.

ТУРИСТИЧЕСКОЕ КАФЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ОБЪЕКТ
В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА 101

Учёные записки КнАГТУ
2021 № VI (54)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 25.09.2021
Дата выхода в свет 29.09.2021

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 30395.

Отпечатано в типографии
КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

